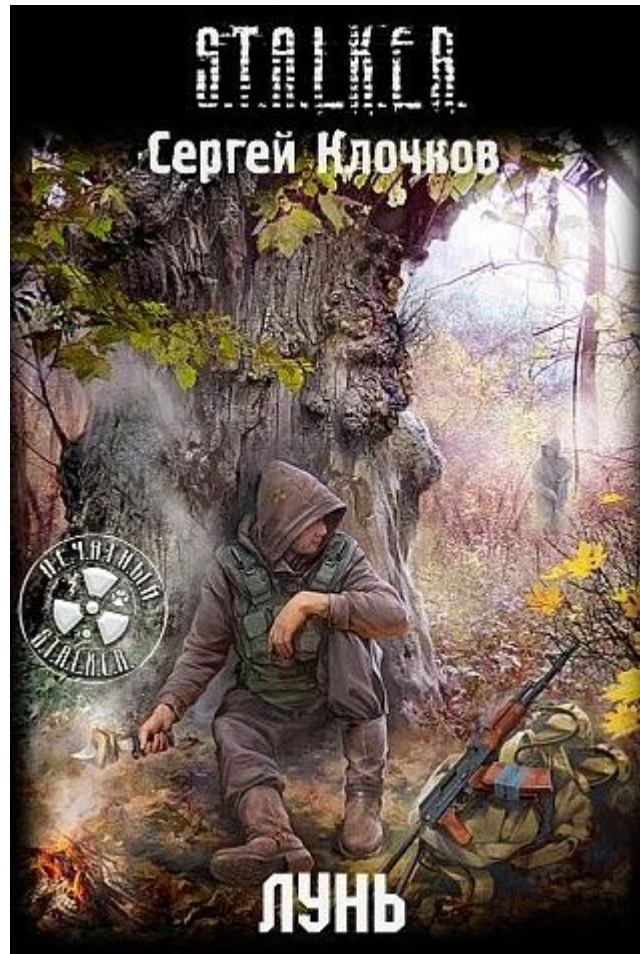

Сергей Клочков
Лунь

S.T.A.L.K.E.R. – 37

Аннотация:

Опыт и интуиция, расчёт и осторожность, удача, а зачастую и жестокость — главные составляющие выживания в Зоне, где люди могут быть куда опаснее монстров. Лунь, сталкер-одиночка, стоит перед выбором: собственная выгода или помощь другому человеку. Встреча в тайном схроне у заброшенного посёлка может стать судьбоносной.

Сергей Клочков
Лунь

Лунь

Зона тебя любит.

Труп сидел прямо напротив меня, в каких-то трёх шагах, привалившись спиной к рыжему от ржавчины радиатору отопления. Смердел он невыносимо, влажно-солёной вонью перебивая даже запах озона от разлётшейся под окном «молотилки», чьи прозрачные фиолетовые нити пару раз затягивало сквознячком через разбитое стекло. Оставалось только молиться всем богам, чтобы эти тонкие, тающие на воздухе волоски не долетели до моего скрученного параличом тела. Ах, паскудство-то какое... угораздило же вляпаться. Впрочем, моему молчаливому соседу, отравляющему воздух недельки уже этак четыре, повезло меньше. Именно эта вот «молотилка» сгребла его у самого окна, ясное дело. Скверная это

штука, нехорошая. Сканер её не видит, болты пролетают, трава даже растёт, и хоть бы хны ей. И видна, паскуда, становится только тогда, когда самолично в неё влетишь. Вон они, паутинки чёртовы, шевелятся.

Я попробовал шевельнуть ногой, с замиранием сердца ожидая вспышки боли от разорванных сухожилий. Везёт дураку... нога послушалась, хотя спазмы нет-нет, да и пробегали по мышцам, а ступню жгло, как на сковородке. Наступил, значит, на ниточку, маленькую, почти выдохшуюся, иначе оторвала бы мне родная икроножная не менее родное ахиллово. Я вспомнил, как пёр на себе почти четыре километра Кальяныча, матёрого сталкерюгу, влетевшего в «молотилку», отделало его тогда собственной мускулатурой так, что мало не покажется. Силач был у нас Кальяныч, мир праху его. Донёс его до «мясников», да те уже ничего сделать не смогли — в десятке мест мышцы полопались, и всю спину сожгло до самой макушки. Я отполз подальше от окна и медленно, сантиметр за сантиметром, подогнул пострадавшую ногу, расшнуровал ботинок на особой тройной подошве, осторожно снял. Стопа цела, только чуть посинела, возле пальцев темнела ветвистая царапина. От сердца отлегло. «Дурак... дебил... дурак... кретин» — спокойно, с расстановкой шептал я сам себе, энергично растирая ногу, чтоб после «молотилки» не свернулась в сосудах кровь, — «так Зона дураков учит. Видел, что труп. Озоном воняло. И всё равно полез. Дурак... дебил...».

Дозиметр помалкивал. Сканер аномалий мигал зелёным диодом, сообщая, что ничего противного в радиусе двадцати метров не наблюдается. Это, впрочем, ещё ничего не означало. Не пеленговала техника добрых две трети даже известных аномалий. Вот и «молотилку» не засекала. Я достал пальчиковый ультрафиолетовый фонарик и вновь посветил на стену, к которой, собственно, и направлялся полчаса назад. Да, так и есть. «Пластинин», и, судя по тёмно-красному густому свечению, весьма качественный. Не меньше кило будет, если соскрести со стены, и на потолке висят четыре толстых восковых сосульки, кручёных, как новогодняя свечка. «Ботаники» давали за грамм «пластилина» от одного грина до пяти, в зависимости от качества, и будь я неладен, если не исхитрюсь как-нибудь до него добраться. Но это позже, когда подействует инъекция и отпустит тупая, ноющая боль. Любишь, как говорится, медок, люби и холодок...

На ПМК я отстрочил короткое сообщение с указанием координат найденного трупа и отправил фото бедолаги, лежащего напротив. Труп сильно разложился, но чудо-техника «ботаников» могла восстановить лицо даже по голому черепу. Ответ пришёл через пять минут: «Никаноров Игорь Сергеевич, „Вась-Вась“, БВП, стаж четыре года, переведён 136–200 из акта № 321 КП от 16.06.2011, в акт № 78НС от 9.07.2011. Обнаружил Лунь в квадрате DF 45, ПГТ Нижнее Коржино».

Вот так. Ещё одному сталкеру компьютер Института выписал короткую сухую эпитафию, перетащив в недрах своей электронной памяти БВП Вась-Вася в двухсотые. Сталкеры невесело шутили: БВП, мол, расшифровывается «без вредных привычек», а вовсе не «без вести пропавший». А какой сталкер может бросить все угрожающие здоровью традиции вроде курения или распития спиртного? Ясное дело, сто тридцать шестой по новой системе... который, к сожалению, всегда оказывался двухсотым, если и удавалось найти его бранные останки. И всё-таки хорошо увидеть своё имя без кавычек и совершенно неуместных здесь паспортных данных. Значит, жив. Значит, ещё потопчу Зону-матушку. Хорошо, что вправили мозги на место очкастым компьютерщикам, вздумавшим по малолетству по фамилии-имени-отчеству нас величать. А то и по номеру. Совсем нюх потеряли. И уже года три в серверах вместо Александров Петровичей и Денисов Андреевичей прописались разные Оплёты, Костыли, даже Слюнявчики. Зона даёт свои имена, своих крёстных, своё посвящение, как в странном монастыре, и мирское имя остаётся за Кордоном, да ещё, пожалуй, в секретной памяти компьютера, чтобы всплыть в случае... тьфу, нашёл, о чём думать...

Лунь... признаться, новое имя поначалу совсем не понравилось. Тем более, что дали мне его по ошибке, оговорке одного из «бывалых». «Окрестил» меня Сионист, сталкер, чьи подвиги давно вошли в легенды, обрастающие всё новыми подробностями. Это был один из

немногих «аксакалов Зоны», сталкеров, что исходили родимую вдоль и поперек и стали такой же неотъемлемой её частью, как аномалии и артефакты. Очень высокий, не улыбочивый, с характерным разрезом глаз и формой носа, он обычно сидел в дальнем углу бара за неизменной бутылкой негазированной минералки. Облокотившись на стол костлявым локтем, и запустив длинные пальцы в шапку кудрявых волос, Сионист задумчиво изучал очередную книжку, изредка поднимая взгляд на других посетителей. Читал он всё подряд: научные отчёты «ботаников», детективы, сборники стихов, подшивки древних рассыпающихся газет. Ходки в Зону он делал редко, зато приносил Барину такие штуки, каких многие из сталкерской братии и в глаза не видели. И вновь усаживался за чтение, попивая минералочку и думая какие-то свои мысли. Рассказывали, что на заре своей сталкерской карьеры интеллигентный, молчаливый Сионист в одиночку раскрошил зубы трём быковатым новичкам из бывших «скинов», вздумавшим прицепиться к нему на выходе из бара. Один из пострадавших, ощупывая сломанный нос, прошипел тогда сквозь зубы: «вот, пацаны, это и есть сионизм, о котором я с вами базарил», добавив несколько матерных выражений. Имена не выбирают.

В первую ходку я всё же исхитрился намыть несколько, как мне тогда казалось, редких и ценных артефактов. Барин брезгливо покопался пальцем в моей добыче, отложил в сторону пару мелких «самоцветов», «чёртика», напоминающего комок серебристой шерсти с торчащими в разные стороны шипами и крохотный оранжевый «леденец». Всё остальное он вернул мне и картинно вздохнул. Потом я, не веря глазам своим, вертел в руках мятую двадцатку, заработанную за двое суток лазания по «самым опасным» местам Зоны. Сионист отвлёкся от томика Мандельштама, покусал губу и тихо изрёк:

— Ишь... надулся... как лунь на крупу. Мм... точнее, мышь. Да... — и продолжил чтение.

— Не переживай, Лунь, — хлопнул меня по плечу ближайший сталкер. — Хороший дядька тебя окрестил, стоящий. Примета добрая.

Виброзвонок на ПМК выдал серию коротких вздрагиваний. Ткнув два раза в сенсорный экран, я прочитал сообщение.

«Здоров буди, Лунь. Ты ещё в Коржино? Если да, и если не тяжко, глянь, дружище, чего там возле второго пруда делается, и заодно дартсов накидай, потому как старые сдохли давно, а пруд зело интересный. Сегодня не надо, завтра желательно, часам к трём. Премияльными не обижу. Михайлова»

Из всех «ботаников» Светка Михайлова нравилась мне по-настоящему. Может, по причине её довольно юного для кандидата возраста, может, по причине неиссякаемого оптимизма вкупе со студенческим жаргоном, которым она щедро пересыпала даже свои доклады на собраниях разномастной учёной братии. Но, подозреваю, Светлана Григорьевна нравилась мне и по другим причинам. Я даже имел некоторые надежды на взаимность. Удивительное явление природы эта Светлана, или, проще, Гюльчатай. Наполовину русская, наполовину китаянка, она в свои двадцать два успела очаровать половину НИИ от зелёного лаборанта до украшенного почтенными сединами профессора. Впрочем, профессора физики аномальных образований обещали ей дать через год, что, впрочем, неудивительно: Гюльчатай, закончившая школу в тринадцать, в семнадцать окончила с отличием МИФИ, сдала давно готовую кандидатскую и вот уже пятый год успешно двигалась к докторской. Природа, одарив таким мозгом человеческое существо, как правило, отыгрывается на чём-нибудь другом. Здесь же она решила не жлобиться, и Гюльчатай казалась сказочным восточным цветком среди бледно-синих от хронического умственного напряжения «ботаников». Раскосые карие глаза, смуглая кожа и чуть пухлые губы в сочетании с прямыми, цвета воронова крыла, волосами, собранными в хвост разили наповал. Даже вечно нейтральный Сионист при виде красавицы выпячивал тощую грудь и воинственно выдвигал подбородок. Не удержавшись, я пролистал меню ПМК и вывел на экран несколько случайных фото: Гюльчатай на симпозиуме в Москве пожимает руку какому-то дряхлому хрычу; она же, у гермокамеры повышенной защиты копается щупом в новом артефакте, который я самолично приволок ей из Чёртова Гнезда; просто улыбается, махая рукой. Само

собой разумеется, к старым барским прудам я пойду. Попёрся бы даже с другого конца Зоны, дурак этакий...

Сам факт того, что Гюльчатай лично отслеживает мои сообщения, грел душу. «Ботаники», как правило, сами никогда не опускались до переписки со сталкерами, оставляя эту работу компьютерам, и лишь изредка посматривали, кто из нас находится ближе к интересной для них точке Зоны. Для яйцеголовых мы были расходным материалом, вроде пробирок или роботов, которыми они поначалу очень увлеклись. Роботы, неуклюжие гусеничные машинки, и теперь часто попадались в самых разных участках Зоны, раздолбанные в пух и прах аномалиями, заржавевшие, изъеденные кислотами. Группы лаборантов Института неоднократно гибли, попытка привлечь к изучению АЗ регулярные войска окончилась высокой смертностью и массовым дезертирством последних. И тогда на арену вышел Его Величество Сталкер. Где-то там наверху посчитали, что преследовать данный «уголовный элемент» не просто бесполезно по причине его неистребимости, но ещё и крайне невыгодно. Естественно, происходило всё не сразу. Вначале патрули на блокпостах начали закрывать глаза на многие «серьёзные нарушения», потом пойманный с поличным сталкер вместо приличного срока отделялся штрафом и устным порицанием, и, наконец, недалеко от Бара странным образом возникло несколько панельных трёхэтажных домов. Официально они предназначались для младшего научного персонала, де-факто же в двухкомнатных квартирках начали массово селиться «внештатные научные сотрудники», мы, то есть. Инспекции, время от времени посещавшие Периметр, упорно не замечали отнюдь не научные физии «сотрудников», перегар в аккуратных коридорчиках и склады водочных бутылок в подъездах. В общем, гуляй, рванина...

Впрочем, официально нас так и не разрешили. Заигравшиеся в безнаказанность сталкеры быстро ощущали на своей шкуре, что «приобретение, хранение и вынос из АЗ различных объектов неисследованной природы карается согласно статье 116 специального параграфа УК РФ лишением свободы сроком до 6 лет с отбыванием наказания в колонии общего режима». Дополнительно могли припаять незаконное пересечение периметра, хранение незарегистрированного холодного и огнестрельного оружия и боеприпасов к нему и, как правило, сопротивление при задержании, даже если такового и не было. Реальный же грех сталкера заключался обычно в том, что несколько «объектов неисследованной природы» миновали Барина и прочих скупщиков, сотрудничавших с НИИ, а были проданы людям со стороны.

Большинству сталкеров такое положение вещей очень не нравилось. Поначалу. Но деньги учёные платили неплохие, меньше, конечно, чем барыги, но с целой системой премиальных и поощрений получалось в итоге очень даже недурно. Сталкер, вернувшийся без добычи, но расшвырявший по дороге десяток «дартсов» и снявший на камеру что-нибудь интересное, вполне мог рассчитывать на некоторую, иногда немалую, премию. Польза от научных ПМК, продававшихся в Баре за почти символические деньги, также была несомненна. Лёгкие портативные компьютеры размером чуть больше ладони неплохо справлялись с обеспечением сталкера самым ценным товаром в Зоне — информацией. Вывести карту квадрата, слить свежие обновления на сканер, подать сигнал бедствия, узнать последние новости — это был далеко не предел возможностей маленькой умной машинки, помещавшейся в нагрудном кармане. ПМК обладал мощной памятью, отменным быстродействием, даже солидным качеством графики сенсорного экрана. Создавался компьютер, видимо, для самых неблагоприятных условий эксплуатации: на нём можно было попрыгать, от души грохнуть об стену, утопить в воде на неопределённый срок, помешать в котелке похлёбку. По слухам, ПМК держал даже мощные электромагнитные импульсы, напавал убивающие любую электронику. Похоже, надёжных способов уничтожить компьютер было немного — либо кинуть в костёр и подождать, пока тот прогорит, либо засандалить в аномалию вроде «разрядника» или «плеши». Спасибо, в общем, отечественной науке. Всё бы так делали...

Боль в ноге почти стихла, и я аккуратно замотал лодыжку несколькими витками эластичного бинта. Сухожилия всё-таки потянул, так как стопа наливалась синевой, и наступать было больно. Ничего, до свадьбы заживёт. Может быть.

«Пластин», густо облепивший стенку давным-давно заброшенной квартиры, был слишком заманчивым трофеем, и я начал изобретать способы добыть редкий артефакт с минимальным риском для здоровья. Активированная «молотилка» уже успокаивалась, смертоносные нити становились едва заметными, ещё минут двадцать, и всё, близок локоток, да не укусишь. Я накидал трухи из сопревших половиц, обозначая пока видимую границу аномалии, и пошёл в соседние комнаты, поискать достаточно длинную и крепкую палку. Алгоритм движения в заброшенных зданиях не сложен, но уж больно зануден: два шага вперёд, осмотреться, ещё два шага, и вновь внимательно изучить обстановку. Не шевельнулась ли пыль вон в том углу? Нет ли странных сквознячков? Выдержит ли гнилой пол? Смотри, сталкер, в оба, иначе всё может закончиться для тебя здесь и сейчас: заржавевшая арматура этажом ниже, «душегубка» в дверном проёме, бюрер, решивший забавы ради прогуляться до ближайшего здания. «Сайгу» по этой причине нелишне снять с плеча и прищёлкнуть магазин с мелкой дробью «бекасинником», похожим на свинцовое пшено. Для выстрела практически в упор, а в домах редко бывают расстояния больше, лучшего боеприпаса и не найти: плотный сноп дроби в башку превращал оную в кровавый форшмак, щедро разбрызганный по стенам, и не спасали мутантов ни крепкий череп, ни повышенная живучесть. Слегка сплюснутая для лучшего разлёта дробь была хороша также и против крыс, в чём я уже неоднократно убеждался. Не особенно ёмкий магазин простой, и от того выносливой и надёжной «Сайги» я компенсировал похожим на детскую игрушку ПП-2000 с отнюдь не игрушечными плотностью огня и убойной силой. Новички, щеголявшие «Калашниковыми» сотой серии, снайперскими винтовками, а то и компьютеризированными суперпушками НАТО с интегрированным двадцатимиллиметровым гранатомётом, свысока поглядывали на мою амуницию. Пусть их. Да только видел я, и не я один, как прошитые навылет десятком пуль 5.45 уроды успевали перед кончиной порвать в локуты как стрелка, так и его товарищей, после чего уходили подыхать в Зону, если, конечно, подыхали... не пуля это, шило. И ведь брали обжёгшиеся сталкеры в следующую ходку дробовик в придачу к «Калашу», чтобы ещё через пару ходок оставить автомат в схроне, кому охота лишнюю тяжесть таскать. Суперпушки же с прибабасами старались продать при первом удобном случае: уж больно капризными они оказались, чуть песок или грязь, считай, без ствола, деталей куча, и всё такое хрупкое, мелкое, и норовит в траву спрыгнуть. Ствол для Зоны выбирался по принципу кувалды: простота, надёжность, прочность, мощность. Дальность и ювелирная точность стрельбы, как правило, большого значения не имели.

Дверь квартиры, из которой я вышел, давно прогнила и свалилась с петель, но на рябой от плесени деревяшке удивительно хорошо сохранились блестящие пластмассовые цифры: «14». Следующая по коридору дверь держалась, хотя и разлохматилась полосами гнилого дерматина и комьями слипшегося в кашу поролона. Она была закрыта, и я несколько минут постоял возле неё, прислушиваясь к малейшим шорохам, потом легко вырвал врезной замок вместе с заржавленными шурупами и куском трухлявой доски.

В квартире были целы все стёкла, покрывшиеся толстым слоем грязи, и непонятно каким образом державшиеся в насквозь прогнивших рамах. Сухой затхлый воздух брошенного жилья ударил в нос даже сквозь респиратор. Похоже, я первый, кто зашёл в запертую хозяевами почти тридцать лет назад квартиру. Странное, диковатое ощущение. Теперь осмотреться. Чисто. Вроде бы...

Удивительное дело, но интерьер «трёшки», точнее, то, что от него осталось, говорил о том, что бывшие жильцы либо уехали до эвакуации и за вещами вернуться не смогли, либо просто отлучились из дома на пять минут, растянувшиеся в итоге на десятилетия. Покосившийся гардероб в прихожей с грудой истлевшей одежды и мутным зеркалом в треснутой раме; лосиные рога над дверью; сервант с пыльными стёклами и фарфоровым сервизом; пепельные от осыпавшейся побелки ковры на полу. Обесцветившиеся, хрупкие

обои свернулись в трубки, открыв заклеенные жёлтыми газетными листами стены, штукатурка в углах почернела и растрескалась, шторы висели грязной ветошью, на подоконниках стояли цветочные горшки с землёй. Я достал камеру и аккуратно отщёлкал не меньше полусотни кадров. Интересное жилище, так что сохраняю для потомков эти фото. С профилактической, так сказать, целью, а там, может, и ботаники чего углядят. Но это вряд ли, «лирика» их мало интересовала. Задержавшись у напольного аквариума и понаблюдав россыпь мелких костей на чёрной корке дна, я вошёл в спальню, где обнаружил скелет кошки возле большого лампового телевизора. Уф...

От слабого, чем-то знакомого звука со стороны санузла сразу стало не по себе. То ли стон, то ли свист напоминал звук, какой бывает, если подуть в горлышко стеклянной бутылки. Я резко развернулся, готовясь от пояса выпустить пару зарядов в источник воя — Зона, блин, здесь любой непонятный шум может означать смертельную опасность — и уже почти надавил на курок. Санузел был пуст. Унитаз в жёлтых потёках ржавчины, чугунная ванна с отколотой эмалью, плитка противного серо-зелёного цвета. Медленно, очень медленно подойти, посмотреть, что же там такое дудело. Дурак ты, Лунь. Неймётся тебе...

Звук повторился, на этот раз громче. Завыло прямо из унитаза, как из раструба какого-то экзотического духового инструмента, и одновременно с этим из канализации дохнуло холодным воздухом подпола, напитанным терпкой сырой вонью. Я вдруг понял, что стою один в заброшенном здании, в соседней квартире труп, темнеет, и кто-то стонет в канализационных трубах. Да чёрт с ним, с «пластилином». В другой день. Поискал, называется, жердину...

Обратный путь занял гораздо меньше времени — маршрут уже отмечен собственными следами и кусочками красного кирпича. Прихрамывая, я удалялся от третьего корпуса слепых пятиэтажек к своему схрону, укромному лежищу, оборудованному в колодце отопления. До Бара часа четыре резвым пешкодралом, и до темноты мог бы успеть, но мотаться туда и потом обратно не хотелось, потеря времени, так что отсижусь ночку и с утра дойду до прудов, заодно и окрестностями полюбуюсь на предмет хабара. Так... сложный участок: слева «разрыв», справа «стеклорез». Хорошие такие аномалии, честные, не разглядит только слепой — над «разрывом» бледненькое марево у самой земли, даже вроде мираж намечается, «стеклорез» плоскостями играет: появится над асфальтом прозрачный лист, повисит долю секунды, и нет его, ещё парочка под углом друг к дружке, пропали... ни дать ни взять — стекла витринные, отмытые до отменной прозрачности. Да вот только попасть под такое стёклышко что-то не хочется — срежет наискось, как исполинской бритвой, одинаково легко и столб бетонный, и рельсину, и сталкера, буде таковой сунется. Что-то яйцеголовые болботали про эту аномалию, мол, нестабильные плоскостные сдвиги в структуре пространства. Только вот насчёт нестабильности наврали: по «стеклорезу» можно часы сверять. Две минуты действует — ровно столько же отдыхает. Ежели минут сорок играл, то будь покоен — следующие сорок можешь на этом месте польку-бабочку танцевать без критических последствий для здоровья. Хотя я бы не советовал. Леший их знает, эти аномалии — вдруг именно сегодня ей захочется изменить старым традициям...

«Стеклорез» не унимался уже минут десять, прежде чем раздался характерный сухой треск и «стёкла» мгновенно исчезли. Путь свободен, но озноб всё же пробежал между лопаток, а голова непроизвольно втянулась в плечи,... пропустила, зараза. Топаем дальше. Нога ощутимо побаливает — видимо, отделался я не так дёшево, как думал. Досадно. Интересно, до завтра пройдёт? Если нет, досадно вдвойне. Надо было сразу компресс холодный приложить, ну да задним умом мы все крепки.

Вот и схрон, отсюда уже виден, но, видимо, полоса везения кончилась. По сталкерской тропе прямо на меня пёр зомби. Аккуратно так пёр, обходя язык обширной «присоски», при этом шатаясь и низко опустив лысую голову.

— Эээ... Л...лунь. Эт я, едрёнать... Фугас... — разобрал я в бессвязных звуках.

— Придурок, — я повесил «Сайгу» на плечо. Когда-нибудь получит Фугас порцию свинца, как пить дать. Грязный, вывозившийся в кирпичной пыли, с походкой заводной куклы и невнятным хриплым мычанием, он даже вблизи мало отличался от оживших

покойников Зоны. Но если от зомби несло несвежим сыром и почему-то недельными носками, то от Фугаса всегда распространялся мощный водочный перегар. Каким образом выживал в Зоне уквашенный до совершеннейшего безобразия сталкер, и не просто выживал, но и находил редкие артефакты? Сие тайна великая есть, как говорит в таких случаях Барин. Сам Фугас в редкие моменты вменяемости утверждал, что по трезвяку в Зону ходить боится, а в пьяном виде аномалии без всякого детектора чувствует, добавляя, что водочка ещё и радионуклиды выводит.

Фугас поравнялся со мной и остановился, собирая лицо в складки и натужно сопя.

— Эта... паэмаишь? — Выдал он, наконец, с трудом удерживая вертикальное положение и прикрыв правый глаз, видимо, для лучшей фокусировки левого. — Эта...

Что мне нужно понять, я не догадывался, в чём и признался Фугасу. Короткая беседа уже начинала меня утомлять. Фугас, тем не менее, ответом остался доволен.

— Во!!! — Гаркнул он и всё-таки опрокинулся на спину. — Никто её, ра-адимую, не паэмает. Один... ик... я паэмаю. Поэл?

Ох, Фугас... может, и везучий ты сталкер, но такие вещи даже в пьяном виде нельзя говорить. В приметы я не верю, однако же, гробанулся в прошлом году Профессор, заявив то нет в Зоне на него погибели, и как глупо гробанулся, на следующий день влетев в «радугу» в трёх шагах от собственного схрона. А сколько таких случаев? До совершенной глупости доходило: если собрался в ходку, то не трепись, что артефактов кучу найдёшь — ни с чем вернёшься. Проверено. Не хвались, что на маршруте все аномалии знаешь — обязательно вляпаешься. Много раз было. Такое ощущение, что сидела Зона незримой тенью за пустым столиком Бара, слушала сталкеров да ухмылялась: «зазнался, дружок, забурел, вот я тебя и уделаю. Ишь, какой выискался — знает он Меня, сопляк, умишком своим ущербным выводы делает...». Ревнива Зона и скоро на расправу. Я знал одно: Зона это смерть. Смерть, разбавленная в воздухе, блуждающая в коридорах брошенных домов, подстерегающая на тропинке, многоликая, разная, непонятная. Старуха с косой? Ха, какое бледное воображение! Куда там скелету в саване тягаться с бюером, запускающим, словно фрисби, ржавый канализационный люк тебе в спину? Или сытым кровососом, методично ломающим сталкеру руки-ноги, чтобы будущий завтрак не смылся и подольше оставался живым? Или локальным Выбросом?

— Дурак ты, Фугас.

— Сам такой. Ты думаешь чё?... Думаешь, всё, да, ат-тпрыгался Фугас? Ну... и хрен с тобой. Не любишь ты Зону. А я вот... люблю. И она меня. Мне зомби сказал, поэл?

Ну, раз зомби сказал, тогда другое дело. Авторитетный, блин, специалист. Ты бы ещё у контролера проконсультировался на предмет развития любовных отношений с Зоной. Ну тебя к ляпу.

— Пора мне, Фугас. Бывай здоров, — я подал руку, помогая подняться.

— И... ты не кашляй, — Фугас опустил голову и пошёл дальше. Я немного постоял, глядя ему вслед. Чётко. Встал Фугас, как лист перед травой, не доходя пяти шагов до «стеклореза». Правильно. Лучше подождать, пока играть не начнёт аномалия, чем пробегать дуром, надеясь на «авось пронесёт». Чёрт его знает, алконавта. Может, и впрямь бережёт его Зона, были ведь шуты у королей, которым позволялось больше, чем герцогам с баронами. Фугас. Личный шут Зоны. Осталось только бубенцы привесить.

У схрона я отыскал заранее положенный кусок арматуры, поддел люк и забрался в колодец. Привычно осмотрел схрон — всё в порядке, изменений нет — и с трудом задвинул люк на место, отдёргнув в последний момент пальцы, чтоб не прищемило. К тяжёлой крышке были зачем-то приварены две стальных дуги, которые оказались весьма кстати: достаточно было просунуть в них толстый железный прут, и люк фиксировался намертво. Теперь мне грозила опасность либо от чересчур внимательного бюера, либо от возникшей прямо над колодцем блуждающей аномалии. Для Зоны это были считай что курортные условия. Скинув рюкзак, я размял затёкшие плечи, повесил на проволоку фонарь «светляк» и уселся на стопку из двух ветхих матрасов. В схроне было даже уютно: бетонная коробка два на четыре, от стены к стене тянутся толстые, упакованные в кожухи трубы, посреди убежища торчит из

пола здоровый вентиль, на котором я установил в своё время столик, лежанка в углу. Все подозрительные щели давно забиты колотым кирпичом и обрезками труб, у столика табурет и облезлая тумбочка без дверцы. Банка с окурками, забыл в прошлый раз вытрясти. Моя берлога.

С полчаса я просто сидел, прикрыв глаза и наслаждаясь ничегонеделанием и тишиной. Затем распечатал пачку сигарет и цедил табачный дым, наблюдая, как завиваются сизые кольца в холодных лучах «светляка». Немного беспокоила ступня, и я перебинтовал её заново, предварительно прощупав. Болело, но уже не так, отёк спадал. Что ж, день можно было считать вполне удачным.

Я извлёк из рюкзака мешочек и пару контейнеров — добычу за последние сутки — и первым вытряхнул на стол всякую мелочь из мешка. Средненько. Шесть «самоцветов», маленькая «трубка», слабо мерцающая зелёными лучиками, кусок «жуткого янтаря», «чёртова кровь» и больше десятка «русалочьих слёз». «Самоцветами» учёные не интересовались: эти артефакты не обладали никакими особыми свойствами, за исключением, пожалуй, редкой красоты. Собственно, я не был уверен, что «самоцвет» можно считать полноценным артефактом — просто кусочки шлака, кварца или гранита, по воле случая затянутые в «радугу» или «круговерть» и достаточно долго там промариновавшиеся, иногда превращались в «самоцветы». Я уже давно научился отличать ценные камешки от просто красивых, и потому рассчитывал слупить за них не меньше полусотни с Барина, который один по всей Зоне и занимался «ювелиркой». Пять ему продам, а вот шестой... я подобрал крупный, с вишню, «самоцвет» редкой каштановой окраски, с волнами света на гладких гранях и вспыхивающими в глубине яркими золотыми искрами. Этот я подарю. Он хорошо подойдёт к раскосым тёмно-карим глазам. «На память от Луны». А что, звучит...

Теперь контейнеры из углепластика и многослойной свинцово-алюминиевой фольги. Там товар посерьёзнее. «Серебряные соты», одна штука. «Острая плёнка», тоже одна, плоский артефакт с бегающими по глянцевиной поверхности серыми пятнами. Цветом металл, на ощупь полиэтилен, мягкий, даже шелковистый, если конечно, не прикасаться к краям — располосует пальцы до костей, и заживать будет долго. «Звёздный огонь», две штуки. Второй контейнер почти пуст: парочка «стеклянных шаров», с полкулака каждый. Не густо, но за один только «крупняк» минимум восемьсот монет получу. Минус сотня долгов. Ещё столько же за месячный «полный пакет услуг» и неограниченный доступ к местной сети на тот же срок. На информации я никогда не экономил. Остаётся шестьсот и около сотни за «мелочь». Триста на провиант, сигареты и прочее. Четыреста в заглавный день. Гадство. Тот же «стеклянный шар» по достоверным слухам европейские институты покупали то ли за десять, то ли за пятнадцать тысяч в валюте, тогда как Барин выкладывал на стойку восемьдесят монет. Какую же ораву мы с вами кормим-поим, братцы сталкеры? Пора профсоюз устраивать, и массовые забастовки рабочего класса. В лучших русских традициях позлившись и погундев про себя на жмотов из Института — «душут нашего брата, эксплуататоры чёртовы» — я закончил подсчёты и сгрёб хабар в контейнеры. Ворчал я больше для собственного удовольствия: самые большие дяди в стране были уверены, что финансирование НИИ и двух армейских частей идёт сугубо по прямому назначению, «уголовный элемент» жестко преследуется, а успешная работа Института — результат строгого соблюдения всех законов. Если бы самые большие дяди узнали, что в Зоне творится на самом деле, то полетело бы множество голов дядей поменьше. Те дяди, которые поменьше, делились на три типа: дяди умные, коих было меньшинство, дяди жадные, их больше, и дяди тупые, в которых недостатка не ощущалось. Благодаря умным дядям солдаты и учёные оставались живыми, Институт уверенно двигался к нобелевкам, а сталкеры вздохнули свободнее, так как проблем стало существенно меньше. Жадные дяди, получив мзду, рассчитывали получать оную и в будущем, и потому прикрывали существующий порядок, помогая умным дядям защищаться от дядь тупых. Потому и платили нам за «стеклянный шар» не сто пятьдесят, как «вольные барыги», а восемьдесят. Впрочем, грех жаловаться — «ботаники» регулярно доплачивали «чаевыми» в виде так называемых премиальных, и в отличие от барыг, не драли со сталкера три шкуры за консервы, аптечки и,

признаться, отменного качества оборудование. Чего стоит ПМК, например, или новейшая «Сайга» двенадцатого калибра из особых сплавов с карбофидровой ложей, за которую спасибо военным. Благодаря им же, кстати, «правильные сталкеры» получали приборы ночного видения, оружие, боеприпасы, тушёнку. Армейское начальство оказалось неглупым и человечным контингентом: лучше вовремя списать «пострадавшее в аномалиях» оружие и «испорченные локальным выбросом» продукты, чем регулярно отправлять молодых бойцов сначала в Зону, а потом на Большую землю в цинковых гробах. Для комиссий специально демонстрировали несколько калашей, сутки повалившихся в «киселе», после чего предлагали проводить за блокпосты и показать всё остальное, так сказать, в натуральном виде. Комиссия сразу верила на слово. Система обретала стабильность настолько, насколько это вообще было возможно для Зоны. Короче, и в человеках благоволение, и воздухов благорастворение. Меня, по крайней мере, как и большинство одиночек, всё устраивало, если не считать лёгкого, пресно-сладкого привкуса, что и сам трудишься на благо системы. От которой мы, собственно говоря, в Зону и сбежали, как те же «свободовцы». Успокаивала мысль, что раньше кормили сталкеры разную мразь, а теперь поднимают отечественную науку. Да и свободы у нас никто не отбирал: мы были всё те же «вольные стрелки», не связанные обязательствами, контрактами, восьмичасовым рабочим днём и ненавистной рутинной. Фугас вот, например, время от времени «толкал» хабар налево, в обход Института не столько ради доходов, сколько ради самоутверждения. Но, справедливости ради, на сторону уходили «трубки», «самоцветы», «шипучки» и прочая мелкота для коллекционеров. В НИИ про это знали, но решили «уважить характеру», так как серьёзный хабар Фугас поставлял только учёным.

«Долг» первым почуял изменения и охотно начал сотрудничать с военными в деле истребления ненавистных и тем, и другим монстров Зоны. Усиленный пятью-шестью «долговцами» армейский блокпост гасил волны мутантов с потрясающей эффективностью, срочники, которые раньше гибли десятками после каждого Выброса, быстро перенимали опыт «Долга» по истреблению прущей из Зоны нечисти. «Свобода» ещё доставляла неприятности, но старики, «олды» клана были сильно повыбиты аномалиями, монстрами и регулярными войсковыми частями, а «пионеры» всё чаще присматривались к НИИ и Бару как источнику надёжных комбезов и свежих консервов. «Монолит» развалился, когда выяснилось, что их святыня в четвёртом энергоблоке Станции вовсе не «чудесный кристалл, сверкающий лазурью мудрости и золотом силы», а просто гора слипшегося от жара строительного хлама. Особо упёртые фанатики провозгласили, что Монолит растворился по всей Зоне прежде, чем до него дотянулись грязные лапы неверных, и ныне живёт в сердцах истинных адептов. Польза от них тоже была: многочисленные анекдоты «про монолитовца» здорово скрашивали посиделки в Баре.

Кстати, насчёт Выбросов, раз уж вспомнил. После Третьей Катастрофы в 2007 их стало больше — каждый месяц по два-три, но их сила была столь незначительна, что за Периметром они регистрировались только сейсмодатчиками, пси-фонографами и прочими мудрёными приборами. Прятаться теперь нужно было только в непосредственной близости от «вспышки аномальной активности». Зато в памятном две тысячи седьмом...

Третью Катастрофу я помнил очень хорошо, лучше, чем того хотелось бы. Зона тогда выкинула совсем уж невероятный фортель: она просто исчезла на девять дней. Пропали все до одной аномалии, сталкеры возвращались в Бар без хабара и с очень удивлённым видом, «Долг» на пятый день даже салют устроил в честь такого праздника. Ох, и пьянка ж тогда была... кто с радости, кто с неподдельного горя, а кто и просто от страха глушил спиртное, многие ушли в самые непролазные когда-то участки Зоны в надежде найти что-нибудь этакое...

А потом было семнадцатое ноября две тысячи седьмого. Очень мне повезло, что в тот день я находился в старом Баре, в бомбоубежище заброшенного ПТУ. Утром нас было шестнадцать человек. Вечером осталось девять и четыре трупа. Три человека просто исчезли, но не бесследно — одежда, оружие, и, пардон, содержимое кишечника осталось на полу вкупе с ногтями и волосами. Один из выживших ослеп, ещё один умер через полгода от

какой-то скверной заразы. Все остальные получили различные «подарки» на выбор: амнезию, облысение, долго не проходящие ночные кошмары, приступы «чёрной хандры», кожный зуд. Зона за одну ночь расползлась на километры, оставив далеко позади свои прежние границы, и продолжала расти ещё полгода, увеличившись за это время больше, чем в два раза. И «порадовала» учёных сотнями невиданных прежде тварей и артефактов, а сталкеры по достоинству оценили множество свежееиспечённых видов аномалий. Учёные, впрочем, действительно радовались: Зона остановила свой рост всего в полутора километрах от научного городка, и эвакуироваться не пришлось.

После того Выброса меня «контузило». Больше года я промаялся носовыми кровотечениями и провалами в памяти. Из прошлого исчезали большие куски, как из газеты, которую основательно обработали ножницами в поисках интересных публикаций. Выпадали целые «статьи»: как и зачем пришёл в Зону; кем работал до Зоны; в каком городе жил; даже паспортное имя с удивлением прочитал в собственных документах. Зато всё, что осталось, теперь было поразительно ярким и чётким: закрыв глаза, я легко, детально вспоминал события детства, отчасти школьные годы, словно смотрел фильм или высококачественную фотографию. И после «чистки» память никогда не подводила, один раз даже напугала: мельком видел у Сиониста открытую книгу. А потом прочитал две страницы уже здесь, в схроне: «снимок» раскрытой книги был настолько ясным, что я разобрал каждую букву. Сначала это было забавно. Потом, ради эксперимента, я перевернул несколько «страничек» и понял, что могу при желании прочесть всю книжку. Кто не испытывал такого, не поймёт — страшно стало до колик. Брр... хорошо, хоть сейчас таких «приходов» нет.

Я взглянул вверх. Небо проглядывало сквозь отверстия люка тусклыми серыми кружками, заметно потемневшими за последний час. Смеркалось. Тихонько щёлкнуло вдалеке — завёлся, или, наоборот, уже наигрался «стеклорез», и тут же заверещал псевдозмей. Громкие трели, удивительно похожие на звук милицейского свистка, тянулись на одной ноте по минуте и больше, потом одному псевдозмею отвечало десять других, и каждый вечер в Зоне напоминал концерт спятивших дэпээсников, стремящихся пересвистать друг друга. Псевдозмей, несмотря на название, к рептилиям никакого отношения не имели. Это были полутораметровые безногие крысы, похожие на отрезки садового шланга, покрытые влажными язвами и небрежно обваленные в белой шерсти. С одного конца шланга торчала костлявая крысиная башка в количестве от одной до трёх, причём разных форм и размеров, с другого — длинный чешуйчатый хвост. Тупые, удивительно злобные твари промышляли падалью, мелкой живностью, портили схроны и при случае могли атаковать раненого или спящего сталкера. Укусы этих мутантов оставляли неглубокие, но опасные раны, чреватые гангреной или даже смертью от трупного яда — пасть твари была настоящей гнилой помойкой с множеством крошечных паразитов. Среди псевдозмеев встречались иногда и «осьминоги»: десяток тварей срастался в бугристый волосатый шар размером с тыкву. Учёные обещали за поимку такого монстра весьма неплохие деньги. И не потому даже, что это был один из самых причудливых мутантов Зоны, выдвигали здесь и куда более странных зверьков. Интерес «ботаников» был вызван тем, что «осьминог» умел летать. Невысоко, в метре-полутора над землёй плыл гноящийся, покрытый багровыми пятнами шар, шевеля щупальцами слепых псевдозмеев, старательно вынюхивающих добычу, причём две-три зрячих крысы-урода торчали сверху, как антенны, и крутили головами, осматривая пейзаж на предмет аномалий, хищников и предполагаемого обеда. Осторожный, до неприличия живучий и хитрый «осьминог» славился своей трусостью и невероятной подлостью. Летал он совершенно бесшумно, предпочитая подкрадываться со спины и, разогнавшись, сшибать сталкера с ног, после чего быстро рвал крысиными пастьми горло, заплёвывал глаза ядовитой слизью и сразу ретировался в укрытие. Там он терпеливо дожидался, когда ослеплённый, истекающий кровью сталкер перестанет биться в агонии, и потом пасся на трупе неделю, отъедаясь до размеров хорошего рюкзака. Нападал он также и на слепых псов, плотей и даже чернобыльских кабанов, изводя намеченную жертву меткими плевыми разьедающих шкуру желудочных выделений. «Ботаникам» до нервного зуда хотелось заполучить живой экземпляр «псевдоколониального организма № 5277»,

летающего вопреки всем известным законам физики и биологии. Обещанная ими награда всё ещё искала своего героя, так как изучениедохлых по причине множественных пулевых ранений «осьминогов» хоть и дало материала на пять диссертаций, но главных вопросов не разрешило.

К непрерывно верещащим псевдозмеям присоединилась ещё какая-то тварь, и через навязший в ушах залиvistый свист пробивались басовитые «у-уоооаап!». Вечерний концерт Зоны набирал обороты. То ли ещё будет на закате...

На всякий случай я проверил, крепко ли сидит стальной прут в петлях люка. Тот сидел замечательно.

Наступало время отужинать и готовиться на боковую. Достав из кармашка на клапане рюкзака большой тюбик с надписью «Паста для мытья рук», я выдавил на ладони белёсую колбаску и старательно её растёр. Теперь подождать пару минут, пока липкая, сильно пахнущая мандарином слизь застынет, и стянуть похожую на рваные перчатки плёнку с ладоней. Грязь паста счищала идеально, заодно истребляя всякую невидимую глазом живность.

Ужин особым разнообразием не отличался. Банка армейской тушёнки. Пять жёстких, по виду и вкусу похожих на картон галет. Крепкий горячий чай из термоса. Тюбик сгущенного молока. Большая серая таблетка БАДУНа, биологически активной добавки универсального назначения: витамины, минералы, иммуностимуляторы, глицин и ещё много чего. Оригинальная аббревиатура была предметом шуток: некоторые сталкеры всерьёз принимали БАДУН за лекарство от утреннего недомогания, вызванного передозировкой УПРСТ — «Уникального Противорадиационного СреТства», или, попросту, водки. Кстати, реально помогает. Кисленькая.

В люк постучали. Я подтащил поближе к руке «Сайгу» — мало ли, кто там долбится — и продолжил чаепитие. Стук повторился.

— Братуха, открой. Свои.

— Все свои дома сидят, телевизор смотрят, — я щёлкнул предохранителем. — Кто таков будешь?

— Кличут Седым. Из «Долга» я.

По неписаному закону Зоны отказать в убежище на ночь любому сталкеру, даже врагу, считалось последним делом. С другой стороны, некоторые мутанты великолепно имитировали голос и внешность человека, взять того же излома. Хорошо, что на ПМК последней модели имелась крошечная камера на выдвижном телескопическом прутике. Вытянув прут на всю длину, я просунул камеру в отверстие люка. Темно, блин.

— Эй, Седой! Фонариком посвети.

В зрачок камеры послушно уставился яркий луч, и экран ПМК залило ровным белым светом.

— На себя, умник! И руки покажи.

— Понял.

Пару секунд я любовался на небритое уставшее лицо, затем на руки. Одинаковые. Человеческие.

— Сейчас открою.

— побыстрее, браток. Там вроде собачья стая собирается.

Седой помог отодвинуть люк и ловко просочился в убежище. Автомат с двумя рожками, смотанными изолентой, он затащил секундой позже.

— Спасибо, братуха... никак, Лунь собственной персоной? — сталкер протянул заскорузлую, жёсткую ладонь, я пожал руку, вглядываясь в смутно знакомое лицо. Где-то видел я уже коротко стриженные с заметной проседью волосы, цепкий прищур серых глаз, жёсткую складку губ. Немолодой, за сорок, вроде был военным. Вспомнил.

— Больница в Припяти.

— Ага, точно, — Седой скупно улыбнулся. — Лихо ты тогда королевскую плоть из своей пукалки срезал. Раз-два-три, и уже валяется. А мы по этой заразе из двух стволов молотили, и без толку. Чем ты хоть её?

Я достал из подсумка магазин и выщелкнул на стол тяжёлый патрон. Седой покрутил его в пальцах, с сомнением на лице вернул.

— Это же гладкоствол. Жакан, что ли?

— «Колун».

Хорошая пуля. Страшная. Разворачивается в теле широкими лепестками вокруг тяжёлого крепкого сердечника, вырубая в мясе кровавый тоннель и ломая кости. Навылет бьёт редко, быстро застревая в тканях и отдавая им всю свою энергию. Что, впрочем, от неё и требуется. Королевской плоти обычно хватало трёх-пяти штук, когда из автомата можно было выпустить два рожка, и то с сомнительным успехом. Да, памятная была ночка, когда втроём забились в больничный гараж и отстреливались от тварюги, прячась под рассыпающимися от ржавчины фургонами «неотложек», а рядом урчали лужи «киселя», в который никто не влез только по счастливой случайности. Даже и не поговорили тогда — некогда было. «Долговцы», кивнув в знак признательности, побежали в бывшую амбулаторию, где ещё три их товарища по клану зачищали здание от «прыгунов», а я продолжил преследовать мелкого «осьминога» в надежде изловить и доставить учёным. Так и не добыл, кстати...

— Хорошо у тебя, Лунь, получается всякую нечисть валить. Нам такие люди нужны.

Ну вот. А я то всё ждал, когда вербовка начнётся. Предсказуемы «долги» так, что аж скучно делается. Идейные, ядрена восемь. Задались целью уничтожить Зону, да только безнадежное это дело. Гавкала, понимаешь, моська на слона.

— Ненавидишь, значит, Зону?

— Ненавижу, — сдавленно выдохнул Седой и хрустнул сжавшимися до белизны кулаками — не имеет эта погань права на существование, понимаешь? Расползается мерзость по нашей земле, люди мрут, как мухи в аномалиях этих чёртовых, монстры их жрут, болезни новые. Это враг, Лунь, это... даже слова не подбираю. Ну, пойдёшь к нам?

— Нет.

— Ясно, — Седой достал банку, нож, несколькими ударами взрезал крышку, с расстановкой поел, молча принял от меня кружку чая.

— Почему? — спросил он, когда я уже думал, что разговор закончился.

— Гуляю сам по себе, — ответил я, и добавил. — Да, если честно, не могу сказать, что разделяю вашу философию.

— И что не нравится? — на скулах Седого заиграли желваки.

Врать Седому не хотелось, но и сказать, что не воспринимаешь Зону как лютого врага и готов крошить мутантов только за то, что они мутанты, тоже было как-то не с руки. Совсем разобидится. Я решил нейтрально пожать плечами и ответить вопросом на вопрос.

— Представь, что зачистили вы Зону до последней животины, убрали все аномалии, раскурочили артефакты. Всё, нет Зоны, и не будет больше никогда.

— Ну, представил.

— А дальше? Куда пойдёшь, Седой?

Желваки на скулах сгладились. Седой задумался.

— Земля большая. Где-нибудь пригжусь.

— Вот именно, что где-нибудь, и, скорее всего как-нибудь. Поди, плохо после того, что в Зоне прошёл, где себя уважал, где, наконец, нужен был, за Периметром ломом снежок долбить и копеечку считать от подачки до подачки.

— Вот, значит, как, — Седой хмыкнул. — Может быть, и снежок. Да только совесть при этом чистая будет, что свой долг выполнил, что людей спасал. А ты вот, Лунь, шкура.

— А ты дурак, — ответил я на комплимент взаимной любезностью.

— Это почему же?

— Потому как мозгами раскинуть тебе лениво. Зона это не только одна сплошная дрянь. Это, знаешь ли, перевороты в науке, новые знания, вслед за которыми придут и новая техника, и новые лекарства, и, чем чёрт не шутит, на планете меньше гадить станем. А денег я не больше твоего зарабатываю. «Долги» «ботаникам» хабар мешками таскают, попутно с исполнением великой миссии, так сказать. И правда на всех одна, и только вы одни её знаете,

а все остальные либо упорствующие в своих заблуждениях идиоты, либо, как ты изволил выразиться, шкуры. Сектантством пахнет, дружище. Крайностей я не люблю, Седой, и потому останусь одиночкой.

Седой крикнул, потёр подбородок и достал из своего сидора бутылку водки.

— Извини, Лунь. Сгоряча ляпнул. Может, и так, что у каждого своя дорожка должна быть, и правда для всех разная. С другой стороны, ты и без нас тварей щёлкаешь как надо, так что можешь и одиночкой по Зоне лазить. Каждому своё.

Я усмехнулся про себя — надо же, разрешил, так сказать, устной резолюцией. Бумажку бы ещё дал: «Подателю сего сталкеру Луню позволяется отныне беспрепятственно передвигаться по Зоне ввиду несомненной пользы оного как истребителя мерзких мутантов. Представитель клана «Долг» защитник правого дела Седой». А снизу чтоб печать круглая. Естественно, последние свои мысли я не озвучил.

— Мир? — Седой уже свернул бутылке блестящую голову и разливал водку в два крошечных пластмассовых стаканчика.

— Мир, — согласился я. В люк постучали. Просто день открытых дверей какой-то...

— Эй, чуваки! Сами мы не местные, голодаем, скитаемся! — заорал кто-то сверху странно высоким, хриловатым голосом. — Дайте водички попить, а то так жрать хочется, что и переночевать негде!

Что за идиот... орать вот так, посреди ночной Зоны это всё равно, что раздать приглашения всем тварям в радиусе километра на званый ужин. И поучаствовать на нём же в качестве главного блюда.

Седой кивнул, перехватывая удобнее автомат, я поднял люк. В подвал заглянула чумазая мордочка — идиот при ближайшем рассмотрении оказался идиоткой лет двадцати.

— Здорово, чуваки, — на вымазанном сажей и кирпичной пылью лице засияла широкая белозубая улыбка. Схватив безумную девицу за отворот старенького латаного комбинезона, я вдёрнул в люк неожиданно лёгкое тельце. Та возмущённо вякнула, но, получив затрещину от Седого, сочла за лучшее промолчать. Я быстро закрыл люк и прислушался. Кажись, пронесло...

— Ты чё, с дуба рухнула, дебилка? — негромко поинтересовался Седой. — Нашла место глотку драть. Откуда такая?

— От блин, я попала. «Долг». Маза фака, — произнесла с бесконечной печалью в голосе юная дева. Пожалуй, я поторопился с возрастом. Двадцати ей точно не было.

— «Свобода», — мрачно констатировал Седой.

Я пробежался взглядом по новой гостье. Седой не ошибся. Ошибиться было просто невозможно. Вышитые «пацифики» на драном, практически бросовом комбезе. «Фенечки» в три ряда на тощих запястьях. Ну и, естественно, алюминиевый лист конопля на шее и несколько стилизованных под безопасные бритвы висюлек с надписями: «Пису Пис — Miru Mir», «Да здравствует Свобода» и даже совершенно неуместное «Fuck you self!».

— Тебя как звать-то? — спросил я.

— Я - Хип, — охотно откликнулась девчонка и добавила грустно. — От ёкарный бабай, уж попала, так попала...

— Я фигею, — доверительно сообщил Седой.

— Очень приятно. Я - Хип.

— Понял уже.

— Лунь. Одиночка, — Представился я. В этот момент в люк тихо поскреблись.

— Ну вот. Начинается, — Седой вздохнул. — Молодец, едрит твою налево. Сейчас эта тварь своих друганов позовёт. Приятного аппетита им пожелай, если успеешь.

— Не, — отрицательно покачала головой Хип. — Это доход какой-то на хвост сел. Обдолбанный на всю башку, но жалко, пропадёт.

— Не зомби?

— Ага, такая я дура, что зомбака от живого не отличу. Откройте ему уже. От, бли-ин...

Ржавый люк уже в четвёртый раз заскрежетал по бетону, и к нам буквально ввалилось тело в засаленной, выцветшей химзащите.

— Благодарствую. — Буркнуло нечто, устраиваясь в уголке и сбрасывая на спину прорезиненный капюшон.

Меня разобрал смех. Закусив губу, я идиотски хихикал, глядя на банку с окурками. Компания в сборе. Одиночка, «Долг», «Свобода» и «Монолит». Вскоре не выдержал и Седой.

— Обкурились, — определила Хип. До неё юмор ситуации ещё не дошёл. Монолитовец хмурился.

— Скажу нашим — не поверят, — отдышался, наконец, Седой, отложив автомат так, чтобы можно было до него дотянуться. — Да хорош уже блинами крыть, пигалица. Не трону.

— Оружие есть? — спросил я Хип.

— Ну, — моим глазам предстал «Макаров» с порыжевшем затвором. — Маслят тока три штуки. Похавать есть чего? А то, блин, брюхо к спине уже присохло.

— Ага. Щас, — Седой демонстративно затянул горловину мешка. Я покопался в своих запасах и поставил на стол две банки тушёнки, галеты и выцедил в кружку остатки чая из термоса.

— Добрый ты, я посмотрю, — фыркнул Седой. — Да эти уроды тебе завтра пуль в спину и насандалят, когда отвернёшься. В благодарность. Известный контингент.

— Респект, чувак, — дрогнувшим голосом сказала Хип. — Спасибо, в общем. Эй, доход, налетай, пока горячее.

Монолитовец поймал банку, достал из-за пазухи внушительный кинжал с наборной рукояткой, медленно срезал крышку и тем же кинжалом начал доставать из банки куски тушёной свинины. Хип уничтожала свою порцию быстро, жадно, жмурясь от удовольствия и с трудом заглатывая плохо прожёванную тушёнку. Я отметил, что она довольно миловидна, даже симпатична, несмотря на грязь и давно немые волосы. Занесло же девчонку в Зону. И как только выжила с такими-то ухватками?

— Сколько лет тебе?

— А? Двадцать четыре

— Не трынди.

— А чё? — Хип быстро взглянула из-под упавших на лоб русских прядей. — Ну ладно. Тока, короче, не стебьтесь. Восемнадцать зимой будет.

Седой присвистнул.

— Сколько в Зоне?

— Скоро год.

— Во дура, — Седой достал сигарету, прикурил от спички. — И за каким хреном ты в Зону сунулась? Тебе бы отучиться, замуж выйти, детей нарожать, а ты радиацию глотаешь. Хотя вам проще — хабара не нашлось, так древней профессией. Новый вид в Зоне — п...датый сталкер. Ну, ты как обычно работаешь, за бабки или за хабар, агрегат подстилочный? — долговец даже не скрывал презрения, желчно издеваясь над «свободовской» девчонкой. Провокация. Это была именно провокация. Да, Седой, я был о тебе лучшего мнения...

— Слышь, должара, не твоё, блин, собачье дело, что я здесь делаю, на! Заторнись, на! — Хип побелела от ярости. — Козлина стрёмная, на...

— Поговори у меня, сиповка... — Седой нехорошо сверкнул глазами. — Дрянь малолетняя. Не посмотри, что девка, момент зубы повышибаю.

— Попробуй, на... — Хип выхватила из-за голенища раздолбанного сапога отвёртку с заточенным жалом. — Только тронь, на...

Сжав кулаки, Седой поднялся и сделал шаг. Хип отодвинулась от должника, прижавшись ко мне. Я почувствовал, как её трясёт.

— Слышь, Седой, отстань от неё, — я тоже встал, задвинув девчонку за спину так, чтобы стать между ней и Седым. — Чего взъелся? Не видишь, отвела девка, почём фунт лиха, а ты развёл тут мораль... слова бы хоть выбрал.

— Ты чё, Лунь, офонарел? На дурака ты вроде не похож... — Седой глянул волком. — Вначале кормишь этих уродов, потом защищаешь. Я же знаю, как ты от свободовцев уходил,

рюкзак тебе в трёх местах прострелили, шакалы. Это бандиты, Лунь! Что эта сиповка, что тот шизофреник... чёрт, да чё я тебе доказываю, как будто не знаешь...

— Ты нарывался на комплимент, Седой. Сам нарывался, специально. Ну, а если кулаки чешутся... — я выразительно промолчал.

Седой задумался, сверля меня глазами, в которых уже потух опасный огонёк. Драться с почти союзником на глазах двух вероятных врагов он не хотел. Не время и не место. Да и я хорош. Чего, спрашивается, завёлся?

— Только из уважения к тебе, Лунь, — долговец неохотно вернулся на своё место. — Спать будем по очереди. А с вами, твари, я потом как-нибудь встречу...

Седой свернулся калачиком и вскоре начал негромко посапывать.

— Слышь, Лунь, — Хип подседа поближе. — А чё, наши в натуре по тебе шмаляли?

— Было пару раз, — усмехнулся я.

— Во блин... а мне говорили, что вольных не трогают. Это, уважение ещё раз. Классный ты чувак, Лунь. Короче, если спать хочешь, ложись. Я позырю, если чё.

— Курить есть? — монолитовец с надеждой взглянул на распечатанную пачку. Если бы я сказал «нет», то вопросов бы не возникло. Здесь у всех всё свое, только одна Зона общая. Нет здесь ни щедрых, ни жмотов. Припас должен быть у каждого, а если нет, то сам дурак. Ларьки с магазинами в Зоне как-то не предусмотрены, и от лишнего патрона, дополнительной банки консервов, перевязочного пакета часто зависит, останешься ли ты жить. Потому и спрашивал монолитовец, словно не видя курева на столе, есть оно в наличии или ему только почудилось.

— Держи.

Монолитовец размял сигарету и вновь взглянул на меня:

— Такое дело... ни дерьма, ни ложки.

— На, — Хип положила никелированную коробочку. — Только верни. Как кличут тебя, доход?

— Зовите Доходом, — невесело усмехнулся монолитовец.

Имя подходило. Тощий, угловатый, с болезненно трясущимися руками и нездоровой бледностью покрытого двухнедельной щетиной и клановыми татуировками лица, он, похоже, действительно доходил.

— «Душегубка»? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Ну, — кивнул Доход. — К нашим коновалам сунулся, да толку от них. «Суров Монолит к усомнившимся» — это когда уже ничего сделать не могут. Уроды.

— К Доктору сходи.

— Был уже, — Доход засучил рукав, демонстрируя багровую сеть на коже. — Поздно. Упустил я время. Надо было сразу к нему топать, да понадеялся на наших чудотворцев.

— Что же ты там делал, Доход? Вроде не псих, — искренне удивился я.

— Сейчас вроде нет. А до того, как доходить начал, и вспоминать противно, что вытворял. Словно одурь какая-то в башке была, как в тумане всё. Без контролёров, думается, не обошлось. Слышь, Лунь, прошу, ты, кажется, человек... сделай одолжение.

— Смотря какое.

— К ученым я иду, сдаваться. Я теперь весь вроде артефакта сделался. Думаю, бабки должны за меня дать, раз добровольно отдаю себя на опыты. И это... дочка у меня есть, в институте учится. Проследи, чтоб деньги до неё дошли, адрес счёта у меня есть. Половину можешь себе забрать. Жил, понимаешь, как дерьмо, так хоть от смерти кому польза будет.

— Постараюсь. Обещать не могу.

— Спасибо, Лунь.

Я закрыл глаза. Спать, спать... сюрпризов от случайных соседей по схрону я уже не опасался.

Утром, успокоив разбухтевшего по поводу моей беспечности Седого резонным замечанием, что все живы, здоровы, и ни у кого ничего не пропало, я попрощался с должовцем и начал готовиться к марш-броску до Коржинских прудов. Доход ушёл чуть позже в сторону Бара. Хип осталась в схроне, глядя, как я проверяю оружие и укладываю рюкзак.

— Лунь, а ты сколько уже здесь?

— Осенью шесть лет будет.

— Ни фиги себе! А зачем в Зону пришёл?

Хороший вопрос.

— В той жизни я был журналистом, — я подтянул лямки рюкзака, проверил, не бряцает ли барахло. — Хотел сделать репортаж какой-то... по крайней мере, мне так рассказали. Сам не помню. Индуцированная пси-резонансом стойкая амнезия. Выброс две тысячи седьмого.

— Ясно... — протянула Хип, покусывая губу.

«Гробанётся девка» — невесело подумал я. Жаль, чёрт возьми. Красивая, хоть и жутко тощая от «свободовских» харчей. В полутьме схрона она казалась какой-то пацанкой, но утром я разглядел остренькое личико, несколько задорных веснушек на аккуратном, чуть вздёрнутом носике, и большие синие глазищи. Худенькая русская берёзка, заброшенная в дикие поля Зоны.

— Чё устался? — без злобы спросила Хип, опустив роскошные свои глаза и нервно теребя манжету комбеза.

— Да так. Пора мне. Бывай здорова, Хип.

Ах, как жалко то, ядрена восемь. Дохода вот не жалел ни капли, так, зарубка в памяти осталась, не больше. В Зоне на всех жалости не напасёшься, отвык я уже давно от этого чувства, забыл про него даже, а тут саднит душу, как будто гусеница сидит в груди, и, мерно помахивая колючей головой, срезает с сердца полоску за полоской. Прав в чём-то Седой: сидела бы дома, на дискотеки ходила, училась. А, чёрт с ним. Жалко у пчёлки. Выкинь из головы, сталкер Лунь, и топай к прудам.

Странный звук. Длинный, хрипловатый выдох с каким то присвистом. Я обернулся.

Покрывив рот и зажмурившись, Хип явно готовилась зареветь. Из глаз часто закапали слёзы, оставив на пыльных щеках две светлые дорожки.

— Ну, ты чего слякоть развела?

— Не... броса-аа-ай... Лу-уууунь...

«Покойник. Она уже покойник, к гадалке не ходи. Развернись и топай. Ты, блин горелый, не армия спасения, своих проблем воз с прицепом. Ну, чего встал?»

— Домой тебе надо, Хип. Переговорю с ботаниками, может, выпустят за Периметр. Родители, небось, с ума сходят.

— Мои предки с ума сходят, если на опохмел бабла не настреляют, — с неожиданной яростью растерев слёзы кулаком, чётко произнесла Хип. — Мамаша как меня родила, так через три года спилась. Это ладно, что меня сделала от какого то дяди залётного, когда ещё водку жрать не начала, а вот братишка считай без головы родился. Отчим, сука пьяная, заставлял по электричкам на бутылку просить, как школу закончила, вообще не представляю. Нет у меня дома, Лунь, понимаешь? И не было никогда!

Хип злобно пнула валяющуюся у схрона пустую сигаретную пачку и всё-таки разревелась в голос, шмурыгая носом и прижав к лицу крепко сжатые кулачки. Я стоял, ошарашенный исповедью, не зная, что и сказать.

— Одна только подружка у меня и была, Килькой звали. Вместе в Зону пробирались, к «Свободе», вроде парень у неё туда ушёл. Не дошла Килька, убило её в аномалии. Принесла я тому парню сумку её, он крутой был, меня трогать не позволял. Хороший был, по Кильке сильно убивался. Его потом «Долг» застрелил, и начала ко мне всякая мразь лезть. Ушла я оттуда, Лунь.

Хип уселась на землю, всхлипнула, сцепила пальцы в замок.

— Никого у меня теперь нет, кроме тебя. Не возмёшь с собой, так я до ближайшей аномалии.

Вот это номер.

— И что я должен сделать?

— Научи меня, Лунь, — глаза Хип разгорелись. — Ты крутой сталкер, классный, много знаешь.

— Хожу один, — я покачал головой.

— Я всё делать буду, Лунь! Готовить, стирать, ночью сторожить, и натурой даже, если захочешь! Не бросай меня, Лунь! Ты самый классный, ты... первый настоящий человек здесь, Лунь...

Вот так. Не было у бабы заботы, завела баба поросё. Приручил, идиот бессовестный.

— Ты хоть понимаешь, что такое по Зоне лазить? — спросил я, жёстко прихватив Хип за подбородок. — Что такое в воде сутки на брюхе ползти под «Чёртовой сетью»? Что такое ночь в Припяти? Что за эти шесть лет я десятки раз подышал в таких дырах, какие не дай бог тебе во сне увидеть? Убегала когда-нибудь от кровососов ночью по незнакомой местности, где аномалий больше, чем у дурака фантиков? Как человека заживо наизнанку выворачивает, не наблюдала? Нет? Ну, тогда вспомни Дохода, уж его ты видела, сама к нам привела. Он не просто умрёт, как и все мы, он точно знает, когда и как. А возле Бара Шкворень побирается, сталкер бывший, поглядишь на него, какой красавчик. Учти, с твоей симпатичной мордашкой то же самое может случиться.

Я завёлся. Из меня хлестало, как из неисправного крана на кухне, я выливал потоки пережитого в Зоне, и исповедуясь, и успокаивая совесть. Хип так и не отвернулась.

— Ништяк, Лунь. Я сильная и умная. Я выдержу, не смотри, что девчонка. У нас болевой порог выше, чем у мужиков, и вообще мы двужильные, если постараемся. Возьми с собой, сталкер. Выгнать всегда успеешь.

— Ладно, — «дурак, ох, дурак, дураком ты был, им и останешься, это не лечится» — начинаем занятия. Все нашивки, значки и прочие пацифики долой. Здесь и сейчас.

Не успел я договорить, как Хип уже сорвала и далеко зашвырнула цепочку с висюльками, избавилась от бисерных фенечек и начала спарывать с комбинезона нашивки «Свободы». И всё без лишних вопросов. Неплохо. Я дождался, пока она закончит.

— Теперь лекция. Сейчас мы идём к Коржинским прудам. Ты топаешь сзади в двух шагах, по моим следам, ни влево, ни вправо не отклоняться даже на сантиметр. Побегу — бежишь за мной. Подниму руку — вот так — стоять столбом и не мигать даже. Сделаю так — падаешь на брюхо хотя бы даже в лужу. Если покажу ладонь, начинаешь представлять себе любую водичку, хочешь, море, хочешь, озеро или просто стакан и ни о чём другом не думаешь. Ни меня нет, ни тебя, ни Зоны, только вода в любых видах. Справишься?

— Справлюсь.

Ещё лучше. Ни «так точно, босс», ни «да всё ништяк будет», ни, самое страшное, «э, фигня какая, как два пальца об асфальт». Коротко, серьёзно — «справлюсь». Начало обнадеживающее.

Полкилометра к бывшей деревне можно было идти почти прогулочным шагом. Моя тропа, надёжная, ни одной пакости на ней нет, или, по крайней мере, не было. Выброса в этом участке Зоны давно не случилось, значит, и новых аномалий нет пока. Всё равно не расслабляться: вон там, у останков КАМАЗа, маленький бугорок. Обычный вроде холмик, таких тысячи, но если приглядеться, видно, что глина и камешки на нём словно колечками выложены. Я резко поднял руку, остановился, ожидая толчка в спину и уже готовясь сделать зазевавшемуся стажёру выговор с занесением. Нет, не дождался. Даже странно. Обернувшись, я увидел замершую в двух шагах Хип. Она стояла на одной ноге, медленно опуская на тропинку вторую. Затем изобразила статую в полном соответствии с инструкцией.

— Осмотрись.

Хип осмотрелась.

— Ну? — спросил я.

— Кусты вокруг странные, ветки штопором. Вон там, возле столба, какое-то тряпье подозрительное, туда, наверное, нельзя. КАМАЗ ржавый.

— С кустами ничего особенного, для Зоны нормально. Что тряпье заметила, хорошо. Тряпочки эти были глупым сталкером Рубликом, который старших не слушался и любил повторять пару самых скверных выражений в Зоне.

— Каких же?

— «Авось пронесёт» да «ни хрена не будет».

— Я поняла, — девушка медленно кивнула, не отрывая глаз от кучки тряпья. — Что ещё нужно там увидеть?

Аномалию Хип, естественно, не запеленговала.

— Холмик маленький видишь? Не растёт на нём ничего, и камешки кто-то бубликом выложил? Так вот, это «Глухарь». Штука не смертельная сама по себе, но крайне неприятная. Если вляпаешься, то до вечера будешь в ушах громкий звон слышать, словно в колокол бьют, и ничего, кроме звона.

— Усекла.

— Идём дальше, — и я немедленно подал знак «лежать». Хип немного замешкалась, не ожидая, но через пару секунд уже растянулась на земле, что называется, «не группируясь». Коленки, наверное, отшибла, морщится, но ни звука. Я вспомнил своих прошлых «стажёров». Нет, далеко им до Хип, как до Китая на карачках. Умница пока, посмотрим, что дальше будет.

— Сталкер Хип, если ты так будешь падать всякий раз, то к вечеру покроешься синяками, как леопард пятнами. Потренируйся на досуге приземляться без травм.

— Угу.

— Подъём. Оружие достать!

Та-ак... а вот с этим придётся поработать. ПМ, естественно, был в боковом кармане под молнией, да ещё и запутался в подкладке. Я мысленно отсчитывал секунды, и где-то на одиннадцатой оружие, наконец, было готово к бою. По крайней мере, как думала Хип.

— Враг — вон та коряга. Стреляй.

Вообще красота. Направив ствол на указанную цель, Хип начала жать спусковой крючок. Жми, жми: пистолет на предохранителе, патрон явно не дослан.

— Хватит, — я махнул рукой. — Съели тебя уже. Дай сюда.

На Хип жалко было смотреть. Краска стыда залила мордашку, закушенная губа, низко опущенная голова. Извиняющимся жестом протянула пистолет. Я выщелкнул магазин, покачал затвор, мимолётно поразившись количеству грязи, буквально набитой в оружие. На какой, интересно, помойке был подобран этот аварийный по всем статьям ствол? Затвор болтался, от воронения осталось одно воспоминание, пистолет был весь рыжий от глубокой коррозии. Судя по вмятинам и надколотой пластмассе рукоятки, прошлый владелец пару раз использовал оружие в качестве молотка. Патроны в количестве трёх штук имели грустный зеленоватый оттенок. Широко размахнувшись, я зашвырнул негодный ствол подальше от тропы.

— Это... — пискнула Хип. — Зачем выбросил?

— Скажи мне, только честно. Ты вообще стреляла когда-нибудь?

— Ну.

— Что — ну?

Хип помялась.

— В тире... из воздушки. Пистолет...

— Это, радость моя, уже давно не пистолет, а семьсот граммов ненужного груза. Пушку мы тебе найдём подходящую, как в Бар вернёмся.

— Дура я, да? — Совсем тихо спросила девушка.

— Вовсе нет, — я не покривил душой. — Пока что зачёт по всем предметам, молодец, только вот начальную военную подготовку пересдать придётся.

Стажёр заметно воспряла духом, даже улыбнулась. Не перехвалить бы.

— Да, ещё. Ежели затрещину дам при случае, не обижайся. На устные замечания времени может и не хватить.

— Да, пожалуйста, вообще не вопрос, — Хип задорно откинула чёлку и улыбнулась. — Мне не привыкать.

— Вот и ладошки. Двигаем.

Добрались без приключений, и безопасная тропа, как всё хорошее в жизни, закончилась. Впереди виднелись дорожная насыпь, мост и сразу за ним Верхнее Коржино. Даже отсюда я ощутил, какая тяжёлая, мёртвая тишина царила в заброшенном селении. Нехорошее это место, гиблое, и, прежде чем входить в деревню, нужно посидеть и хорошенько подумать. Не торопись, сталкер, обожди лишние двадцать минут, разглядывая проваленные крыши, откинувшийся на бок трактор, чёрные джунгли исковерканных Зоной яблоневых садов. Представляй, как идёшь мимо гнилых бревенчатых стен, слушай, как потрескивает под ботинком прошлогодняя трава. И ожидай морозного дуновения между лопаток.

Так. Мысленно прошёл мимо поваленного телеграфного столба. Первый дом. Второй. И тут ёкнуло под ложечкой, и я почувствовал высыпавший на лбу ледяной пот. Нельзя туда идти. В тени бывшего сарая-дровяника смерть, от чего, не знаю и не берусь даже угадать, но то, что она там, уверен. Интуиция для сталкера — вещь жизненно необходимая. Нет её, значит, не спасут тебя ни сканер, ни самый лучший костюм. Так... а если в обход? И вновь прострелило холодком. В обход тоже нельзя.

— Лунь...

— Нишкни, Хип. Тихо.

Спокойно, Лунь, медленно, без горячки. Теперь заходим со стороны моста...

У всех, кто достаточно долгое время пробыл в Зоне, просыпается особое чутьё, которое сложно описать на словах. Звериное начало, прикрытое налётом цивилизации и мирно дремлющее до поры, постепенно начинает диктовать свою стратегию выживания, ибо всё, к чему оно стремится, чего желает — уцелеть любой ценой. Человеческое сознание слепо и глухо по сравнению с инстинктами, доставшимися гигантским опытом бессчётных поколений от слизистого комка в первобытном океане до сутулого примата, впервые схватившего палку. И важно не мешать этим инстинктам, научиться мыслить иным сознанием, в котором нет места словам, а только звукам, картинкам, запахам, сбросить на время всё то, что многие ошибочно считают человеком.

Маршрут в Верхнее Коржино к старому барскому пруду стал примерно ясен только через полчаса. Чутьё сталкера вещь хорошая, но не абсолютная, и потому следует настроить сканер на широкополосный формат и переложить из рюкзака в карман комбеза гайки с короткими отрезками марли или пучком магнитофонной плёнки. Теперь можно самым малым вперёд.

— Хип, лучше будет, если ты пока останешься здесь.

— Почему?

— Там очень гнилое, страшное место.

— Здесь, без тебя, мне будет страшнее.

— Хорошо. Порядок движения прежний.

Первая гайка, взмахнув марлевым хвостом, скакнула к краю асфальтированной дороги. Правильно, хорошо пролетела, и упала тоже как надо. Сканер мигал зелёным. Подойти, поднять и запустить дальше на семь метров, к бетонному мосту через мелкую, гнойно-зелёную речку. Как в детстве, не наступать на трещинки в асфальте и перешагивать стыки плит. Легла гаечка нормально. Озоном не пахнет. Лицо не греет, как от дальней печки. Не шевелятся волоски на руках. Лёгкий озноб — это протестует, сопротивляется инстинкт глупому желанию человека, но вяло, в фоновом, так сказать, режиме. И — вот оно...

Гайка на полпути вильнула в сторону, ударилась о бетонный бордюр и вдруг исчезла, злобно взвизгнув, как рикошетирующая пуля. Разлетевшийся в клочья бинт ещё можно было заметить — белые короткие росчерки, исчезнувшие за обочиной. Воздушная «плешь». Разлеглась, скотина, в кювете, и ведь не на земле, а незримой плёнкой над глубокими ямами с какой-то тёмной гадостью на дне, и попробуй ты её заметь... я достал из кармана следующую гайку. Размахнулся. Знакомо ёкнуло под ложечкой, очень сильно ёкнуло, даже

дыхание перехватило. Нельзя гайку кидать. Просто нельзя, и всё тут. Сканер, сволочь, моргает зелёньким. Сломался он, что ли?

— Назад, Хип, — я даже не узнал свой голос. Плохо, очень плохо в Зоне возвращаться по своим следам, но другого выбора нет. — Очень медленно назад... стоп.

Пот холодными змейками пополз по спине, заливал глаза. Руки тряслись в крупном треморе, как у алкаша с солидным стажем. Подышать, глубоко, размеренно, успокаивая разбушевавшееся сердце. Что же меня так напугало в оставшихся до моста трёх метрах серого, потрескавшегося асфальта? Ведь нет там ничего, чисто, но стоит только подумать о них, этих метрах, как вновь окатывает холодом, и кожа покрывается крупными пупырышками.

— Слышь, Лунь? — шепот Хип — что там было? У тебя на голове волосы вверх встали, и до сих пор не опустились...

— Там была капитальная задница, Хип.

— Это где гайка взвизгнула?

— Чуть дальше.

На мост мы не попадём. Очень жаль, сам мост как раз красивый, без дряни, но не пройти по нему, хоть тресни. Придётся под мостом лезть, и не скажу, что мне это нравится. Может, забить на этот чёртов пруд, и фиг с ними, с премиальными? А что, заманчивая мысль...

Врёшь, сталкер. Не за деньгами ты туда пошёл, и даже не ради раскосых глаз Гюльчатай. Это вызов, противостояние тебя и Зоны, и как хорошо понимаешь в этот момент альпинистов, зачем-то карабкающихся на высочайшие вершины планеты. Нет, Зона, шалишь, дойду я, дойдём, точнее. Но позже, когда поднимется солнце и станут короче тени от трухлявых домов. Почему-то именно тени внушали мне страх, что-то плохое было в этих тенях.

Найдя «палестинку» — относительно чистое, безопасное место в Зоне, — я скомандовал привал. С этой «палестинки» над речным обрывом отлично просматривалось Верхнее Коржино, река, бугристые, раскоряченные стволы безлистных «баобабов» за деревней, мёртвый жёлтый тростник болотистой поймы. Ещё дальше, у стены уродливого леса и выбегающей из него асфальтированной дороги, висела в воздухе гигантская аномалия, обозначившая себя перевёрнутым отражением деревьев, брошенного комбайна и бетонного скелета недостроенного коровника. Прямо под миражом медленно вращался по часовой стрелке вздёрнутый в небо ржавый бронетранспортёр, и жадно тянулся к нему оборванными проводами анкер высоковольтной линии, согнувшийся, словно в вежливом поклоне, перед мощью чужой, неведомой силы. Давно крутится под аномалией машина, очень давно, со времён Второй Катастрофы, когда спешно и бездумно бросили на «ликвидацию последствий» военные части, и до сих пор страшно думать о том, сколько сотен, а может, и тысяч человеческих жизней поглотила бездонная пасть Зоны. И поглощала до тех пор, пока тугодумы наверху не сообразили, что ликвидировать этот сюрприз человечеству вряд ли получится. И обнесли тогда Зону колючкой, поставили вышки и заборы из железобетона, и тогда же появились первые сталкеры, погибавшие нещадно, пачками, если не от армейской пули, то от аномалии. И всё равно лезли, даже иногда возвращались. Никто уже не знает, кто из тех, вернувшихся, притащил из Зоны первый артефакт, и что это было, и в какие руки ушло. Ходили слухи, что это была пустяковина вроде «банки» или «камня зари», но многие сталкеры утверждали, что это был настоящий, заветный Артефакт, чуть ли не осколок самого Монолита, который вроде бы был, да потом вышел весь. Причудливо переплетается быль Зоны с легендами, и не поймёшь, где правда, а где выдумки, тем более, что правда зачастую была куда фантастичнее плодов скупого человеческого воображения.

Я вдруг поймал себя на том, что негромко рассказываю Хип свои мысли и воспоминания, и та слушает жадно, сидя по-турецки на сухой траве и забыв про намазанную сгущёнкой галету. Стареешь, Лунь, а ведь был когда-то таким же зелёным, правда, было мне в начале сталкерской карьеры не восемнадцать, а двадцать семь. И в первую самоубийственную ходку пошёл один: никто из бывалых не взял учеником или хотя бы

простой отмычкой. Теперь вот сам стажёра по Зоне таскаю, совсем стал большой да важный...

Майн гот, а ведь через неделю мне уже тридцать два, и ровно пять лет и одиннадцать месяцев топтания Зоны! Ёкарный бабай! Следующую за этим «открытием» мысль я старательно отогнал от себя жёстким «нет», похоронил под грузом более насущных думок, но она ведь, зараза, выкопается, как зомби из могилы, и вновь начнёт нудить. Да и хрен с ней, с мыслью. Подумаю на досуге.

— Кислятина, — Хип разжевала две таблетки БАДУНа, запила водой, смешно наморщила носик. — Что это?

— Весьма полезительная штукавина, стажёр. Витамины, минералы, абсорбенты и прочее. Вам прописываю двойную порцию ввиду истощения и вероятного авитаминоза. Держи вот ещё. Глюкоза, это послаще будет.

Интересно, как бы это помягче сказать. С парнем бы таких проблем не возникло...

— А теперь, стажёр, раздевайся.

Хип колюче и как-то безнадежно взглянула мне в глаза.

— Лунь...

— Хип, мне нужно померить тебя на радиацию. Поверь, это важно. Я же не знаю, где ты этот год бродила, счётчика я у тебя не заметил. Комбез твой, хоть и рваный, но экранирует, да и сам фонить может. До исподнего, стажёр.

Хип облегчённо выдохнула.

— А это подождать не может? И почему раньше не померил?

— Разговорчики, — я сделал строгое лицо. Не объяснишь ведь, что раньше мне было попросту начихать, схватила ли случайная знакомая дозу. Теперь же вряд ли избавлюсь от настойчивой думки, не нацепляла ли девка рентген, не пострадала ли здоровьем, а голова скоро нужна будет ясной и чистой от всего.

ДСУ, дозиметр сканирующий универсальный, был наряду с ПМК ещё одним чудом техники, разработанным учёными Зоны. Мог работать во множестве режимов, в том числе, засекать слабую остаточную радиоактивность облучённого либо нахватавшего радионуклидов человеческого тела. К ДСУ для этого прилагалась специальная насадка в виде присоски с круглым серебристым диском внутри, и разъём для подключения к ПМК.

Хип тем временем выскочила из бесформенного комбинезона, и я невольно залюбовался стройной длинноногой фигуркой в мужском белье — драной майке и широких семейных трусах в цветочек. Ах ты, чёрт, по-настоящему красива Хип, что уж тут.

— А ничего другого не было! — с обидой в голосе сказала девушка, видимо, по-своему расценив мой взгляд на мужское исподнее. Точнее, на то, что двумя холмиками приподнимало майку.

Так, отставить взгляды, сталкер Лунь, а то как-то совестно получается по отношению к стажёру. Начинай замеры.

Как заправский врач, орудуя сканером, словно стетоскопом, я прослушал, а, точнее, просмотрел на экране ПМК зелёные столбики уровней, сроки давности и колонки цифр. От души отлегло. Хип набрала за год не больше, чем обычный житель Москвы за три. Вот уж не думал, что скажу «Свободе» спасибо. Не такие уж они и отморозки, грамотно место для базы выбрали.

— Одевайся. Умница, Хип. Всё чисто.

Осталось сделать фоновый контроль. Подняв ДСУ, я уже на автомате покосился на экран. Были у меня в заветной стальной коробочке, зашитой в пояс, две ампулы «Жизни». Бесценная вещь, страшная редкость в Зоне эта синенькая влага, конденсирующаяся иногда на старых костях погибших людей и мутантов. Просто вода, аш два о, но что-то превратило эту воду в эликсир, мгновенно гасящий любую дозу радиации и уничтожающий все последствия облучения как у человека, так и у монстра. И рождались иногда у лизнувших «Жизни» слепых собак нормальные щенки с глазами и обычной собачьей внешностью. Но редко это было, ох, как редко. Я вдруг понял, что если бы сканер показал беду, то стало бы в

коробочке на одну ампулу меньше. Да что с тобой делается, Лунь? Совсем дурак стал? Что тебе эта Хип?

«А то, Лунь, что это, возможно, твой билет. Билет из Зоны за Периметр» — подсказал услужливый рассудок. Очень даже может быть, что вылеплю я из девчонки толкового сталкера себе на смену, и тогда НИИ выправит мне все нужные бумажки да корочки и отпустит на все четыре. Прощай тогда, Зона.

Водилась за учёными одна гнилая особенность. Быстро сообразив, что от одного опытного сталкера зависит работа десятка лабораторий, институтское начальство крайне неохотно расставалось с людьми, долго топтавшими Зону. Прямых запретов на выезд, естественно, не было. Просто сталкеру, решившему бросить ремесло, намекали, что он, по сути, «уголовный элемент», заработавший минимум нескольких хороших сроков. И ладно бы только это. Всегда можно было сбежать, не нашли бы. Но куда? Наличности мало, документов, как правило, нет, жилья обычно тоже. Бомжевать никому не хотелось. Крепкая была хватка у людей, курирующих Институт.

Да только сталкеры тоже кусаться умели. Драконовские законы получили жестокий отпор: Институт несколько недель не получал материала, брошенный кем-то в окно «жорень» прожёл железобетон двух этажей и безнадёжно испортил генератор, а в домах учёных каждую ночь начиналась лёгкая паника — «ботаники» с ног сбились, пытаясь отыскать десяток крошечных «гний», вызывавших дикие ночные кошмары. Учёные грозились вызвать военных, сталкеры отвечали, что пусть, только после этого лаборанты сами в Зону ходить будут. Учёные перекрыли поставки, сталкеры выпустили в канализацию ведро «дикой пены», вызвав фонтаны нечистот из всех институтских туалетов. Где, в общем, на сталкера сядешь, то там же и слезешь. «Ботаники» это узнали быстро. То, что вражда с Институтom невыгодна, понимали и сталкеры. От нас выступил Сионист с группой «стариков». Со стороны институтского начальства явилась делегация учёных. Переговоры длились часа четыре, по истечении которых обе стороны, переломав гору копий, пришли к некоторым компромиссам. В частности, сталкеру, решившему отойти от дел, никто больше не чинил препятствий. Оформлялись паспорта, заработанные деньги «без дураков» переводились на карточки надёжных банков или выдавались «налом», фемида с вздохом разочарования отворачивалась от «уголовного элемента». Сталкер, в свою очередь, готовил достойного преемника, способного в одиночку выполнить задание «ботаников». Если стажёр сдавал экзамен, то ты выходил за ворота Периметра новым человеком с безупречным прошлым, хорошим счётом в банке (если, разумеется, ты этот счёт обеспечил) и свободой идти на все четыре стороны. Как оказалось впоследствии, бывалые не очень-то и стремились уходить. Им куда важнее было чувствовать свободу от любой диктатуры, ту независимость, без которой немислим любой сталкер. Вопрос в том, были ли мы хоть когда-нибудь по-настоящему свободными? Если честно, то нет. Сталкер зависел всегда: от барыг, почти безнаказанно обдиравших до нитки; от своих «коллег», среди которых попадались как настоящие люди, так и подонки; от приказа армейского начальства, выславшего усиленные патрули, колесящие вдоль безопасной «нейтралки». От поставок необходимых припасов зависело, будешь ли ты сыт сегодня или только через неделю. От простой удачи, наконец, зависела сама жизнь. Человеку свойственно иногда врать самому себе, и верить в эту ложь. И мы верили, потому что признаваться в правде было стыдно и неприятно. Вот и сейчас ты почти убедил себя в том, что расстался бы с ампулой «Жизни» в результате трезвого, холодного расчёта — сохранить свой будущий пропуск. Я решил, что в этот раз Хип к пруду не пойдёт.

— Вопрос, стажёр. Имеется ли у вас средство связи?

— Да, пейджер какой-то, — Хип порылась в своём тощем вещмешке. — Вот.

М-да. Совсем плохи дела у «независимых» свободовцев. Тяжёлый пластмассовый кирпич с узким монохромным экранчиком и примитивной клавиатурой, тем не менее, был способен принимать и передавать сообщения. Я продиктовал код своего ПМК Хип.

— Сейчас я оставляю тебе сканер, — я специально настроил детектор на прогноз Выброса, вероятность которого была минимальна. — Ты будешь внимательно смотреть на

этот огонёк. Если станет красным, немедленно сообщайшь мне по сети. Сидеть будешь вот на этом дереве.

— А почему, разве я не иду...

— Потому, что сканер не работает в деревне, — соврал я. — Пока я буду там, мне нужно прикрытие отсюда. Если не вернусь через три часа, уходи к Бару. Вопросы?

— А... ты вернёшься?

— Если... гм... не случится непредвиденного, то вернусь. Честно. И у тебя мой сканер.

— Знай, Лунь, я буду ждать очень долго, — Хип взглянула мне в глаза. — Даже если ты решил меня бросить.

Не дойдя до моста двадцати метров, я свернул на обочину, проверил склон насыпи и спустился вниз, в сторону от дороги, чтобы сделать широкий крюк в обход нехорошего участка. Брошенные гайки послушно тянули за собой марлевые хвосты, падая в жухлую, похожую на грязный рыжий войлок траву. Я медленным шагом огибал опасный кусок шоссе, одновременно отмечая «дуговую» в десяти метрах справа, обозначившую себя выжженными пятнами на земле и оплавившейся макушкой большого гранитного валуна, и «сварку» впереди, маломощную и на таком расстоянии не опасную. Опасность была в другом — электрические аномалии кучковались вместе, большими компаниями, и там, где были «дуговые», «смерть-искры», «сварки», обычно нависал незримым куполом «статик», способный шарахнуть неожиданной воздушной молнией. Чтобы этого не произошло, следовало достать пучок тонкой медной проволоки и распушить её веером, после чего внимательно, предельно внимательно следить, не появятся ли на проволочках бледно-голубые шипящие кисточки света.

«Сварку» я обошёл и ещё на двадцать шагов приблизился к реке. У воды «электрика» обычно слабела, зато был риск нарваться на мощный пучок рентгеновских лучей из «горячего пятна», или схлопотать не смертельный, но очень болезненный «сюрприз Мелихова» из роящихся в поверхностной плёнке гравитационных вихрей. Уже отсюда я видел белые протуберанцы мельчайших брызг, то тут, то там с громким шумом выстреливающие из лениво текущей воды. Биолог Мелихов, первым обнаруживший эти крошечные аномалии, возникающие только на глубоких и спокойных участках рек, сравнивал их с китовыми выдохами и один раз отрядил группу сталкеров добыть или сфотографировать «речного гиганта». Синяки на бедняхгах сходили потом очень долго...

«Сюрпризов» под самым мостом не было — вода текла быстро, журча по пенёчкам облепленных чёрной тиной свай и перекатываясь через затопленные бетонные плиты, густо покрытые всё той же слизистой чернотой. Как я и рассчитывал, паводок от июльских ливней набил под быки моста десятки сцепившихся сучьями и корнями деревьев, образовавших некоторое подобие кладей. Переправа ненадёжная, да другой нет.

Брёвна ворочались под ногами, прелая кора пластинами соскальзывала с мокрых стволов, и пару раз я едва не окунулся. Под брёвнами хлюпала и журчала вода, нагромождения гниющих деревьев блестели скользкой плёнкой коричневатой слизи, от мёртвой реки поднимался тяжёлый, неприятный дух. В прозрачной зелёной воде я не увидел ни одного живого существа. Не было в реках и речушках Зоны даже мутантов, одна только тина чёрного либо ядовито-зелёного цвета. Вон и труп слепого пса прибило к бетонной опоре, вздулся уже, размок, и шерсть почти вся слезла, однако ни рыжих мух, ни псевдозмеев поблизости не оказалось. Некому было похоронить собачку. Мёртвая вода долго хранила своих мертвецов.

Добравшись до опоры из позеленевшего ноздреватого бетона, я прыгнул с брёвен на узкую плиту, выступавшую из воды. К берегу уже можно было пройти по камням, не рискуя сломать ногу между скользкими стволами, но я задержался, чтобы собрать пучок «стальных волос». Полезный артефакт, нужный, и название точное. Мягкие синеватые волокна по прочности превосходили любой известный человечеству материал, не горели даже в дуговых лабораторных печах и решительно не желали разрезаться ни алмазом, ни лазером. В НИИ до сих пор ломали голову над их составом и происхождением: почему они все строго одинаковой длины — двадцать четыре с чем-то там сантиметра? Почему на одном

спектрографе чётко видны линии азота и кальция, на другом только кислород, а на третьем фосфор и гелий? Почему «стальной волос» на свету диэлектрик, а в темноте отличный проводник? Почему он никак не реагирует ни на кислоты, ни на щелочи? Почему у профессора Серебрякова такой несчастный вид после очередного эксперимента? Что? Ах, исчезают «волосы» в вакуумной камере под воздействием мощного пучка гамма-лучей? Как это сразу и бесследно? Профессор, ну зачем же так расстраиваться? Куда это я пошёл?

Артефакт стоил, несмотря на свои уникальные свойства, до обидного мало. НИИ обладал запасом на двадцать лет вперёд, и покупал «волосы» неохотно, поэтому многие сталкеры не обращали внимания на синеватые пучки. Я обращал. Бронежилет или верёвку сделать из них было невозможно, ткань расплзалась сама собой, не желали волокна сплетаться в нить, а жаль, мировая бы одежда получилась. Зато связать картечь для «Сайги» — милое дело. Девять восьмимиллиметровых картечин, по три в связке. Между ними пятнадцать сантиметров не разрываемого волоска. Толщина волокна — ноль целых четыре сотых миллиметра. Всё это помножить на усиленный заряд пороха для последней модели штурмовой «Сайги». В результате монстр, отхвативший такого боеприпаса, вместо нескольких аккуратных пробоин в своем теле с удивлением наблюдал отваливающиеся конечности и пару-тройку полновесных ромштексов, шлёпнувшихся на асфальт из оч-чень большой дырки в брюхе. Много раз уже выручали меня эти ниточки, прилежно шинковавшие самых живучих мутантов Зоны. Нужная штука «стальные волосы», и я не поленился собрать их все до последнего, хоть и ушло на это больше получаса.

Переправа, переправа, берег левый, берег правый... теперь вверх по склону, и не забывать про гайки. Жди в гости, Коржино. Скоро буду.

За мостом я пересёк пустырь, заросший высокой, по пояс, ломкой травой. Трава была мёртвой, покрытой мельчайшей, похожей на сажу пылью. Откуда-то крепко несло падалью, тяжёлым прогорклым запахом, не иначе, гробанулась поблизости матёрая плоть. Не нравится мне это. Ни одного живого мутанта, а ведь, по идее, должны в траве с истошным писком разбегаться бывшие когда-то мышами-полёвками мелкие уродцы. И тишина. Блин, как же здесь тихо...

Вот и первый дом, когда-то добротный сельский пятистенки, теперь прогнивший насквозь, в пятнах серого лишайника и траурной черноты кляксами, похожими на мазутные пятна. К провалам окон тянется грязно-жёлтый бурьян. Две яблони, такие же чёрные, безлистные, но, похоже, живые: на изломанных, неровных ветвях густо висели мелкие белёсые яблочки. Я постоял, слушая деревню. Ватная, пещерная тишина.

«АХ, АААРЛЕКИНО, АРЛЕКИНО...».

Я подскочил, словно мне всадили заряд мелкой дроби. Сердце замерло, а потом гулко ударило в грудную клетку. Покосившийся садовый столик, засыпанный листьями. Орало оттуда.

«НУЖНО БЫТЬ ТАКИМ, КАК ВСЕ!».

В грязном кирпиче я с трудом узнал большой приёмник-транзистор, забытый много лет назад бежавшими селянами. Годы под открытым небом не испортили его, нет. Он был просто уничтожен: я видел вывалившийся из гнилого корпуса динамик и ветхое нутро, покрытое плесенью и ржавчиной.

«АРЛЕКИНО, АРЛЕКИНО, ЕСТЬ ОДНА НАГРАДА — СМЕХ!» — надрывалась убитая техника так, что со стороны моста прилетало лающее эхо.

«ХАХАХАХАХА ХА, ХАХАХА ХА, ЛАЛАЛА ЛА, ЛАЛАЛА Е!!!».

Твою дивизию, бога душу мать.....!!! Сжав зубы, чтобы из горла не вылетел вопль, я навскидку шарахнул из «Сайги» по останкам транзистора. Брызнули в разные стороны осколки пластика, разлетевшийся на куски приёмник смело со стола. В наступившем молчании кто-то негромко, жалобно постанывал. Как оказалось, это я сам непроизвольно озвучивал каждый выдох. Зона. Зона... твою мать! И так уже седина в неполные тридцать два, а скоро стану вообще белым.

Успокоиться. Релакс, сталкер Лунь. Пугливый ты чего-то стал. И правильно. Бесстрашие — не самое лучшее качество для сталкера. Это удача храбрых любит, и то не

всегда, а вот Зона вовсе даже нет, отважные храбрецы давно в виде костей да тряпья по её просторам разбросаны, в качестве, так сказать, дополнения к пейзажу. Но и волю страху давать ни в коем случае нельзя. Иначе беда. Страх должен помогать, а не брать под контроль, а то получится хуже, чем с теми же храбрецами. Только бы Хип, услышав музыку и выстрел, не ломанулась меня выручать. С неё станется. Так, вроде всё, сердце бумкает, но уже не так сильно, башка ясная, чистая. Можно идти.

Я подобрал стреляную гильзу, сунул в карман. Пригодится вместо гайки кинуть, и так уже три штуки в бурьяне оставил. Обойдя столик, расчерченный дробинами, и опасливо покосившись на ржавый динамик, валяющийся в траве, я выбрался на сельскую улицу. Теперь идти к выгнутым дугой старым тополям с побуревшей листвой. За ними пруд. Гадостный, признаться, водоём. И улочка тоже гадостная, одними гайками путь не проверишь, тут только чутьём идти. Шаг. Остановка. Ещё два. Этакий сталкерский аллюр по малознакомой территории. Странно, что не видно хабара, в таких, мягко говоря, малопривлекательных местах его обычно хватает. Впрочем, лежит «радужное кольцо» между остовом «Запорожца» и завалившейся на него ржавой калиткой. Ну, и пускай лежит, жизнь дороже: вокруг машины, калитки и даже над гаражом мерцает нежнейшим перламутром «северное сияние». И тишины уже нет — звенит едва слышно, словно попал в стайку комаров-толкунов, что столбами висят в тёплом августовском воздухе за Периметром. Но здесь не Большая земля, и звенят не комары. Это просто «мясорубка» подаёт голос, жалуясь, что силушки набрала, а отоварить некого. Ничего, перебьёшься.

Дома равнодушно пялились на меня чёрными глазницами оконных проёмов и бельмами целых стёкол. Мне казалось, что в этих мёртвых взглядах брошенного жилья сквозит застарелая и уже пережитая обида. «Бросили нас, бросили... даже не закрыли нам глаза досками на прощание. И мы умерли здесь, но мы всё ещё помним... нам ещё снится...». Впереди, на старом асфальте тёмное пятно. Лучше обойти стороной. Может, неизвестная аномалия, может, просто наследил прошлый Выброс. Тут как у грибника: не знаешь, что за гриб, не бери. Не знаешь, почему пятно, не суйся. Всё, полдела сделано. Вот он, старый Коржинский пруд.

Антрацитовое блестящее зеркало вместо воды, и отражаются в нём облака с провалами чистого неба, хотя над головой равномерно серая хмарь. Словно озеро свежей нефти, идеально гладкое, ни единой пылинки на нём, ни листка с наклонившихся над прудом больных тополей. Просили «ботаники» зачерпнуть этой водички, любопытно им, да я хоть и сталкер, но пока ещё не убеждённый самоубийца. Твердит инстинкт «нельзя», значит, нельзя. Пускай на расстоянии изучают. Благо, приборы подходящие имеются. Я вытащил из рюкзака два пластиковых пенала, по шесть «дартсов» каждый, раскрыл. «Дартс» представлял собой почти точную копию дротика, которыми из спортивного интереса или безделья кидаются в прибитую на дверь мишень. Только эти были больше, тяжелее и с начинкой по последнему слову науки и техники. Датчики химического состава, электромагнитных полей, тензоры и ещё с десятка таких, что и не выговоришь, располагались только в игле. В корпусе встроена крошечная видеокамера и опять датчики. Оперение состоит из гибких солнечных батарей и там же спутниковый маячок. И название хорошее — «Сталкер МУН310». И всё это чудо следовало, размахнувшись, швырнуть подальше, по навесной, чтобы дротик по возможности воткнулся в землю вертикально и давал чёткий сигнал. Обходя пруд на почтительном расстоянии, я не запарол ни одного броска — все «дартсы» воткнулись как надо. Последний, двенадцатый «дартс» я поставил на экспресс-анализ, законнектил напрямую к ПМК и бросил в пруд. Прибор погиб в секунду, нырнув без всплеска и оставив быстро затухающие колечки волн, но успел передать на компьютер необходимую информацию. Героическая смерть во благо науки. Я вздохнул. Точно, что ни говори, назвали прибор «Сталкером». Пластиковые упаковки назад в рюкзак, удобные вещицы под какую-нибудь мелочь, крепкие, защёлка надёжная, в общем, в хозяйстве сгодятся. Теперь назад.

Я уже направился по своим следам, нарушая правило сталкеров не возвращаться той же дорогой, которой приходил. Знаю, плохо это, но искать другой путь из деревни значило сильно понизить свои шансы. Такой роскоши я себе позволить не мог.

Завибрировал ПМК. Сообщение от Хип: «Красный огонёк на сканере. Пищит». Не понял. Неужели Выброс? Или стажёр самостоятельностью занимается? Хочется в это верить. Однако же, ходу надо прибавить, времени может остаться всего ничего.

Хип не соврала. Уже под мостом я почувствовал признаки назревающего локального Выброса. Дальние звуки стали чётче, краски немного поблели, плеск воды под брёвнами приобрёл странные, какие-то липкие ноты. Быстрей. Проклятье, впереди ещё куча «электрики», её на скорости не проскочишь...

Прошёл. Теперь бегом на насыпь дороги, затем к «палестинке», где оставил Хип. На ходу рывкнул в обрадованные глаза стажёра «За мной! Быстро!» и, не останавливаясь, по чистой тропе. Сзади слышался лёгкий топот. Хип не отставала. Выброс буквально наступал на пятки, небо мрачнело на глазах. Везёт, как утопленникам. По прогнозам «ботаников» раньше, чем через три недели, в этом районе Выброса не ожидалось. Вот только бывают, кроме «запланированных», ещё и вот такие, внезапные «рояль-капуты». Кому, как не тебе, Лунь, это знать.

Мы успели. Выброс накрыл через считанные минуты после того, как я закрыл люк схрона. Противный сверлящий писк в ушах набрал силу, когда мы уже лежали на дне колодца, свернувшись калачиком и хлюпая сочащейся из носов кровью. Глаза во время Выброса лучше не открывать даже в убежище, а то потом будут фосфены или кратковременная флэш-слепота, имеющая дурную особенность проявляться в самое неподходящее время. Писк прекратился внезапно, и тут же скрутило желудок, а сверху накатил низкий, почти на инфразвуке, тяжёлый гул.

— Дыши! — прохрипел я. — Быстро и глубоко. Глаза закрой.

Сейчас будет пик. Как же я не любил этот момент...

Кратковременная потеря сознания. Потом сильная тошнота и хинный привкус во рту, слабость во всём теле. Кажется, что схрон подхватило ветром, и он летит, кувыркаясь, высоко над землёй, вызывая сильнейшие приступы морской болезни. Интересно, что в таком случае чувствует человек, которого Выброс застал на открытой местности? Сразу перед тем, как умереть или сойти с ума?

Пси-импульс Выброса вне убежища ещё можно пережить. А вот следующий за ним ливень странных излучений с потемневшего неба уже нет. Хорошо, что чугунный люк и бетон колодца неплохо экранируют, только слышно, как с негромким «шшшшш» проносятся сверху волны смерти и перекатываются в багровых тучах тяжёлые жернова ленивого, но не умолкающего ни на секунду грома. Выброс пошёл на убыль, но подниматься ещё рано, на очереди инфразвуковая волна. Каждый переносил её по-своему. У кого-то начиналась истерика. Кто-то хохотал и пел сумасшедшим голосом или в животном ужасе метался по убежищу. Я «держал» её сравнительно легко — что-то вроде сильного озноба, такого, что зуб на зуб не попадал, в сочетании с головной болью. А вот Хип взвыла и рванулась к выходу. На секунду увидел безумные глаза, получил укус в руку, но всё же подмял под себя бьющееся тельце. Ничего, сейчас пройдёт... всё, стихла.

— Вот это, стажёр, называется Выброс. Он же на профессиональном жаргоне «рояль-капут», — я перекатился на спину и раскинул руки. Ну и голосок у меня. — Состоит из трёх частей, как комплексный обед. На первое подают «тошниловку». Кровь из носа, писк в ушах и морская болезнь. От неё страдают все даже в схронах. Второе блюдо — «смертный дождь». Если попал под него, и убежища поблизости нет, то кранты. На десерт инфразвук, он же «шиза», потому как на время крышу сносит.

— Знаю, проходили уже пару раз, — простонала Хип, вытерев нос и с удивлением наблюдая кровь на ладони. — Но так сильно не колбасило. О-оо, башка... почему здесь такая мощная хрень?

— А потому, что рвануло в Коржино. Как раз над тем прудом, к которому я ходил. Мы сейчас почти в эпицентре, стажёр.

— Я боялась...

— «Рояль-капут» не подарок — согласился я.

— Боялась, ты не вернёшься, — договорила Хип.

— Думала, брошу?

— Да... — призналась Хип. — И когда странные крики из деревни слышала, на песню похоже. А потом выстрел. Один. И тихо. Вот и думай, что хочешь, — судя по звукам, Хип начала негромко хныкать

— Отставить нюни, стажёр, — я с трудом принял сидячее положение. — И сейчас, и на будущее. А если без них никак, то разрешаю реветь только когда домой придём. Вот коробочка тебе, — я передал Хип упаковку от «дартсов».

— Зачем? — всхлипнула она.

— Пока в Зоне, будешь туда нюни складывать. Если не хватит, ещё одну дам. Дома откроешь потом, и вперёд, сразу за всю ходку. Или «ботаникам» продай как артефакты.

— Не смешно — Хип, судя по голосу, всё же улыбнулась. Темно, не видно.

— А бросать я тебя не собирался, — серьёзно добавил я. — В Зоне распоследнее дело напарника оставить. Запомни, стажёр.

Завибрировал ПМК. Сообщение. Ну что ж, почитаем, хоть и расплывается всё в глазах после Выброса.

«Ты живой, Лунь?». Гюльчатай. Надо же, беспокоится.

«Скорее да, чем нет» — написал я стилем на экране. ПМК отформатировал письменный текст в печатный и сразу отправил ответ. Помнится, прошлая модель такими талантами не обладала.

«Класс!!! Молодчина, сталкер. Конверт уже дожидается своего героя. Ждём».

И тут же: «Внимание всем! В квадратах DA-DH индексы 32–66 возможен локальный Выброс!».

Я усмехнулся. Ай, молодцы, ботаники. Оперативно среагировали, ничего не скажешь. Потом улыбался я уже механически: это сообщение запаздывало. Почти на пять часов.

— Хип, дай-ка твой кирпич почитать.

На её допотопном коммуникаторе всё было в порядке. Отправлено из НИИ — принято в ту же секунду. И ещё одно, полученное совсем недавно: «Внимание всем! Опасность Выброса в указанных координатах подтверждена!». И время. Точное время на моём ПМК, когда в чёрный пруд нырнул «дартс». У меня возникло нехорошее предчувствие.

«Здоров будь, Сноп. Слушай, проверь, кто блокировал сигнал на мой компьютер. Найдёшь мерзавца, за мной магарыч».

Отправил на адрес, не числящийся в списках НИИ. Сноп давно и очень успешно работал с локальной сетью Зоны, чем и зарабатывал на жизнь. Себя он называл странным словечком «хакер». Снопа уважали рядовые сталкеры и безуспешно ловили службы НИИ. Мало того, его никто не видел в глаза, а деньги за выполненную работу следовало передавать через третьи руки.

Ответ пришёл не скоро.

«Извиняй, Лунь. Сигнал действительно блокировался, но данных, кто это делал, уже нет. Одно могу сказать точно — блокировали с НИИ, и девяносто из ста, что это делал тот, кто отправлял тебе последнее перед моим сообщением. Гонорара не нужно. Это же какой паскудой надо быть, а?».

Мозаика сложилась. Ещё никто и никогда не устанавливал приборы в точке Выброса непосредственно перед оным. Данные с раскиданных мной дартсов, а особенно того, что нырнул в пруд, были необычайно ценны для науки. Настолько ценны, что мог бы и гробануться сталкер, оказавшийся в нужном месте и в нужное время. И этим сталкером был я. А учёным, занимающимся физикой Выброса, была Гюльчатай, и от того, успею ли я к пруду в нужный момент, зависела судьба её диссертации. А вот успею ли обратно, это уже другой и неинтересный «ботаникам» вопрос.

На душе стало паскудно. Никаких обид, на обиженных воду возят, просто...

«А что ты хотел, сталкер Лунь? Неужели ты всерьёз думал, что твоя жизнь для «ботаников» имеет какую-то ценность? Для них ты «смертник», «уголовный элемент», «радиоактивное мясо», и нужен постольку, поскольку являешься поставщиком материала для исследований. Но чтобы Гюльчатая? Сказочный восточный цветок с ослепительной улыбкой, очаровательная Светлана Григорьевна, спасибо тебе за науку. Век живи, век учись. Всё равно дураком помрёшь. Тьфу, тьфу, блин...».

— Эй, Лунь... — за рукав слегка потербели. — Ты чё затих? Случилось чего?

— Да нет... философствую на предмет человеческой натуры.

— А-а. Ясно.

— И что именно ясно?

— Да так... дерьма в человеке много, Лунь. Хорошие люди мне редко встречались.

— И какое дерьмо самое хреновое в гомо сапиенсах?

— Равнодушие, — уверенно заявила Хип. — Хуже равнодушия нет. Веришь, отчима ненавидела, а ещё больше тошнило от соседей по лестничной клетке. Сажу на лестнице, сопли кровавые утираю после его кулаков, а мимо поднимаются с авоськами, морды каменные, не замечают. Или остановятся: «кто тебя так, девочка? Может, надо чего?», а у самих скука в глазах, и уже жалеют, что спросили. Зато потом скажут себе «а всё-таки я хороший человек. Помочь вот хотел» и будут гордиться до пенсии. — Хип немного помолчала. — И в электричках насмотрелась на эти хари. Гармошку на плечо, через тамбуры протискиваешься и молишься, чтоб одноклассника какого не встретить и чтоб предкам на водяру сразу дня на три наиграть. Идёшь, песенку горланишь, от контролёров прячешься...

— Контролёров?!

— Ну да... э, Лунь, не зоновских, а обычных, что билеты проверяют. Да, такие тоже есть... ну, и сунут кто червонец, кто мелочи из кармана насыплет. Во жизнь была! И везде те же морды, морды, и веришь, абсолютно всем по барабану. Знаешь, Лунь? Я вот тебе скажу, только ты никому потом, ладно? Я в Зону бежала не просто по дурости. Я, короче, отчима своего зарезала. Матка где-то пьяная в тот день валялась и домой не пришла, а этот козёл дома сидел, ну, он меня и отмудохал до потери пульса. А потом на кровать потащил.

Хип молчала долго. Дыхание её срывалось.

— В общем, я его бутылкой по дороге в спальню и огрела. А потом ещё раз «розочкой». Когда очухалась, отчим уже не дышал и всё красное вокруг. Вот. Рассказала.

— Не повезло тебе с роднёй.

— Мягко сказано, — согласилась Хип. И подползла поближе, положив голову мне на плечо.

— Скоро Выброс кончится, Лунь?

— Уже. Но вылезать рано — я отщёлкнул магазин «сайги» и сменил дробовые патроны на вязаную картечь. Ещё три запасных магазина рассовал в карманы «разгрузки». Затешил огонёк «светляка». — Слушай, стажёр. Это ПП-2000. В нём двадцать патронов...

Короткий инструктаж, на что нажимать, как целиться, как вставлять новый магазин.

— На меня ни в коем случае ствол не направлять. Стреляй только с близкого расстояния и только по команде. Если увидишь что сама, говори «сзади», «слева», «справа» быстро и чётко. И не отставай. Идёшь не по следам, а на полкорпуса вправо.

Я прислушался. Дождь. Как, впрочем, и всегда после Выброса. Интересно, накидало ли на тропе новых аномалий? Скорее всего, да. Эх, переждать бы в схроне до завтра, чтобы без спешки проверить дорогу, но нельзя, чёрт возьми. Был Выброс. Значит, будут бюреры. Они всегда выходят из своих нор собрать урожай не успевших спрятаться сталкеров или слепых собак, и заодно проверить убежища на предмет прячущегося там мяса. Нас, то есть. Я уже представлял, как срежет запорный прут петлями люка, а сам он, отброшенный на десятки метров, зазвенит по асфальту. И сунется к нам широкая, словно размазанная по стеклу белая харя, невидимые, но могучие руки телекинеза вырвут оружие, а кусок стального прутка прошьёт насквозь твоё тело. Кушать подано, господин бюрер.

Я взглянул на часы. Да, скоро стемнеет. Больше ждать нельзя.

Откинув люк, я быстро выбрался наружу и пробежал прицелом помрачневший пейзаж. Никого. Вроде бы.

— Быстрее, Хип! — я ногой подтолкнул люк, и тот лязгнул, встав на место. — Идём.

Ствол в правую руку. Гайки в левую. До «стеклореза» всё оказалось чисто. После на пятьдесят метров тоже. Потом пошли новые аномалии. «Круговерть» справа, ещё две слева. И впереди штук пять. Хорошо, мелкие, можно обогнуть, но сколько их здесь, целый, блин, выводок, и одна, кажется, блуждает. Только бы не «молотилка». Хоть бы не это.

Или мой запас везения не кончился, или Хип отсыпала немного взаймы, но ни в одну «круговерть» мы не вляпались. А в «молотилку», оказавшуюся впереди буквально в пяти шагах, с разгона влетел слепой пёс.

Короткий взвизг, и скрученное предельным напряжением мышц тело выкатилось прямо к ногам. Готов. Уже мёртвый пёс трещал сухожилиями, влажно хлюпали под шкурой дёргающиеся мускулы. А вот и стая.

Полтора десятка слепых собак замерли возле «молотилки», похожей сейчас на холм воздушного сиреневого пуха.

— Сзади... и слева, — доложила Хип.

Понятно, берут в кольцо, но не бросаются — кругом аномалии. Разномастные собаки, крупные, с хорошего сенбернара, и мелкие «таксы», голые и мохнатые кружили в хороводе, не решаясь подойти ближе. Одна, похожая на обриту лишаём борзую, привстала на задние лапы, и, крутя головой с пустыми ямками глазниц, начала ловить запах. Сухо щёлкали узкие челюсти, падали хлопья слюны, но пёс чуял аномалию между ним и добычей и злился от невозможности броситься в атаку.

От заряда вязаной картечи голова и обе длинных костлявых лапы красиво разлетелись в разные стороны. Ещё один выстрел превратил в суповой набор мохнатого пса с тяжёлой, словно обрубленной головой и редуцированной передней лапой.

— Одиночными, Хип. По головам.

Сухо захлопало. Одна собака зашлась в скрежещущем визге. Потом заорала вторая. Девять миллиметров не совсем то, что надо, конечно, но пули экспансивные, пары попаданий должно хватить.

Несмотря на потери, собаки продолжали кружить, пробегая вихляющейся рысью, высоко подбрасывая зады непропорционально длинными лапами. Одна вообще скакала на задних, изогнувшись знаком вопроса и кивая при каждом прыжке гладким лысым черепом, так как передних лап просто не было, ещё одна елозила по земле высохшим задом, и от неё несло тяжёлой гангренозной вонью. На место погибших вылезали новые, а патроны должны были рано или поздно кончиться. Именно этого и добивался невидимый пока припятский пёс, руководивший всем цирком Сатаны, именно он заставлял собак молча лязгать челюстями, что давило на психику больше, чем лай или рык.

— Хип... падай и кричи, как будто тебе очень больно, — прошептал я в паузе между выстрелами. — Ты тяжело ранена и незащищена. У тебя нет оружия. И очень, очень больно и страшно. Ни о чём другом не думай.

— Поняла.

Хип медленно осела на землю и жалобно закричала, схватившись за ногу. Я расстрелял остаток магазина и вставил запасной, с «вязанкой». Но, на самом деле, патронов у меня не осталось. «Сайга» лишь бесполезная палка. Жить мне минуты две. Я позволил горячке боя заполнить сознание, добавил ноток отчаяния и злобы, сдобрил приправой страха и безысходности. Всё, конец...

И припятский пёс купился. Из развалин зерносушилки показалась чёрная голова с круглыми, как у гиены, ушами, грива жёстких волос на мощной груди, крепкие лапы. Тварь почти без опаски приближалась ко мне, а я, задыхаясь от страха, ждал смерти.

Хитёр ты, и опасен, припятский пёс, способный читать чужие мысли и управлять войском мутировавших собак. Но куда тебе до двуногого примата, самой подлой и хитрой твари в Зоне? Дёрнулся ты, почуяв подвох, рывкнул от страха за секунду до того, как «бесполезная палка» выплюнула девять свинцовых горошин, и даже успел немного сместить

прицел. Большая часть картечи ушла мимо, но то, что осталось, ударило в подставленный при бегстве бок, разрубив почти пополам. Прежде, чем умереть, пси-собака бросила в нас стаю слепых псов, надеясь хоть так достать своего убийцу. Аномалии сильно проредили нападавших, а остальные, встретив кинжальный огонь, ретировались с жалобным лаем и визгом, сразу превратившись в обычную стаю глуповатых хищников.

Припятский пёс, несмотря на страшную рану, был ещё жив. Широко открыв пасть с желтоватыми клинками зубов, он часто и хрипло дышал, вывалив коричневый язык и вздрагивая всем телом. Налитый кровью глаз открылся и несколько секунд почти равнодушно следил за мной. Затем дыхание прекратилось, вытянулись, мелко дрожа, лапы и глаза остекленели. Готов. Я вытащил из ножен кривой «обсидиан» и несколькими взмахами отделил лобастую голову, вслед за которой в пакет отправился пышный чёрный хвост твари. Голова — ценный объект для биологов, не первый год изучающих необычайно развитый мозг, хвосты охотно покупает Барин. Ещё пятьсот монет в копилку. Обернувшись напоследок, я увидел, как слепые собаки опасливо нюхают останки своего вожака и делят трупы погибших. Сзади уже доносились сочный хруст костей и грызня голодных псов.

Хип, бледная как полотно, сжимала оружие в обеих руках и потемневшими глазами смотрела вперёд. Она шла молча, отрешённо, и я не делал замечаний за мелкие нарушения. Пускай переварит. Лихо ей сейчас, знаем, проходили. Вырвало Хип только через пару часов, когда мы уже подходили к нейтральной полосе периметра. Надо же, сколько держалась...

— Привыкай, — я дождался, пока Хип отплюется и подавит спазмы уже пустого желудка. — Здесь бывает и похуже. Это Зона, стажёр. Ну, не передумала в сталкеры идти?

— Х-х-ыык... тьфу... не, классно всё... ы-ыыык-хааа...

— Оно и видно. В общем, с первой ходкой тебя, сталкер Хип.

— С-спасибо... ыык... ох, блин.

Граница Зоны. Не знаю, действительно ли я чувствовал её, или это было всего лишь воображение, но стоило пересечь невидимую полосу, как внутри словно развязывался тугой узел, а в голову слегка ударяла странная и приятная одурь. Только что под ногами шелестел бурый войлок с сухими ломкими стеблями чернобыльника и пробивающимися из земли «папоротниками» цвета старой крови, и вот уже весело горят синие цветки цикория, трава, хоть и пыльная, но зелёная, живая, и брызгают из неё кузнечики, треща слюдяными крыльями.

— Благодарю, Зона-матушка, за то, что одарила, и за то, что выпустила, — я обернулся, стянул с головы капюшон. — Если что не так, обиды не держи, не по злобе мы, а по глупости.

Я исполнял странный, почти языческий ритуал благодарения Зоны, как и большинство одиночек, и не чувствовал в этом никакого мракобесия. Мне казалось, Зона могла слышать нас, искренне сказанные слова оставались незримо висеть в воздухе. Достав из рюкзака остатки провизии, я аккуратно положил на границу бурой и зелёной травы пару кусков сахара, галету и несколько предварительно сломанных сигарет. Рядом лежали десятки таких же приношений — некоторые совсем свежие, другие уже едва угадываются.

Из глубины Зоны донёсся далёкий хриплый рёв, а в лицо повеяло прелым ветерком. Ответила.

Нейтралка... почти полкилометра «чистой» земли перед ажурными спиралями «егозы», в пять рядов поднимающихся над двойными бетонными стенками забора, усиленного сварной решёткой. Через каждые сто метров стены вышка с «Кордом» на турели, часто в паре с короткой трубой автоматического сорокамиллиметрового гранатомёта. В бронированной будке наверху два этажа — на втором дуговой прожектор и счетверённая «сорока» из ПКМов. Дальнобойные сканеры, засекающие движение за километр. Два бойца, сменяющиеся через шесть часов. Внизу — приземистые бронеколпаки с ЗУшками на вращающихся башнях. А ведь помнится, начиналось всё с блокпостов, сложенных из того, что под руку попадётся, и пяти-шести солдат с Калашниковыми возле полосатого шлагбаума. Ну, пока гром не грянет...

Деревянный столбик, окрашенный в чёрно-белую полосу. На нём камера и небольшой динамик. Я подошёл поближе, динамик захрипел, защёлкал. Нас с Хип, понятное дело, давно уже засекли.

— Пропуск... — гнусаво заворчал в динамике. Я достал книжечку из кармана и сунул в камеру. Дурость одна эти пропуска, пережиток старины — компьютер на посту давно уже определил, кто именно стоит перед камерой.

Пошипело, щёлкнуло.

— Хшшш. Тк. Рядом кто?

— Стажёр Хип.

— Шшшшшфффпроходите. Кхххх. Тк.

— Пойдём, Хип. Нас ждёт благодарность человечества, горячий чай и кулинарные изыски Барина.

— В одном месте я видела эту благодарность... — буркнула Хип. — Но от прочего не откажусь.

Мы уже подходили к бронированным воротам с маленькой овальной дверцей в железобетонной стене, когда над головой коротко гавкнул гранатомёт, а за спиной раскатисто долбануло. Собачки, ясен перец, дожрав своих павших соратников, решили последовать за нами, чтобы продолжить банкет. Продолжили. Ох, и вонять же там будет через недельку: шариковая граната шансов выжить обычно не оставляет, а падальщики очень неохотно посещают приграничье Зоны. Овальная дверь приветливо распахнулась, пропуская в «вошебойку», где нас основательно продули мощным воздушным потоком, попрыскали обеззараживающими растворами и облучили ультрафиолетом. Приятного было мало, но я любил эту процедуру: она означала, что ходка удачная хотя бы потому, что вернулся живой, с полным комплектом рук, ног, глаз и прочих органов, психически почти нормальный да ещё и с каким-нибудь хабаром в рюкзаке. Обожаю это ощущение.

— Сталкер Лунь? — Молодой солдатик встретил на выходе из «вошебойки».

— Да, это он, — кивнул я.

Солдат вытянулся, и, вроде, даже хотел козырнуть, но вовремя вспомнил, что сталкерам отдавать честь не положено по уставу. В глазах светилось любопытство и почти суеверный страх — как же, и на вышке-то жуть берёт от одного вида Зоны, а этот по ней сам ходит сутками. Сталкер...

— Светлана Григорьевна просила сразу, как придёте, зайти в Бар. Она вас там ждёт.

— Спасибо, боец. Уже знаю.

Солдат помялся.

— А... вы что, и правда оттуда? — почему-то шёпотом спросил он, забавно хлопнув глазами.

— Все люди оттуда, — заметил я философски.

— И... как там?

— Не знаю. Внутриутробное развитие в памяти как-то не откладывается.

— Гы-ы — до служивого дошло. — Я про Зону.

— Какую Зону? Туда ходить, как ты знаешь, строго запрещено. Не состоял, не был, не привлекался.

— Да ладно... сейчас только оттуда пришёл. Что я, не видел?

— Почудилось, солдат. Ну, а если честно, то и в Зоне жить можно. Хотя я бы тебе лично не советовал. И ни кому другому.

— Понятно.

Ишь, лыбится, понятно ему...

— Чуть не навернулись от Выброса. Отстреливались от мутантов. Были в мёртвой деревне. Аномалии, монстры, смерть. В общем, обычный, хороший день, — Хип зевнула.

Ишь ты. Ни дать, ни взять, крутой сталкер.

— Напарник, — я решил не уязвлять самолюбие девушки, называя её стажёром. — Ни к чему рассказывать подробности. До свидания, солдат.

— Рядовой Кондратьев, — солдат всё же козырнул и расплылся в широкой улыбке. Теперь и мёртвая деревня, и аномалии обязательно вспомнятся на гражданке, как и личное знакомство со сталкерами, которых рядовой Кондратьев выручил однажды из лап кровожадных тварей где-нибудь под Припятью.

Выйдя из пропускника, я направился сразу к Бару. Гюльчатый я заметил издали — она стояла под вывеской, которую Барин недавно украсил «дюралайтом», и по её лицу бегали синие и красные сполохи. Увидев меня, она потушила сигарету и зашла в дверь Бара.

— Подожди пока здесь, — попросил я Хип и завернул в подсобку Барина.

Светлана Григорьевна сидела за столом, на котором лежал большой, пухлый конверт.

— Здравствуй, Лунь. Ты не представляешь, как я тебе благодарна, — улыбка, от которой вполне могли растаять все ледники Антарктиды. — Ты очень вовремя попал к пруду, молодец. Здесь вознаграждение.

— Благодарю за щедрость, — я тоже расплылся в улыбке и сгрёб конверт. Да, «котлетка» в нём лежала приличная.

— Данные, что мы получили, сногсшибательные! Правда, семь «дартсов» загнулись, но остальные... остальные блестяще подтвердили мою теорию обратной индукции темпоральных полей! Весь Выброс по полочкам, от начала и до завершения! Профессор. Лунь, я скоро профессор!

— Сердечные поздравления, — я пожал протянутую руку. — А теперь послушай меня, дрянь. Если ты ещё раз блокируешь мой канал, или чей-нибудь ещё, весь ваш НИИ будет знать, что из-за одной нечистоплотной гадины работа Института остановилась. И отдельное спасибо тебе скажут солдаты и лаборанты, которых погонят в Зону за материалом.

Улыбка на лице Гюльчатой стала фарфоровой. Я заметил, как побледнела её смуглая кожа.

— Да, чуть не забыл, — я положил на стол редкий «самоцвет-искровик». — Подарок тебе нёс из Зоны. Надеюсь, понравится. На память, так сказать, от Луны. Бывай, профессор Михайлова.

Гюльчатый молчала, стараясь не встречаться со мной взглядом. Значит, в курсе кошка, чьё мясо съела. Ну что ж, молчи. Не оборачиваясь, я вышел и плотно прикрыл за собой дверь подсобки Барина. С глаз долой, из сердца вон. Да и на что ты надеялся, сталкер, мясо радиоактивное? Давно нужно было купить у Барина машинку губозакатывательную и применять почаще, тогда бы не было сейчас так паскудно на сердце. Хорошо хоть, что быстро отпускает, и уже стираются из души файлы с пометкой «Гюльчатый».

— Это кто ещё? — холодно спросила Хип, пытливо заглядывая мне в глаза.

— Местный мутант.

— Шутишь?

— Вовсе нет. Почему тебя это волнует, стажёр?

— Волнует, и всё тут, — Хип немного повысила голос, в котором появились незнакомые раньше нотки. — Что, так трудно сказать?

— Человек, которому я раньше доверял, и который мне раньше очень нравился. Профессор Светлана Григорьевна Михайлова. Ответ устраивает?

— Почти, — буркнула Хип. — А что значит — нравился? В смысле, встречались?

Нет, ну положительно невозможно разговаривать.

— Нет, не встречались. Стажёр, я что-то не пойму вашей заинтересованности в допросе несчастного, уставшего сталкера. Но подозреваю ревность.

Хип презрительно фыркнула.

— Размечтался...

— Выговор с занесением за хамство начальнику. Наряд вне очереди: будешь сегодня картошку чистить.

— Есть картошку чистить, — вздохнула Хип

— Сначала чистить, потом есть. Слушай дальше. Сейчас мы пойдём в Бар. Это вроде посвящения в сталкеры. Предупреждаю, народ там грубый, прямой, но, как правило, честный. Видом прекрасного пола в комбезе и с хабаром в рюкзаке не избалованный, так что

реакция будет та ещё. Ржать начнут обязательно, советую не злиться, держаться с достоинством. Кто полезет руками, сразу бей в лыч, я помогу. Инструктаж закончен.

Как я и ожидал, реакция посетителей Бара была бурной. Не сразу, правда: несколько секунд висела такая тишина, что было слышно, как тренькает на потолке мигающая лампа дневного света.

— Глянь, мужики, какой артефакт Лунь в Зоне надыбал, — тихо сказал кто-то.

— Ни хрена, — не согласился ещё один посетитель. — Он к Монолиту смотался и желание загадал. Истинное.

Густой гогот десятка сталкеров заглушил бы даже рев раненого псевдогиганта.

— Это мой стажёр, — громко сказал я, когда народ отсмеялся. — Звать Хип.

Я осмотрел всю компанию. Бар сегодня не мог похвастать большим количеством посетителей. Сталкеры либо отсиживались в схронах, либо, предупреждённые о Выбросе, отсыпались впрок или готовили снаряжение. Но те, что были... вон, у самой стойки, потягивает прозрачное Фреон, молчаливый, хмурый завсегдатай Зоны. О ходках своих он никогда не рассказывал, но доподлинно было известно, что он первый и пока единственный сталкер, которому удалось уйти от кикимор в коллекторах Агропрома. Рядом развалился на пластиковом стуле Викинг, медлительный, что плохо, и совершенно бесстрашный, что ещё хуже, но везучий прибалт, притащивший в прошлом году «ледяное пламя» из самого жерла «тихой смерти», куда, по здравому рассуждению, никто другой бы не сунулся. В уголке четвёрка строгих, по-военному подтянутых «долговцев», отдыхающих после рейда, лечатся из гранёных стаканов и негромко беседуют «за жизнь». Посматривают на Хип, улыбаются. Знали бы вы, ребята, кем она была денёк назад, наверное, так не улыбались бы. Один «долг» махнул мне рукой, узнал: Веня Карбид, из отряда, с которым я прокладывал тропу после прошлого Выброса.

— Посмотри, стажёр. Вон там лысенький такой, метр с кепкой, — я указал на оживлённо доказывающего что-то Викингу сталкера в мешковатом комбинезоне. — Это Кося, самый крутой боец Зоны. Героическая личность: дальше Свалки никогда не ходил, ползает по кучам, собирает всякую копеечную хрень. Зато снарков пачками из ПМа своего валит, не считая зомби, мне вот говорил, что контролёра грохнул не далее как месяц назад. И всем про это тряндит, были бы свободные уши. Намёк понятен?

— Понятен, — вздохнула Хип, припомнив солдатику у проходной.

— Ещё один герой, — продолжил я, указав взглядом на следующего. — В камуфляже бугай. Мордатый такой, с глубокой мудростью во взоре. Запеленговала? Это Саранча, знаменитый тем, что может сожрать трёхдневный запас для двух сталкеров за один присест. Других подвигов за ним не наблюдалось пока, а вот бросить напарника или обворовать чужой схрон у него не заржавеет. Проходили на собственной шкуре. Вот эти двое — гниль. Остальным, как ты выражаешься, «респект». Настоящие, бывалые дяди. В знакомые сама не набивайся, но если заговорят, общайся душевно, открыто, с достоинством. Много не болтай, если что сказать не хочешь, то не ври, а просто промолчи. Поймут.

— Лунь, зараза, а какого хрена ты моего парня в ученики не взял? — с обидой протянул Бивень, одноглазый и безногий сталкер, чьи ходки в Зону давно закончились, и он занимался разным старьём, мастера из негодного, бросового оборудования вполне приличные комбезы и детекторы.

— Да потому, что бестолочь он, и говнюк к тому же, — честно признался я. — Не знаю, Бивень, чего ты в нём нашёл. Мне одной ходки с ним хватило надолго. Гони ты его, дружище.

— А эта — не бестолочь? — Бивень покосился на Хип, и девушка подобралась, блеснула глазами.

— Дай Бог каждому так начинать, — я ободряюще хлопнул стажёра по плечу.

— Привет, Лунь, — прислонил два пальца к виску Фреон

— Здорово, бродяга... — Морлок покривил в улыбке глубокий шрам на пол-лица. Привет, привет, дружище... помню, как ты меня после «морилки» откачал, такое не забывается. Должок за мной.

— Шалом, сталкер. Ну, как там Зона? — Сионист приподнялся со стула и коротко кивнул.

— Шевелится, крестник, — ответил я с таким же полупоклоном.

Пожав руки ближайшим и помахав остальным, я пристроился у стойки. Барин без лишних вопросов поставил стакан и налил из запотевшей бутылки сто пятьдесят ледяной. Радиацию выводить. Эх, хорошо пошла.

— Фугас гробанулся, — сообщил он.

— Выброс? — Я сглотнул ком в горле. Предупреждал ведь дурака, чтоб не трепался, не дразнил Зону. Эх...

— Нет. Вообще не в Зоне. В ванной поскользнулся и головой об кафель. Врачи говорят, сразу.

Горечь, тяжёлая горечь в душе. Фугас, бродяга, как же ты так? Любила, может, тебя Зона, да приревновала Большая земля. Барин плеснул ещё.

— Что, знакомы были?

— Немного. Встречались пару раз. Вчера ещё его видел, пьяный из Зоны возвращался.

— Вот такая она, жизнь, — вздохнул Барин, скорбно опустив кончики пышных, пшеничного цвета усов. — Ну, если есть чего, то давай ко мне...

Хороший мужик Барин. Довелось ему и в горячих точках побывать, и посидеть тоже, кидала жизнь как хотела. Сталкерил поначалу, но что-то не срослось, бывает такое — не дано человеку, и всё тут. Но из Зоны не ушёл, стал барыгой. Хотя словечко это поганенькое к Барину ну никак не подходило: барыга мелочен, жаден, часто подл как матёрый «осьминог» и жесток, что твой кровосос. Вот и прозвали сталкеры Баринком, до этого в Казаках ходил. И подходили ему имена эти здорово: массивный, неторопливый, рассудительный, говорит веско, предупреждает один раз, а если не внял, то может и кулачищем вдарить. Усы, как у гоголевского Бульбы, шикарные, светлые, с желтизной от любимой «беломорины», насмешливый взгляд и нос картофелиной. Барина уважали все. И было за что: за хабар рассчитывался железно, без гнилых «штрафов» и «отходных», если давал в долг, то проценты были не кабальные. Артефакты, снаряжение на продажу и прочее Барин, как ни странно, считал за хобби, интересное занятие, не мешающее делу. Настоящим же призванием Барина было его любимое заведение — Бар. Именно так, с большой буквы. Начиналось всё с подвала полуразрушенной фабрики недалеко от Свалки, потом, уже при мне, в обширном, облагороженном бомбоубежище какого-то бывшего ПТУ. Теперь уже недалеко от Периметра, в научном городке Чернобыль-7 Барин три года назад открыл солидное заведение с оборудованным залом, сверкающей барной стойкой, кухней и целой анфиладой различных «подсобок», в которых принимал хабар, продавал оборудование, оружие, держал запасы. На втором этаже в трёх комнатках обитали повар и два помощника.

— Есть немного, — кивнул я. — Слушай, это ты навесил иллюминацию на входе?

— Ну. А что, не надо было? — обеспокоился Барин.

— Да не, класс, солидно получилось, красиво. Настоящий бар, как в Европе.

— А то ж... — Барину понравилось сравнение. — Где стажёра подобрал, Лунь?

Спросил, как будто и не замечал шагающую рядом Хип. Молодец, промолчала.

— У Коржино. Из «Свободы» ушла в одиночки.

— Будет толк?

— Думаю, да.

Барин остановился, посмотрел на Хип так, словно только что увидел.

— Ну, значит, прибыло в полку. Повезло тебе, девка. К Луню конкурс похлеще, чем в театральный, сам ему троих серьёзных ребяташек подсовывал, не взял, чертяка. Ежели походишь с ним годик, то уже сама сможешь учеников брать.

— Я покраснел до корней волос, — сбивающимся голосом промямлил я, опустив глаза и ковыряя пол мыском ботинка. — Не конфузьте, ваше превосходительство, перед дамой...

— Одна беда. Балабол, каких поискать, — продолжил Барин. — С другой стороны, оно тебе веселей будет.

Погромыхав связкой ключей, бармен открыл обшитую железом дверь и нашарил выключатель, осветив комнату размером с половину спортзала, после чего на пару минут забежал в каморку. Появился он уже облачённым в тяжёлый резиновый передник наподобие тех, что используются на скотобойнях и толстые перчатки до локтя.

— Ну-с, приступим, — проворчал он, подходя к столу.

За «самоцветы» Барин отвалил на две сотни больше, чем я рассчитывал, пояснив возросшим спросом на красивые камешки Зоны.

— Вот что, Лунь, тащи все, какие найдёшь, любого качества. Отрывают с руками даже «чернушки». Мода на них пошла на Большой земле. Ага, «жуткий янтарь»... так, двести пятьдесят.

Барин, даже не глядя в «прайс», держал в памяти цены на сотни разновидностей хабара, намётанным глазом определяя размер и качество. Артефакты быстро перекачывали из контейнеров в тяжёлые многослойные ящики с надписью «Объект неисследованной природы. Чрезвычайно опасно! Открывать только в боксах УЗК!». Солидные такие ящики, даже размятый «жорень» не проедает, хотя ему что бетон, что сталь как решето. Любой артефакт в НИИ поступает именно в таких коробках, даже безобидные «стальные волосы» или «стеклянные шары» — учёные никогда не брали в руки даже давно известные артефакты без того, чтоб не потыкать в них десятком приборов. Осторожность, правда, спасала не всегда: гробились «ботаники» время от времени, пытаясь расплавить или облучить какую-нибудь штуковину из Зоны, но без всей этой техники безопасности жертв было бы на порядок больше.

— Тут ещё дичь у меня имеется, — я положил на специальный лоток пакет с останками пси-собаки. Два длинных зуба проткнули полиэтилен и торчали наружу, на дне пакета собралась тёмно-красная кровь, голова скалилась сквозь мутную плёнку конденсата.

— Ох ты ж, ёштвою... материк, — бармен поцокал языком. — Давно?

— Двух часов нет.

— Шиш я такую симпатягу ботаникам отдам, — Барин извлёк голову из пакета, повертел на лотке. — Ай, красавэц... и хвост в комплекте. Шкуру бы... эх, за шкуру бы я тебе ещё штуку отвалил и не моргнул даже.

— Увы, — я картинно вздохнул. — Шкуру пришлось испортить, дабы «красавэц» не испортил оную мне. После «вязанки» трофей теряет большую часть привлекательности.

— На ореховой дощечке... вокруг «папоротников» веточки четыре под лак... на семьсот согласен? И сто за хвост.

Судя по разгоревшимся глазам Барина, я вполне мог бы стрясти с него и тысячу. Нет, не стану пользоваться моментом. С другого бы стряс, но только не с Барина.

— Вы сделали предложение, от которого я не смогу отказаться.

— Чудесно, — бармен посчитал в уме сумму за всё. — Итого штука девятьсот сорок. Налом?

— На счёт.

— Извините, — Хип помялась, потом стащила рюкзачок. — У меня тоже есть немного.

— О... — удивился Барин, уже направившийся в каморку переодеться. — Ну, выкладывай.

И Хип выложила в рядок четыре «солнечных горошины», комок «липкого сала» и «банку». Плюс булыжник с отпечатавшимся на нём ископаемым моллюском, и желвак расплавившегося в «жарке» алюминия, красивый, серебристый, очень похожий на артефакт. Обычный набор начинающего сталкера. Не считая «солнечных горошин» по двести монет за каждую, да ещё и в количестве четырёх штук. Ну, ни хрена себе...

— Зачёт, стажёр... — я прихлопнул на место отвалившуюся челюсть.

— Да? — Хип расцвела майским цветом. — А я ещё думала, стоит этот камешек брать или нет, но чтоб улитка в булыжнике...

Я молча показал на один из жёлтых, похожих на жемчужины шариков.

— Это редкая вещь, сталкер. Сразу четыре штуки мне ещё никто не приносил, — сказал за меня бармен. — А вот камень разве что в музей краеведческий годится. И алюминий тоже не артефакт.

Хип пожалала плечами, взяла алюминиевую каплю и пару раз крепко стукнула о стол. На этот раз челюсть отвалилась у Барина: слиточек расплылся ртутной каплей и пополз по столешнице, выбрасывая ложноножки и перетекая в них, как настоящая амёба.

— Не артефакт? — переспросила Хип у бармена.

— Ай, срамота, — всерьёз расстроился бармен. — Уделал меня твой стажёр, Лунь.

— Видел я такие капельки, — я в смущении потёр нос и прокашлялся. — Много раз. И никогда не брал. Во дурак...

Барин побрёл к компьютеру и долго щёлкал клавиатурой. На экране мелькали десятки фото.

— Ну, Хип, назови свою штуку, — вздохнул он, наконец.

— «Ползучее серебро» — выдала стажёр.

— Так и запишем.

Удивлялся я. Потом удивлялся Барин. Теперь, для разнообразия, приятно удивилась Хип, даже пискнула почти жалобно, когда бармен вложил ей в руку две тысячи в зелёной иностранной валюте.

— Это за «ползучее серебро».

Хип пискнула ещё раз, когда поверх двух тысяч легло ещё девятьсот.

— А это за всё остальное.

Металлическая капля доползла до края стола и опять застыла. Барин с опаской взял её двумя пальцами и очень осторожно уложил в институтский контейнер, предварительно проверив дозиметром.

— Оружие? Снаряга?

— А как же, — кивнул я.

— Ну, пошли...

В следующей подсобке Барин положил на стол несколько пластиковых коробок.

— ПМК. Детектор. Дозиметры разные. Наверное, ДСУ возьмёте?

— ДСУ — я щёлкнул ногтем по коричневому футляру. — Детектор загружен?

— Обновления слить недолго. Ну, красивая, говори, как звали раньше.

— Обязательно? — Насторожилась Хип

— Если хочешь, можешь выдумать, — пожал плечами Барин. — Но, как показывает опыт, лучше сказать настоящие ФИО. Потом проще нужные бумажки нарисовать.

— Ладно... Архипова Алёна Андреевна. Тысяча девятьсот девяносто четвёртый, второго февраля. Город Вологда, улица...

— Не обязательно, — Барин стучал по клавишам. — Где же моя черноглазая, где... мм... в Вологде где где где... так. Код твоего ПМК — 7936-24. Кому попало не говори. Вот это к нему. Ник сама придумаешь.

Рядом с ПМК появилась толстая книга с инструкциями. Я улыбнулся про себя — инструкции весили в пять раз больше самого компьютера. Барин подсоединил тонкий кабель к детектору, и тот часто мерцал синим диодом, закачивая в себя мегабайты обновлений. Затем вздохнул.

— Комбинезон класса «D», самоделка. Состояние никакое, — бармен критически осмотрел одежду Хип. — Дело ваше, конечно, но, на мой взгляд, это тряпье давно пора на швабру. Как минимум, понадобится «Кольчуга-М» или «Ксенон».

— «Ксенон» не надо, — я отрицательно покачал головой. — И дружеский совет: больше их не заказывай. Порядочная дрянь, даже плевков «осьминога» не держит. Да и «жгучий пух» проедает на раз, дыры по кулаку.

— Ясно. Дали маху «ботаники», хоть и говорили, что для сталкера лучшей одежды и не найти.

— Маху дали не ботаники, Барин. У них на складах этих «Ксенонов» девать некуда, а им всё везет и везут. Найди «Кольчугу».

Нельзя сказать, чтобы «Кольчуга» была пределом мечтаний, но из всех костюмов класса «В» она, пожалуй, годилась для Зоны лучше, чем некоторые «ашки». Несколько слоёв лёгкого нетканого материала, очень стойкого к различным пакостям вроде «летучей кислоты» или сока «смерть-ягод», и при этом прочного, как кевлар. Под ними чешуя невесомой керамической брони, которая, конечно, пулю не держала, а вот от укусов, когтей и шипов спасала довольно неплохо. Дышащая сетка к телу, пропитанная «антибаком» — её преимущество оцениваешь только тогда, когда побегаешь денек на жаре. Непромокаемый. Крепкий. Не горит. От жары, холода спасает. Износа почти нет. Что ещё для Зоны надо?

Вообще-то, надо, честно говоря. Не помешало бы улучшить защиту от радиации. Хорошо бы добавить элементов брони потолще и посolidнее из той же чудо-керамики. Заизолировать от разрядов — «электрику» в Зоне никто не отменял. А, ладно, размечтался, сталкер... то ему не так, это... ботинки с высоким берцем, удобные, прочные, с трёхслойной «неубиваемой» подошвой — это тоже «Кольчуга». Разгрузочный жилет в комплекте, отличный, кстати, жилет — она же. Накладки под рюкзак и ружейный ремень, чтоб плечи не натирало. До «Кольчуги» до этого ни один конструктор не догадался. Мне иногда казалось, что костюм разработан сталкером, не один год топтавшим Зону. В отличие от просто безобразного «Ксенона», похожего на толстый целлофановый мешок забавного апельсинового цвета с галошами.

— «Кольчуги» есть, — Барин пожевал губами. — Но все на мужиков. Не её размерчик, и это мягко сказано. Даже не знаю, чем помочь. Может, у Бивня что имеется? Теперь пойдём, стволы посмотрим.

Для Хип «Сайга» двенадцатого калибра была, конечно, тяжеловата, и я остановился на шестнадцатом. ПП в комплекте уже будет стажёру в тягость, но дополнительный ствол необходим в любом случае.

— Вот... — Барин положил на прилавок пистолет странной брусковатой формы. — Подарок от дружественных буржуйских стран. Глок.

Не внушал мне доверия внешний вид этой пушки. Какой-то лёгкий слишком, хоть и в руку лёг на удивление удобно, несерьёзный, что ли... Барин внимательно выслушал всё, что я думал об этом пистолете.

— Лучшего ствола для Зоны ты нигде не найдёшь, — очень серьёзно сказал Барин. — Двадцать патронов, надёжен, как лом. Если в новом сталкерском барахле и бывают у меня промашки, то насчёт оружия практика большая. Возьми, не пожалеешь, а если не понравится, то я тебе бесплатно его на любой другой обменяю.

— На мой счёт, — кивнул я. Барин разбирался в этих делах больше, чем кто-либо другой. Если сказал, что хороший пистолет, значит, так оно и есть. Из ножей Хип приглянулся небольшой аккуратный «Кобальт», я не стал возражать: выбор был хорошим. Вот что с костюмом делать?

Ничего подходящего не нашлось и у Бивня.

— Слушай, Лунь, — Бивень поглядел на Хип, что-то прикинул в уме. — Видел я лаборантку одну из биологического корпуса. Ростом вроде подходит, и фигура такая же.

— У них, наверное, «Ксеноны» — вздохнул я.

— Ну, спроси... долго, что ли. Они всё равно в Зону не ходят, а чтоб пробирки мыть костюм не нужен, — резонно заметил Бивень.

Я не нашёл, что возразить.

Лаборантку Машу я искал долго. Но язык, как говорится, до Саркофага доведёт, и, представляя Хип как образец роста искомой Маши, потому как других примет не имелось, я, наконец, добрёл до восьмого корпуса трёхэтажных институтских домов. Добрёл, кстати, за полночь, и поэтому получил не самый тёплый приём.

— Здравсьте. Мария...

Сонная лаборантка запахнула плотнее халат и нацепила на нос очки, чтобы рассмотреть позднего посетителя.

— ... Александровна. Вы... с ума сошли? Первый час ночи... а-хххааа... что вам надо?...

Да, не соврал Бивень. Рост соответствовал. Комплекция тоже.

— У вас есть защитный костюм?

Мария Александровна перестала зевать. Она долго смотрела на меня, часто моргая глазами. Потом решила рассердиться.

— Мужчина, вы меня подняли только за тем, чтобы задать дурацкий вопрос? Целый день как проклятая в НИИ крутишься, ни обеда, ни отдыха, радиацию эту глотаешь, а потом приходит субъект и спрашивает...

— Спрашивает простую вещь, — я сохранил на лице приятную улыбку.

— Идите вон... я устала... — дверь захлопнулась.

Я вдавил кнопку звонка и не отпускал где-то с минуту

— Послушайте... я сейчас... хам...

— Сейчас что? — Я уже начал терять терпение.

— Милицию вызову!

— Странно устроен человек, — вздохнул я. — Вместо того чтобы сказать «да» или «нет», он начинает скандалить, говорить кучу ненужных слов и даже угрожать милицией.

— Ну, есть комбинезон. Дальше что? — лаборантка сдалась. — Слушайте, оставьте меня в покое, завтра тяжёлый день...

— Да, день очень тяжёлый. Сколько дел: поболтать с подружками, испить кофею, разложить пасьянс на компьютере и потом вымыть целых десять пробирок. К вечеру с ног валишься.

Судя по растерянному выражению лица Маши, я попал в десятку. НИИ держал кучу лаборантов, якобы курсирующих в Зону за материалом, и реальной работы на всю эту ораву получалось совсем немного. И ведь не уволишь — по отчётам именно лаборанты обеспечивали НИИ объектами для исследований.

— Что за костюм? — спросил я, не давая собеседнице времени оклематься от моей осведомлённости.

— Броня какая-то...

— «Кольчуга»?

— Да, да, точно.

— Отлично. Тащите сюда.

— Зачем? — по-настоящему удивилась лаборантка.

— На стенку повесим, любоваться будем. Несите, вам она всё равно без надобности.

— Мужчина, у вас с головой всё в порядке? Вы хоть понимаете, что просите? Это дорогое институтское оборудование, выданное сотрудникам...

— Для того чтобы ходить в Зону, — продолжил я. — И если институтское оборудование не поступит в ближайшее время в распоряжение тех, кому оно действительно необходимо, то кто-то вскоре пойдёт в Зону сам. Поверьте, я могу это устроить. Ваше начальство любит отправлять на задания строптивного лаборанта, или, как оно вас называет, дармоеда, по вине которого сталкер не вышел в рейд.

Вопросов больше не возникло. Нас с Хип тут же любезно пригласили в квартиру. Длинный кофр с новенькой «Кольчугой-М» просто пылился между шкафом и стеной, и даже пломбы на нем были не тронуты. Под охи и ахи лаборантки Маши я вскрыл упаковку.

— Переодевайся, стажёр. Сам пользуюсь, и вам рекомендую.

Хип быстро переоблачилась. «Кольчуга» пришлась впору, и я невольно залюбовался ученицей. Настоящая матёрая сталкерша получилась, хоть сейчас в Зону отправляй тушканов пугать. Старый «свободовский» комбинезон я уложил в коробку и поставил её на место.

— Скажешь, что так и было. Поймут. Ругать не будут, — я вложил под картонный лист упаковки листочек с запиской «здесь был Лунь». Подставлять лаборантку всё-таки не хотелось.

Мария Александровна печально кивнула.

— Вы сталкеры, да? — вяло поинтересовалась она. — Те ненормальные, что в Зону ходят? Я так и поняла сразу...

— Да, мы именно те ненормальные, — я обернулся. — Те, благодаря которым ты получаешь хорошую зарплату на тёпленькой и непыльной работёнке. Благодаря которым Зону видишь на картинках и по телевизору. Идём, стажёр.

Ух, как же мне хотелось врезать по мышинной лаборантской мордочке за то презрение и даже брезгливость в выражениях и жестах. Потому и лишнего наговорил. Никогда не считай чужие деньги, не ругай чужую работу...

— Ну, как? — спросил я у Хип, когда мы уже вышли на улицу.

— Класс! Лунь, офигительно! — Стажёр притопнула ботинками, взмахнула руками, захрустела «репейниками» многочисленных карманов разгрузочного жилета. — Рюкзак как влитой! Удобно то как! Слушай, а я с этими кирзачами намучилась...

— Владей.

— Лунь... тут хватит за всё? — Хип выволокла из кармана свой гонорар. — Если нет, то я потом ещё...

— Отставить. Возьми себе, на карман, так сказать. Деньги за самую первую ходку стажёр тратит лично. Традиция. Дальше бюджет совместный.

— Теперь куда?

— Теперь, подруга, домой. Поспать минуток шестьсот, а потом ещё столько же, предварительно хорошенько заправившись горячей картошкой с маслом, селёдкой и луком. Мы, собственно, уже почти пришли.

Корпус номер четыре ничем не отличался от двух десятков прочих, похожих друг на друга как две капли воды, панельных трёхэтажек. Серое здание имело три этажа, три подъезда и, соответственно, тридцать шесть квартир. Четвёртый корпус неофициально назывался «сталкерским» и наполовину пустовал — кто-то не вернулся из Зоны, а кого-то, ещё и не помышляющего о сталкерской доле, ждали необжитые двухкомнатные берлоги. Казённые, в мелкий горошек, нейтральные обои, классическая ДСПшная мебель студенческой общаги, кухня с электроплитой и совмещённый санузел — обстановка тоже не отличалась разнообразием. Мой главный схрон располагался на третьем этаже. Там мне предстояло отдохнуть и подготовиться к очередному рейду.

— Располагайся, — я открыл дверь и щёлкнул выключателем, после чего сбросил рюкзак на пол и, не снимая комбеза, прошёл на балкон. Постоять минут десять, подышать никотином и посмотреть на ночной Чернобыль-7. С балкона был виден почти весь невеликий научный городок: ровные ряды домов, громадина НИИ в полукилометре, точнее, только первый корпус, физический, биологи дальше, за ним, и светлая лента Периметра с огоньками на вышках. Поблёскивает иллюминация на Баре, горит красным угольком стометровая мачта связи, тускло светят окна домов. Мирный такой, обычный городок, если не считать только что раскатившейся эхом короткой очереди «Жорда», засекли военные кого-то там, за спиралями «колючки». И дальше, за постами, бесконечные километры Зоны, десятки бывших городков и сотни брошенных деревень, Припять, леса и пустоши, болота и овраги. Не скучай, родимая. Скоро встретимся.

— Ну, Хип, извольте в ванную, — я покопался в шкафу и выдал девушке запасной спортивный костюм и нераспечатанный пакет с хлопчатобумажным бельём. — Полотенца в тумбочке, бери любое.

— А женского нет? — Хип печально осмотрела бельё.

— Не грешу, — ответил я с серьёзным выражением лица. — Завтра заглянем в местный военторг. Выбор там, конечно, невеликий, но прекрасного пола в НИИ хватает, так что найдёшь что-нибудь. Я пока составлю список предметов первой необходимости.

Комбинезон, оружие и приборы, хвала небесам, найдены, но и осталось немало того, что ещё предстояло найти. Фляжка. Спортивный костюм. Четыре смены белья. Хороший термос. Респиратор с запасом фильтров. Очки с обтюраторами. Надёжные часы с таймером, не будешь ведь каждый раз лазить за ПМК. Кружка. Нож складной. Аптечка из последней партии, лучше две. Десять перевязочных пакетов. Водка и маленькая стальная фляжка под неё, без этого в Зоне никак. Фильтр-дистиллятор для воды. Солевые таблетки. Главное, ничего не упустить — там мелочей не бывает...

Список был готов далеко не сразу. Я три раза перечитал его, что-то вычёркивая, что-то добавляя. Потом, пока Хип ещё плескалась в ванной, слил с ПМК на персоналку набранную за рейд информацию, фотографии и замеры, с которыми предстояло ещё повозиться, забивая их в начатый ещё четыре года назад капитальный труд по Зоне. Почистил и проверил оружие. Просто повалился на диване, глядя в потолок и слушая «ну, ещё секундочку, Лунь!» Про себя я решил, что в будущем в ванную буду заходить первым.

Знакомое ощущение. Так бывает, когда следующий твой шаг подминает не бурую путаницу стеблей Зоны, а живую, земную траву. Приятное головокружение, и морщинки в душе разглаживаются, исчезают острые углы неприятных мыслей. Это Хип вышла из ванной. Ну, прелесть просто. Должно быть, я сидел, буквально разомлев, как кот на солнцепёке, и неглубокомысленно улыбался. Повезло со стажёром. Красота если и не спасёт мир, то, по крайней мере, сделает его намного приятнее.

— Э, Лунь? Ты меня слышишь? — Хип вдруг рассмеялась. — Ванная свободна!

— А... да. Спасибо, Хип. И не забудь про картошку.

Сделав душ как можно горячее, так, что едва можно было терпеть, я выскребал остатки Зоны из кожных пор жёсткой мочалкой. Да, братцы, нашёл я артефакт. Не слабо так нашёл, что только он в мыслях и проскакивает, только он и светит, как солнце в просвет между тучами. Неужели втюхался сталкер? Да нет, быть того не может, глупости одни, дурь в голове. Для других, кто тебя плохо знает, ты, Лунь, крут, как вареное три часа яйцо. Но само в курсе, что не просто глупости, а иногда и откровенной дебильности в рано начавшей сидеть башке вагон и тележка. До того доходило, что по дурости едва не гробился, и иногда по той же причине спасался. По дурости пришёл в Зону, с дурацкой целью, и, как подлинный дурак, здесь и остался. И к пруду пошёл, потому что дурак. И Хип не оставил у схрона, как сделал бы любой мало-мальски умный сталкер. А теперь стоишь под душем и лыбишься неизвестно чему. Эх, Лунь, и когда только поумнееешь...

Контрастный душ, потом просто прохладный, и каждая клеточка организма словно подновляется и заряжается силой. Жаль, баньки нет. Напариться бы, а потом в снег. Да только ни баньки, ни снега в Зоне не было. Зимы я уже шесть лет не видел. Только лето, тёплое, мокрое, и осень, промозглая и тоже не сухая. Климат, в общем, воодушевляющий и на редкость приятный. Звереешь от него постепенно...

Докрасна растерев тело грубым вафельным полотенцем, я напялил спортивный костюм и пошёл на кухню. Хип в переднике помахала ложкой и симпатично улыбнулась: картофель, почищенный и вымытый в рекордные сроки, уже начинал закипать. Два разных человека: забитый, озлобленный зверёк в схроне, готовый всадить отвёртку в обидчика, превратился в миловидную хозяйственную девочку, хлопчущую на кухне.

— Богатый опыт по этой части — пояснила Хип. — Дома, считай, я одна и готовила на всех, настропалилась со временем. Где тут соль?

— Вот, — я подал солонку. — Помочь чем?

— Не, спасибо... почему лука нет, сталкер? С чем селёдку есть будем? Как я погляжу, запустил ты хозяйство, — Хип бесцеремонно вытолкала меня из кухни. — Не мешай.

Нормально. Я подчинился и побрёл к персоналке посмотреть вакантные задания НИИ на следующую неделю. Ого, сталкер, как ты котируешься у «ботаников»! Аж шестнадцать! Можно и покопаться...

«Агропром. Сопроводить группу биологов очень надо, замечена с беспилотника непонятная активность большой группы зомби, что-то строят из досок, а потом таскают внутрь кучи плоские красные эллипсоиды, похоже, биологического происхождения».

Интересно. Подумаем.

«Свалка. Установить ловушки элементарных частиц на втором терриконе».

Да вы что, ребята, это не ко мне, этим и Кося заняться может. Выслал отказ и рекомендацию обратиться в Баре к сталкеру Косе. Пусть человечек подзаработает.

«Фермы совхоза «Знамя». Провесить дорогу для техники мобильного лагеря «Позитрон». Поддержка: две группы «Долга», ещё идут Фреон и Лихо».

Ну, если там «Долг» и двое «аксакалов», то мне делать будет нечего. Прекрасно справятся. Тьфу-тьфу...

«Агропром-2. Одиночный рейд в здание школы, подвалы ПРУ. Запрос ФСБ о пропавшей группе не эвакуированных 22 11 2007 жителей села Березичи, вероятно, укрывшихся в школе. При обнаружении фото, документы, координаты. Предполагаемая группа БВП — 50–70 человек».

Я вздрогнул. Могильным холодом дохнуло от компьютерного монитора. Задание «похоронка». То, что противорадиационное убежище давно превратилось в склеп, сомнений не вызывало. Не сомневались в этом и фээсбэшники, раз запросили «мёртвые» данные. Женщины, мужчины, дети, старики... сколько уже было этих «похоронок»? Сколько групп БВП я уже нашёл? Рассыпающиеся паспорта в пакетике, и фотографии, фотографии, от которых ночью просыпаешься с воплем, а потом долго куришь на балконе. Было уже. И что толку, если полетит голова ещё одного чиновного идиота, по слабоумию не сумевшего грамотно организовать эвакуацию? Мёртвые всё равно останутся мёртвыми. Я мельком прочитал остальные задания и отправил подтверждение на два «Агропромовских» — и биологов доведу, и в школу загляну, рядом всё, думаю, учёные поймут, и бухтеть не станут. Выход я назначил через четыре дня.

«Похоронками» занимались всего два сталкера — я и Сионист. Остальные не брались за подобные задания либо по причине более чем скромного вознаграждения, либо из-за тяжёлого осадка в душе, от которого страдала и так перегруженная впечатлениями психика. Сионист недавно вернулся из ходки, и теперь недели две его точно с места не сдвинешь. Значит, пойду я. Знали, блин, к кому обратиться — отказов на «похоронки» у меня ещё не было.

— Лунь! Кушать подано. Садитесь жрать, пожалуйста, — Хип удачно симитировала интонацию Василия Алибабаевича. — Картошка остынет!

Так как лука к селёдке не имелось, Хип открыла банку сайры и достала из холодильника две бутылки светлого пива. Ужин получился скромным, но вкусным.

— Завтра затаримся патронами и займёмся вашей стрелковой подготовкой, — сообщил я, налегая на горячую, исходящую паром картошку. — За городом есть подходящее местечко, заброшенный карьер. Через четыре дня выход в Зону, и нужно хотя бы знать, в какую сторону направлять ствол.

— Но я уже стреляла...

— Да, даже попала пару раз. Начало хорошее, но этого мало.

— О-кей, — Хип положила себе добавки. — И всё-таки хочется мне узнать подробнее про...

— Да?

— Светлану эту.

Я чуть не поперхнулся. Надо же, думал, проехали давно...

— Один из ботаников. Большая умница и большая дрянь, одно, как видишь, другому не мешает.

— Дрянь, — охотно согласилась Хип. — А почему?

Я вкратце рассказал историю с прудом и ПМК, умолчав некоторые детали, позже поведал Хип, что такое сталкер, и с чем, соответственно, его едят с точки зрения «ботаников» и прочих законопослушных граждан.

— Поняла, на что подписалась? — не без иронии спросил я напоследок.

— Как всё запущено... получается, мы с тобой могли там и остаться?

— Очень даже запросто. Как, впрочем, и в любой другой ходке. Сталкеры от старости не мрут, стажёр, я, по крайней мере, ни одного не знаю.

Я задымил сигарету прямо на кухне, глядя, как Хип переваривает полученную информацию. И странно улыбается при этом, глядя в потолок и играя вилкой.

— Класс!..

— Я знал, что тебе понравится.

В следующие четыре дня Хип под моим мудрым руководством сожгла кучу патронов, пуляя по ржавым кастрюлям, пластиковым бутылкам и прочему хламу на свалке Чернобыля-7. Военные пару раз наведывались узнать, по какой причине звучит канонада с одиннадцати до двух часов дня, узнав, проникались, и даже давали дельные советы. С двух тридцати и до шести вечера стажёр слушала лекции и «врубалась в дзен» инстинктов сталкера. Насколько успешно, судить было рано — теория без практики вещь, конечно, нужная, но обычно малоэффективная. В семь мы вместе отправлялись в Бар — послушать новости, слухи и рассказы сталкеров, вернувшихся из ходок, перекинуться словечком с Бариним и что-нибудь прикупить. Я вот, например, обзавелся «Глоком» после того, как увидел «пласмаску» в действии. Пистолет был великолепен, и я даже немного стыдился незаслуженной критики в адрес ствола. ПП-2000 оставил пока Барину на хранение — в дальние ходки я решил брать с собой только «Глок». День «икс» неумолимо приближался.

И, конечно же, наступил.

Нас с Хип — неслыханное дело! — лично пригласили в биологический корпус НИИ знакомиться с учёными, которых предстояло доставить на Агропром. Их было трое.

— Зотов, Игорь Андреевич. Профессор, ксенобиолог, — представился первым пожилой учёный, невероятно похожий на книжного Айболита: очки двумя стеклянными таблеточками, седые усы вразлёт и аккуратная острая бородка. Худой, довольно высокий, у мудрых глаз лёгкие морщинки смешливого человека, стеснительная полуулыбка — он был из разряда тех людей, что располагали к себе сразу. Профессор мне понравился.

— Лунь. Просто Лунь, сталкер, — я пожал сухую, крепкую ладонь.

— Мирошенко Илья Данилович. Ассистент Игоря Андреевича, по совместительству врач и аналитик АЗ по вопросам психологии мутантов, — коренастый брюнет с намечающейся лысиной и быстрым взглядом. Плотноват он для Зоны, не замаялся бы... впрочем, пожатие руки мощное, хватка, скажем так, солидная. Ага, и уши... борец, наверное.

— Сьюзен Кимски. Доктор биологических наук, исследователь мутантных форм жизни. — Миловидная, подтянутая женщина лет тридцати с небольшим. Короткая стрижка, очки в тонкой серебристой оправе, за которыми внимательные карие глаза, и дежурная американская улыбка в тридцать два зуба. Характерный акцент подтверждал, что улыбка именно американская — НИИ был международным институтом. Американцев я недолюбливал, но Сьюзен оставляла впечатление приятного человека. Что ж, Лунь, контингент, вроде бы, неплохой.

— Так... — я осмотрел команду. — Хочу сказать вам на первый взгляд странное и несколько суеверное правило. Следовать ему или нет, решать вам, но первая рекомендация такая: в Зоне не должно быть имён, фамилий и отчеств. Доказанный, хотя и необъяснимый факт: выживаемость людей с новыми именами значительно выше.

— Кличками? — Поинтересовался профессор.

— Нет. Именами, — поправил я. — Вам бы подошло Проф.

— Не возражаю, — улыбнулся Зотов.

— Аналитик и Рэй.

— Почему луч? — удивилась Сьюзен.

— Взгляд похож. Извините, если не по нраву, но сам человек здесь имя себе не подбирает.

Сьюзен, а, точнее Рэй кивнула, сказав, что ничего не имеет против.

— Идёт, — согласился Аналитик.

— Теперь вопрос. Опыт Зоны есть?

Рэй подняла руку

— Два рейда в Тёмную Долину. На вертолёте высадили материал собрать и сразу назад. С нами был... мм... Лыхо, кажется. Он от себя на два шага не отпускал.

— Правильно делал. В таком случае, инструктаж. Первое: я не могу гарантировать на все сто процентов вашу безопасность. Зона непредсказуема и крайне опасна даже для опытных сталкеров.

Я сделал паузу, наблюдая за реакцией. Аудитория молча закивала.

— Но я постараюсь сделать так, чтобы вы все вернулись в целостности и сохранности. Для этого вам необходимо выполнять любой мой приказ, даже абсурдный. Быстро, чётко, без вопросов и обсуждений. Отлучаться, сходить со следа, говорить в голос запрещаю настрою, заниматься любой, не одобренной мною самостоятельностью тоже. Остальные указания получите по ходу пьесы. Костюмы?

— Выдали «Ксеноны», — сказал Проф, кивая в сторону трёх ящиков.

— Заменить на «Кольчуги». Оружие?

— Автоматы «сотки» 5.45 и «Гюрзы».

Я кивнул. Ладно, сгодится. Три «Калашникова» и две штурмовые «Сайги» — достойная компания стволов. Насчёт стрелковой подготовки не спрашивал — все «ботаники», не исключая лаборантов, принимались на работу, только если сдали зачёт на стрельбище.

— Пойдёт. Пули со смещённым центром тяжести, надеюсь? Если нет, то добудьте, стандартный патрон для Зоны малопригоден...

Затем я проверил вес и укладку рюкзаков, консервы, аптечки и прочее. Здесь замечаний не возникло — учёные были не кабинетными, каждый имел за плечами пару тройку экспедиций.

— Далее. В районе Агропрома иногда появляются мародёры. Может случиться так, что нам придётся стрелять в людей. На всякий случай подготовьте себя к этому. И ещё. Из коллекторов по ночам вылезают кикиморы и бюреры.

— Кикимора? — Зотов хмыкнул. — Подходящее название для псевдоживой матрицы по трупам...

— Зато подходящего боеприпаса нет, — искренне вздохнул я. Надо же, как кикимору «ботаники» обозвали... странная тварь. Издалека напоминает ходячую швабру, увешанную грязным чёрным тряпьем, головы вроде нет, если не считать за таковую бледно-серый шарик с два кулака, скрытый за паклей вылезающих волос. Носятся молча, почти бесшумно, иногда пощёлкивая костяным стуком конечностей, или крутятся юлой на одном месте. Уйти от них почти невозможно. Фреон вот ушёл, да за ночь побелел на висках...

Помимо прочего, каждый учёный тащил на себе полпуда разных приборов и реактивов. Расставаться даже с частью оборудования они отказались наотрез. Мне оставалось только вздохнуть и понадеяться на то, что вертолёт «выбросит» нас как можно ближе к Агропрому. Доставить сразу в нужную точку пилоты просто не могли: над Агропромом висели в воздухе невидимые гравитационные аномалии... как, впрочем, и над всей Зоной. Обсудив с учёными ещё несколько нюансов насчёт экипировки и правил поведения, я перенёс выход на завтра.

Не нравился мне этот рейд. Я осознал это, уже сидя за столиком Бара и глядя, как всплывают пузырьки углекислого газа в стакане с пивом. Неуверенность и странная тоска не укрылись от Хип.

— Что-то ты смурной сегодня, учитель. «Ботаники» не те попались?

Думал я уже насчёт «ботаников». Нет, с ними порядок, не чувствовал я от них подвоха: грамотные, серьёзные люди, дури вроде нет. Агропром? Средней паршивости место, если не лезть в коллекторы бывшего научного городка и не соваться в пустоши на северо-востоке. Ночью по-настоящему мерзко там, но на то она и Зона. Нет, не в Агропроме дело.

Дело было во мне. Я просто не хотел никуда идти. Забить на Зону, артефакты, НИИ и рвануть отсюда как можно дальше. Приступы тоски накануне ходки преследовали почти всех бывалых сталкеров. Называлось это «нырнуть в тину». Раньше «нырял» я эпизодически, в последнее время всё чаще. Сионист советовал делать не больше двух ходок в месяц, да куда там, уже через три дня скучал по Зоне, а перед самым выходом снова лежал в «тине», ненавидя весь белый свет. Странная штука — психика сталкера.

— Сплин. Настроения нет ни черта, — я отхлебнул пива. Гадость, да ещё и согрелось. — Барин! Налей, будь другом, «Слезы контролёра».

Барин плеснул в толстый шестигранный стакан светло-зелёной жидкости. Семьдесят градусов, полынь, жгучий перец, чайная ложка липового мёда и столько же аниса на бутылку. Адская смесь, и непривычному человеку лучше не пробовать. Зато из «тины» буквально за жабры вытаскивает.

— Что, сталкер, вся жизнь дерьмо? — усмехнулся Барин. — Завязываешь с Зоной?

— Именно, — просипел я, когда отдышался от «Слезы».

— Последняя ходка? Ну, это дело надо отметить... — и бармен накапал ещё семьдесят в ту же посуду. Понимает Барин нашего брата. Каждая ходка завсегда последняя. И знал он к тому же, что всерьёз подумывает сталкер Лунь вырваться за Кордон и пожить по-человечески. Не всю жизнь ведь Зону топтать, да бабло зарабатывать. Ещё одного стажёра найти? Не вопрос, кандидатов море, бери хоть отмычкой... ну, и Хип, естественно, со временем выучиться должна, тьфу три раза. Хип... чёрт, вытащить бы её отсюда, из этого ада. Не место ей здесь, может ведь и гробануться, Зона тут, а не парк развлечений. И случай этот поганый с Коржинским прудом, показавший, кто есть ху. Сталкер Лунь, материал расходный... к чёрту всё. Завязывать надо.

— Эй, Лунь... — начала стажёр, но Барин прихватил её за рукав и что-то прошептал на ухо. Молодец Барин. Только Хип заметно поникла и по-новому глянула на меня.

— Ништяк. Всё будет, Лунь...

Через полчаса мы пошли домой. Выспаться перед ходкой следовало впрок, тем более, что «вертушка» будет ждать нас в пять утра.

Безопасный коридор для авиации заканчивался примерно в шести километрах до первых зданий Агропрома, над старым полотном железной дороги и одинокой цистерной, до сих пор стоящей на рельсах. Вертолёт снизился почти до самой насыпи, подождал, пока мы выпрыгнем и поймаем рюкзаки, после чего свечой ушёл вверх и направился на армейскую базу.

— Ну, здравствуй, — я вдохнул воздух Зоны, коснулся заржавленного рельса. После рокота вертолётных винтов тишина казалась оглушительной, мягкой, как вата. Единственное, что в Зоне было неизменным, постоянным, так это молчание. Да, вопили иногда мутанты, бормотал зомби, разрывалась тишина выстрелами, взрывами, криком погибающих, трещали и гудели аномалии, но это было лишь иногда.

Тишина. Великое безмолвие царило здесь, не прерываемое ни шумом моторов с автострады, ни гулом перешедшего высоко в небе звуковой барьер самолёта, ни птичьими голосами. Тишина была такой глубокой, что пищало в ушах, а звуки шелеста мёртвой травы под мёртвым ветром, скрип старого дерева и далёкий утробный вопль какой-нибудь твари не нарушали безмолвие, а лишь подчёркивали его. Я взглянул на учёных. Те стояли плотной группкой, осматриваясь и что-то тихо обсуждая. Хип стоит рядом, молча разглядывая рельсы, крутые, заросшие бурьяном склоны насыпи, цистерну.

— Что видишь?

— Вроде чисто... только вагон странный.

— И что с ним?

— Какой-то новый слишком. Ржавчины нет, и колёса блестят, словно только вчера по рельсам катался. Не растёт рядом с ним ничего, хотя здесь под травой шпал не видно.

Углядела. Молодец.

— Как двигаться?

— К цистерне не подходить, сделать крюк справа, а дальше по железке, потому как насыпь высокая и «электрики» не будет. «Карусель» поверху тоже редко встречается, «молотилок» на холмах не видели ещё, и «струн», они только между холмами бывают.

— А что есть?

— «Воронки», «радуги», «жаровни», — Хип подумала. — Ещё «смерть-лыко» бывает, но его видно сразу.

— Хорошо. Ты впереди, ведёшь, мы за тобой. Эй, наука! — я махнул учёным.

Вёл стажёр профессионально, старательно кидая гайки и не забывая поглядывать на сканер. «Выворотень», который я заприметил ещё за сотню шагов, Хип определила по волнообразной траектории летящего болта.

— Стоп! — стажёр подняла руку.

— Зачёт, — кивнул я.

— Что там? — спросила Рэй, сойдя с проложенной тропы и вытягивая шею. — Аномалия?

— Скажите, Рэй, — я повернулся к учёному. — Если я вам прямо сейчас дам по башке, будет международный скандал или нет?

— За что? — Удивилась она. Я вместо устного ответа подобрал с земли кусок шлака и бросил немного правее учёного, на склон насыпи. Длинный шипящий свист и вспышка багрового света. Кусок шлака исчез с резким хлопком, а сухая трава занялась тусклым в свете дня пламенем. Рэй побелела.

— Коллега... — поморщился Проф. — Вы что вытворяете?

— Простите... сорри... нот райт... — Рэй проворно пристроилась за Аналитиком.

— Ничего себе. Слышал, конечно, но чтоб такое... — Аналитик разглядывал дымящееся пятно. — Вы не повторите бросок, Лунь? Это обязательно надо снять...

Как дети, честное слово. Я покидал в «хлоп-вспышку» камешков, она исправно их уничтожила, словно красуясь перед камерой. Топ-модель, блин...

Хип отлично провела нас до железнодорожной станции, обогнув три «жаровни» и гигантскую «карусель». Вундеркинд, одно слово. Я припомнил, что и в школах девки в отличниках ходят чаще, чем парни. Вот и здесь обучаемость на высоте, ничего не скажешь. Дальше, однако, место лидера должен занять я.

— Порядок движения следующий. Вы все стоите, иду я. Останавливаюсь, машу рукой вот так, и тогда ко мне идёт Проф. Дошёл, остановился, двигается Аналитик. Остальные стоят и смотрят местность. Потом Рей. Последняя Хип, замыкает. Секторы обзора: я вперёд и по сторонам, Проф левую сторону, Аналитик правую, Хип стережёт тыл, Рэй смотрит и слева, и справа, пока идут остальные. Оружие приготовить, держать стволами вверх. Повторите.

На станции вполне можно было устроить остановку. Аномалий поблизости почти не имелось, радиометр помалкивал, и сама станция сохранилась неплохо. Окошечки билетных касс были забраны ржавой, но ещё крепкой решёткой, возле открытой двери вокзала валялся пожелтевший окурочек «Примы», виден был зал ожидания с рядами красных пластиковых сидений и пласт обрушившейся с потолка штукатурки. Электричка, навсегда остановившаяся у засыпанного грязью и палой листвой перрона, сгорела, рыжие от огня вагоны с прогнувшимися крышами доедала коррозия, но лёгкий кислый запах застарелой гари ещё чувствовался в воздухе. Я поднялся на закопченный пешеходный мост через пути, дождался, когда подтянутся остальные, и достал ПМК. Сигнал от зонда, сброшенного беспилотным самолётом НИИ, почти не угадывался — мешали сильные помехи от «смерть-искр».

— Лунь, справа! — быстро и чётко проговорил Аналитик.

По пыльному, закопченному бетону моста ползло яркое пятно, похожее на большой солнечный зайчик. В пределах пятна исчезала грязь, копоть, трещины, чтобы снова появиться за ним, «солнечный зайчик» высвечивал несуществующие фантик от конфеты, осколок стекла от бутылки, которого не было секунду назад, и всё было ярким, кричащим: фантик блестел фольгой так, что ломило в глазах, стекло горело изумрудным светом...

— Не опасно. Это «призрак», — сказал я. — В Зоне такое бывает...

Пятно подползло ближе, и прямо в воздухе над ним соткалась фигура пожилой женщины с большой хозяйственной сумкой на колёсиках. Зыбкое изображение быстро набирало чёткость и яркость, напоминая картинку старого цветного телевизора, и я уже

видел платок на седых волосах, опущенные глаза, торопливый шаг и подскакивающие на неровностях пластмассовые колёсики сумки. Призрак прошёл мимо нас и начал постепенно растворяться, только яркое пятно сползло вниз по лестнице и долго светилося на перроне — «женщина», очевидно, ждала «поезд».

— О, чизес... — выдохнула побледневшая Рэй.

— Хм, — коротко выразил своё мнение Аналитик.

— Любопытно, — Проф снял очки и приставил к глазам бинокль. — Фокусы со временем? Пси-поле?

— Не совсем, — Аналитик посмотрел картинку на экране камеры. — Изображение осталось, так что к пси-полям это явление не относится. Предполагаю, что...

— Лунь, там люди, — прервала Аналитика Хип. — Много.

Я забрал у Профа бинокль. Зомби. Большая компания, почти толпа, словно в Припяти после Выброса. Больше половины в остатках военной формы, остальные в тряпье, в котором с трудом угадывались платья и пиджаки. Двое в неплохо сохранившихся «Кольчугах» — бывшие сталкеры. Раскачиваясь, подолгу замирая на месте, зомби выходили из складского помещения. Двадцать. Тридцать. Тридцать четыре... ещё два, точнее, две. Много, и поэтому очень странно это. Не видел я такого раньше, значит, не знаю, чего можно ожидать.

Группа зомби собралась и у самого вокзала, восемь ходячих трупов семенящей походкой показались из-за сгоревшей электрички, один из них издал громкий гнусавый крик — странно, что у него сохранились голосовые связки притом, что живот выгнил большой грязной дырой. Ему ответил визг со стороны склада и клёкот из высокого, буйно разросшегося кустарника. Один покойник выбрался из вагона прямо под нами, запрокинул в небо тощее жёлтое лицо с ямами пустых глазниц, каркнул сдавленно, показав гнилые зубы. Одежды на нём практически не осталось, кожа лохмотьями слезала с обнажившейся желтовато-серой плоти, перевитой, словно корнями, пустыми белыми жилами. В воздухе медленно разливался удушливый запах разлагающегося сыра и уксуса. В руках, на которых не хватало половины пальцев, зомби сжимал большой плоский овал цвета свежего мяса. Такие же овалы тащили другие зомби.

— Это они, — Проф деловито вставил в ноздри два ватных тампона. Рэй негромко бормотала, имитируя цветом лица свежeweыстиранную простыню.

— Гад... чизес крайст... итс хоррибэл... май гад...

Всё, перегорает Рэй, как многие учёные до неё, и если даже останется в НИИ, то в Зону уже ни ногой. Главное, чтоб не перегорела сейчас, иначе беды с ней не оберёшься, а ведь и до места ещё не добрались. Я вынул плоскую стальную фляжку со «слезой контролёра».

— Вот... глоток, и не дыши, ясно?

Рэй с уже плавающим от подступающей истерики взглядом судорожно кивнула и опрокинула фляжку. Глаза её выпучились, лицо перекошилось. Да, милочка, это тебе не мартини в баре через соломинку тянуть.

— Оу, шет... что за пойло? — Рэй с шумом вздохнула.

— Микстура для Зоны, — я забрал фляжку. — Слушай мою команду. Вниз сейчас спускаться нельзя. Оружие держите наготове, но не стреляйте — компания внизу нами пока не интересуется, хорошо будет, если интерес у них мы так и не вызовем. Не делайте резких движений, не высовывайтесь за перила, вообще не маячьте на фоне неба. Говорить вполголоса, лучше шёпотом.

Зомби внизу развивали какую-то деятельность. Они стаскивали в одну кучу обломки досок, кирпичи из обвалившегося вокзального туалета, куски шифера. Аналитик тщательно фиксировал всё на камеру, Проф не отрывался от бинокля, изредка что-то записывал в ПМК, Рэй просто сидела, обхватив голову руками и стараясь дышать через рот.

— Нам необходимо достать одну из этих штук, — Зотов проследил за очередным зомби, прячущим странный красный овал под листом шифера.

— Не думаю, что это хорошая идея, — заметила Хип. — Я только что видела, как мертвяк затоптал псевдозмея рядом с кучей. Они, похоже, её охраняют.

— Это странно, — сказал Аналитик. — Зомби, особенно на такой стадии распада как эти, не способны на какую-либо организованную деятельность.

— Плохо вы их знаете, — не удержался я от замечания. — Под Припятью я лично видел десяток скелетированных трупов, устроивших полноценную загонную охоту за раненой плотью. Я уверен, что они общались между собой.

— Может, контролёр? — предположил Проф.

— Нет. Впрочем, не знаю, но ощущения контролёра не было, — признался я.

От группы зомби отделился один, точнее, одна бывшая женщина в остатках синего пальто. Левая половина тела её, по видимому, была мумифицирована и не гнулась — зомби подволакивал ногу, левая рука торчала в сторону и описывала широкие восьмёрки при каждом спотыкающемся шаге. В правой руке труп тащил всё тот же плоский овал.

— К нам идёт, — Аналитик снял автомат с предохранителя.

— Не стрелять без команды, — приказал я.

— Некроорганизм в стадии третичного распада, — Проф внимательно следил за движениями мертвеца. — Они совершенно точно не живые в биологическом понимании этого слова. И, тем не менее, двигаются, питаются, по всей видимости, наличествует обмен веществ. Закономерный вопрос — как?

— Вы же наверняка поймали парочку, — покосилась на Профа Хип. — Неужели со всеми микроскопами и прочими своими фазотронами не изучили?

— Поймали, и не парочку, — вздохнул Проф. — Трупы. Нет кровообращения, сероводород в тканях, частичная мумификация, жировоск вместо подкожной клетчатки, сильный автолиз внутренних органов. При этом частичная или полная остановка гниения, консервация соединительной и мышечной ткани...

— И зрение при отсутствии глаз плюс рефлекс при полном распаде нервной системы, — добавил с каким-то ехидством Аналитик. — А у двух экземпляров даже зачаточное сознание. Это, Проф, будет посильнее вашей «консервации»...

Профессор болезненно поморщился, словно от зубной боли. Взгляд его стал совершенно несчастным

— Коллега, мне непонятно ваше... гм... злорадство по этому поводу. Вы словно празднуете каждую неудачу в исследованиях, зубоскалите всякий раз, когда наука терпит фиаско. Поведение, достойное полуграмотного обывателя, но никак не учёного.

— Профессор, с появлением Зоны мне пока только это и остаётся, — сказал Аналитик.

— Она уже на лестнице, — сообщила Хип. — Что делать будем, Лунь?

— Оставайтесь здесь. Повторяю, не стрелять! — я, пригнувшись, перебежал к лестнице. Зомби покачивалась на первой площадке, глядя на меня дырами глазниц, забитых тёмной губчатой массой. Верхняя половина лица была словно сожжена кислотой, к голому черепу прилипли несколько прядок обесцветившихся волос, застывшая улыбка сухих потрескавшихся губ открывала выпадающие зубы. Рэй лучше этого не видеть.

— Иди! Иди отсюда! — Строго прикрикнул я, размахивая ружьём. — Нет еды! Больно! Больно! Уходи!

— Бол... наааа... — Шелестящий хрип из прогнившей гортани. Мертвец наклонил голову, скрипнув сухожилиями, и широко зевнул. Левая рука, чёрная, высохшая, описала полукруг, синтетическое синее пальто, задубевшее от сукровицы и почти потерявшее цвет, захрустело на сгибах.

— Да. Больно! Иди, иди давай!

Это помогало в половине случаев. Зомби далеко не всегда кидались на человека, хотя часто преследовали на почтительном расстоянии, заступали дорогу, швырялись землёй, камнями и их можно было отогнать криком или угрожающим жестом. Подействовало и на этот раз: оживший труп неохотно развернулся и потопал вниз.

— Брось! — я решил рискнуть. Нужен «ботаникам» этот овал, так что чем чёрт не шутит, может, и бросит...

Труп остановился и начал медленно поворачиваться. Голова рывком обернулась в мою сторону.

— А...аалл-гхаааа...аагх...

— Бросай! — Жёстко приказал я, подобрал кусочек бетона со ступеньки и запустил в зомби.

— А... ЫЫЫГХrrrr — рывкнул живой труп, брызнув бурой слизью изо рта.

— Кидай!

Не выпуская красный овал из правой руки, зомби наклонился и начал скрести ступеньку сухими пальцами левой. Кисть руки отломилась с коротким сухим треском.

— Уrrrrrrrr... — удивлённое ворчание, и овал падает на лестницу, а мертвец «здоровой» рукой подбирает горлышко разбитой бутылки и неловко швыряет в меня. Странное дело, любят зомби «в снежки играть», давно это свойство сталкеры подметили. Я нащупал в кармане стреляную гильзу — с прудов ещё осталась — и запустил в зомби.

— А-АRRrgх... — гильза летит обратно.

И тут Рэй завизжала. Чёрт, ну просили тебя любопытствовать, зараза, сказал ведь, сиди, не высовывайся. Рэй вопила, прижав ладони к лицу и выронив автомат, безумным взглядом уставившись на зомби, озадаченную такой звуковой атакой настолько, что та забыла на лестнице красный овал и быстро ретировалась. Аналитик, тоже молодец, заснял весь процесс на камеру, опять таки не подчинившись требованию остаться на месте. Он же и вклеил Рэй пощёчину, не отрываясь от процесса съёмки. Будь я неладен, если ещё хоть раз возьму с собой «ботаников»...

В несколько ёмких нецензурных фраз выразив всё, что я думал о поведении учёных, я с понятной тревогой посмотрел на компанию зомби внизу. Фу, пронесло вроде...

— Ещё один подобный фортель, и я вызываю вертолёт, — рыкнул я Рэй и Аналитику. — Или вы подчиняетесь приказам... да, именно приказам, а не просьбам, или мы просто дышим здесь всей группой. Это ясно?

Аналитик покосился и буркнул что-то, но согласно кивнул головой. Рэй просто смотрела в одну точку, закусив кулак и покачиваясь.

— Не слышу!

— Да, мы поняли.

— Нам оставили подарок, — продолжил я. — Давайте контейнер под него... руками не трогать, не трясти и не изучать на месте. Пойдём, Хип, поможешь...

Новый артефакт... никогда не знаешь, чего от него ожидать. Плоский овал цвета подсохшего мяса, размером с два альбомных листа и толщиной миллиметра три. Посередине заметный круглый бугорок почти чёрного цвета, от него разбегаются тонкие тёмные прожилки... цвет бетона под ним не изменился. Не дрожит воздух. Уже хорошо. Так, фон... есть, но умеренный, не страшно. Теперь вынуть из петли на поясе телескопический щуп, поводить сначала над артефактом, потом подтолкнуть. Лёгкий, шуршит, словно картон.

— Хип, приготовь контейнер.

Девушка щёлкнула замочками плоского кейса и таким же щупом подтолкнула его к артефакту. Теперь аккуратно подцепить овал пинцетом щупа и переложить в кейс. Заккрыть. Подождать — некоторым артефактам очень не нравилось замкнутое пространство, могли долбануть или просто исчезнуть. На кейсе загорелась зелёная искорка светодиода — всё, птичка в клетке.

— «Красный цветок»? — спросила Хип.

— Нет, такое название уже есть... — я поднял маленький кейс за ручку, посмотрел сквозь окошечко — порядок, лежит внутри, цвет не изменил, не греется. — «Плоское мясо».

— Так себе, — Хип пожала плечами.

— Ничего другого в голову не приходит. Проф, держите... что у нас дальше по программе?

— Главное сделано... — Проф осторожно уложил контейнер в рюкзак. — Теперь только наблюдать. У нас есть время, Лунь?

— Часа четыре можно оставаться здесь. Ночь переждём в помещении вокзала, — я взглянул на ПМК. До темноты оставалось даже пять с половиной. — Сейчас я сбегая вниз,

поищу подходящий схрон. Хип, ты за старшего, проследишь, и, если что, сигнал на мой ПМК в режиме «аларм».

— Ясно.

Зомби внизу были настолько поглощены своим занятием, что не обращали на меня никакого внимания. Горка строительного мусора на перроне росла. Подходить к ней не стоило — дюжина трупов выстроилась вокруг неё правильным кругом, явно охраняя. Трое зомби ощерились на меня и утробно завyli, но нападать не торопились.

— Не подхожу,... не беру,... не трогаю, — чётко выговаривая каждую букву, я показал зомби раскрытые ладони. «Охранники» были ещё совсем свежие, даже глаза не ввалились, и если бы не трупные пятна и зеленоватый цвет кожи, их можно было принять за живых. А, как известно, чем свежее мертвяк, тем более склонен он понимать речь.

— Иди... идиини... ста-аа-лкер... ууумммххх... Лу-ууунь...

— Фугас? — прохрипел я. Да, точно, он, с запёкшимся лицом и свёрнутым на сторону носом.

— Лу-ууунь... — тяжело завyло существо, недавно ещё бывшее телом Фугаса, зарытого далеко за Периметром, на маленьком кладбище, где на крестах редко писали что-нибудь кроме номера. Как он сюда попал? До кладбища километров тридцать и стена с пулемётами.

— Зооо-нааа... лю-ууубит...лю-уубьёт... — шамкая одеревеневшими синими губами, тянул на одной низкой ноте бывший Фугас. — До-мааа... урууннн... ыыыгх... вернётся Фуу-гас, дааа... знаю... вижу-ууууу... д-дышать... чёрные звёзды ночью да, днём свет жёсткий, вкус кислый у света днём ярко. Больно Фугасу свет чинить, красный огонь пахнет землёй. Голодный Фугас... голод бетон внутри, белый холодный...

По мере того, как глотка зомби и залипший язык разминались от ооченения, мертвец нёс околесицу всё чётче, бессмысленные слова сплетались в безумные фразы. Я чувствовал, как мороз пробегает по спине.

— Ты думаешь чё?... Думаешь, всё, да, ат-тпрыгался Фугас? А-ааахррр... патроны... патроны забыл, дурак... тайник во! Нашёл тайник... — Из носа, пузырясь, потекла густая коричневая сукровица, пятная грязную «ковбойку» с оторванным рукавом. Я понял, что в этой клетчатой рубашке, в старых спортивных трико его и зарыли в землю, уложив в простой гроб из кое-как сбитых досок. Перегораешь, Лунь... смутное желание завязать с Зоной стало ярким, отчётливым. Всё, шабаш, хватит. Не забыть попросить Барина, чтоб, если сдохну, кремировали.

— Фугас, уходи. Уходи. Больно! — я услышал в своём голосе истерические нотки.

— Аааа больно... — зомби кивнул и побрёл к сгоревшей электричке, размахивая руками и бормоча под нос откровения гниющего мозга. И вдруг обернулся.

— ЗОНА ТЕБЯ ЛЮБИТ, ЛУУУУУУУУУУУУНЬ!!! — завыл мертвец, оскалившись и брызгая тёмной жижей.

Сердце ухнуло в пятки, мир вокруг поплыл и потерял цвет. Фляжка, в нагрудном кармане, полная, но вкус зелья не чувствую. Как вода...

«Ну, раз зомби сказал, тогда другое дело. Авторитетный, блин, специалист».

Не помню, как добрался до моста. Вид, наверное, был у меня тот ещё, так как Хип пискнула испуганно и подлетела, зачем-то трогая мой лоб.

— Собираемся, друзья учёные. Всё, абзольц. Аналитик, вызывай вертушку, пора до хаты, — я добил запас «слезы контролёра».

— Всё так плохо? — Проф оторвался от окуляра какого-то прибора, похожего на чёрную трубу на треноге, но тут увидел мой взгляд и без слов начал собирать разложенные на куске брезента научные штуковины. — Но ничего... успели многое, думаю, этого хватит. Главное, эллипсоид добыли...

— Зомби тебя узнал? — Аналитик удивлённо поднял брови. — Я слышал, что он...

— Помолчите, пожалуйста, — Хип дёрнула Аналитика за рукав. — Потом, ясно?

— Стажёр... ведёшь до цистерны.

— Сделаем.

В себя я пришёл уже в кабине вертолёта.

Со мной ничего не случилось. Ни через день, ни через неделю, но каждую ночь мне снились мёртвый Фугас, воющий в небо, сгоревшая электричка, визг Рэй и испуганные глаза Хип. В Зону пока не тянуло, и я сомневался, что решусь на ещё одну ходку. Девятый день я сидел у окна и наблюдал, как появляются на стекле мелкие бисеринки холодного дождя, сливаясь постепенно в крупные капли, лениво ползущие вниз. Ничего не хотелось делать, мысли исчезли, был только дождь, мерно сыплющийся с тёмно-серого неба.

Скрипнула входная дверь, Хип, сбросив жёлтый дождевик, танцующим шагом подбежала ко мне и хлопнула на подоконник большой конверт.

— Вот, сталкер. Зотов лично выписал семь тысяч баков, прямо на проходной и вручил. Много накопили «ботаники» с той ходки, вроде, разобрались даже с поведением зомби. «Плоское мясо» оказалось такой штукой, что весь НИИ на уши встал. В Баре только про тебя и говорят.

— Ага. Спёкся, мол, Лунь.

— Да не! Ништяк, не говорили такого, не парься. Барин обижается, что не заходишь. Вот, просил передать — рядом с конвертом нарисовалась бутылка с зельем. — Рэй с Аналитиком в гости хотят зайти, очень ты им понравился. Приколись, они жениться собираются. Везёт...

Хип почему-то вздохнула.

— Как там... проверили?

— Ну да, — Хип поёжилась. — Пусто, и гроб изнутри словно обожжён оказался. Слушай, хватит тебе уже зарубаться по этому поводу, забудь. Зомби болтают фигню всякую, а с Фугасом просто совпадение вышло. Плюнь и разотри. А с «мясом» этим до сих пор разобраться не могут — вроде как живое оно, и одновременно нет... короче, Проф сказал, что ровно половина мышейдохнет на нём, а половина полностью выздоравливает, даже хвосты отрезанные заново вырастают. Ну, а те, что сдохли, не гниют вообще, как резиновые становятся. Это хорошо, что мы тогда его руками не взяли, Лунь... Лунь!

— А? — я отвлёкся от созерцания дождя.

— Ты слушаешь меня вообще?

— Ну...

— Ты уже неделю тут сидишь и в окно смотришь, — тихо сказала Хип. — Может, к доктору тебе надо? Сдвинешься ты от этих мыслей, Лунь.

— Я сдвинулся в тот день, когда надумал в первую ходку пойти, — я усмехнулся. — А к врачам не надо. Это не лечится. Вот что, стажёр... нужно нам с тобой с Зоной завязывать. Чужая она для нас, Зона эта, там только мертвяки да кровососы жить могут, не для людей она.

— Как же так, Лунь? Почему? Мы больше туда не пойдём, да? И я не буду сталкером?

— Далось тебе это сталкерство, — зло оборвал я. — Что в нём хорошего? Со смертью играть каждый день краплёными картами? Козыри, девочка, в такой игре редко перепадают. И чего ради? Бабок заработать? Да провались они пропадом, грязь эта. Нервы пощекотать? Хватит, нащекотал уже по самое небалуйся! Пойми, там смерть на каждом шагу, за каждым углом, тошнит уже от неё.

— Но ты же в Зоне...

— Да, шестой год. Поверь, этого времени мне с избытком хватило, чтоб понять, что там ни хрена не Диснейленд, как ты, наверное, возомнила.

— Ты за меня боишься, да, Лунь?

Я осёкся. Чёрт, неужели это так заметно...

— Да. Боюсь. Не хочу, чтоб ты была сталкером.

— Не знаю, Лунь, — Хип пристально посмотрела мне в глаза. — Сдаётся мне, что тебя уже тянет в Зону. Как сказал Барин, сталкер — это навсегда. Для меня тоже.

— Ну, тогда ищи себе другого учителя. Сгорел Лунь, всё, кранты.

— Как скажешь, — Хип пожала плечами и едва заметно улыбнулась.

— Решение окончательное! — я стукнул ладонью по подоконнику. Всё, хватит, надоело, увольняюсь по собственному желанию, выходное пособие в бухгалтерии и запись в трудовой книжке. Я поднялся и пошёл перебрать оборудование. Что-то можно было продать Барину, что-то оставить стажёру на будущее, отговорить её, судя по всему, уже не выйдет. Сняв со стены «Сайгу», я провёл пальцами по чёрному покрытию приклада, щёлкнул затвором. Состояние отличное, только на цевье глубокая царапина от зубов прыгуна и серое пятнышко — капнуло соком «смерть-ягоды» в Тёмной Долине... невольно вспомнил, как отстреливался в Припяти сначала от группы «Монолита», а потом от королевской плоти, привлечённой грохотом выстрелов. Как вычищал оружие от жидкой коричневой тины — ввалился на болоте в трясину, и вытащила меня тогда «Сайга», точнее, ружейный ремень, наброшенный на корягу. Вздохнув, я убрал оружие в чехол и взялся за «Кольчугу». Потом долго сидел, раскладывая на столе приборы, патроны, кое-какие полезные артефакты. Потом просто сидел, глядя в стену.

А ещё через день топал в компании Хип к Агропрому. Подвалы ПРУ не были обследованы, а я, если не изменяет память, подписался на это задание. Оставлять долги перед уходом не хотелось.

Потом было две ходки в Тёмную Долину. Само собой, последние.

Потом ещё одна в Красный Лес, тяжёлая, опасная, но удачная — добыли «морозный кристалл» и две штуки «гремучего стекла».

Потом... в общем, год пролетел незаметно.

— Что-то рано вы сегодня, — Барин сосредоточенно протирал стойку. — Неужто ночью возвращались?

— Пересидели в схроне, — я сбросил рюкзак и взобрался на вращающийся табурет. — Приёмка товара работает?

— Круглосуточно. — Бармен поставил на стол два стакана: «отвёртка» со свежим апельсиновым соком для Хип и сто пятьдесят чистой для меня. — Это за счёт заведения.

— Праздник? — я глотнул спиртного, жалея, что у этих куцых табуреточек нет спинки — откинуться бы, да расслабленно так вздохнуть, потягивая напиток. Нет, не нравятся мне эти табуретки, смех один. Седлушка в две ладони, и крутится, сатана, в разные стороны, и чтоб взобраться на неё, определённая сноровка нужна.

— Да, Лунь, хорошо тебе тогда мозги отшибло, — Барин покачал головой.

— День рождения у тебя, сталкер, — усмехнулась Хип. — Паспорт иногда почитывай, интересная книжка.

— Зотов вчера заходил, записку тебе оставил, — Барин положил на стойку вчетверо сложенный листок бумаги. — Просил передать, что деньги Дохода отправлены. Но там мало что-то, тыщи две всего.

— Да, не густо... — я положил листок в карман. — Новости есть?

— Бог милостив, нет, — бармен вторично наполнил мой стакан. — Все, тьфу три раза, живы. Комиссия какая-то через день в военную часть приезжает, так что там пока не крутись. Кося намерен со Свалки «щётку» припёр, я сам удивился. Двое новичков прибыло, их «Долг» завербовал. Да, ещё одна группа «зелени» на Агропром ломанулась, всё надеются второй шмат «мяса» достать. Слышал я, премия за год до десяти кусков в импортной валюте поднялась. Толку-то...

— Знал бы, что такой дефицит, я бы у зомби ещё парочку выцыганил, да придержал до поры, — вздохнул я. — Завались «мяса» там было, вопрос, куда потом делось и где зомби его доставали.

— Спроси ещё, зачем, — Барин хмыкнул. — Но слухи гуляют разные. Лихо сказал, что после зомбовских стройотрядов на Агропроме кикимор стало — хоть локтями распахивай.

Ночью теперь там нельзя, и в подвалы лучше вообще не соваться. Вымер Агропром начисто, ни собак, ни кабанов, даже бюеры исчезли, одни кости валяются.

— Интересно, откуда у Лихо такая информация? Если он кикимор встретил, то как от них смотался?

— Говорит, днём видел. В институт зашёл, а они под лестницей стоят, дёргаются. Ну, Лихо со второго этажа окно вынес и стрелача, пока не стемнело. Давно, говорит, так не бегал, даже рюкзак бросил. Хрен его знает, трепач он известный, я и не поверил поначалу. После него Гопстоп к коллекторам лазил, но вниз не спускался, вдоль забора шуровал. Намыл хабара немного и на Росток подался. Тоже бает, что живности никакой не встретил, хотя раньше мутантов там было хоть ж... — Барин покосился на Хип. — Короче, хоть одним местом ешь. Этим же местом чую, Лунь, что гробанутся там зелёные. Как есть, гробанутся. Дебилы, блин. Ну, давайте, что принесли.

— Я справлюсь, — Хип забрала у меня контейнеры и улыбнулась. — Топай домой, Лунь. Я подарок тебе пока приготавливаю на день рождения.

Хип неожиданно прижалась ко мне всем телом, потом долго держала руку.

— Ну, давай, иди, а то сюрприза не будет. Но всё будет классно, Лунь, обещаю. Всё, как ты хотел.

Должны были насторожить меня эти слова.

Хип не вернулась к обеду. К двум часам пополудни я уже начал немного беспокоиться: Хип не имела привычки засиживаться в Баре, а магазинов на весь городок было всего два, и вряд ли она столько времени выбирала подарок. К половине четвёртого я не выдержал и пошёл в Бар.

— Ушла почти сразу, как сдала хабар, — Барин пожал плечами. — С каким-то «ботаником», он её тут дожидался.

Нехорошее ощущение усилилось. Подарок, значит?

— Да, закупила патронов к «Сайге», консервов, фильтров. Опять собираетесь куда?

— Нет, — выдохнул я. Ёкарный бабай, что же ты, Хип, вытворяешь. Оставалась слабая надежда, что я ошибаюсь. Нет, не может этого быть, не должно так, нет...

Не помня себя, я рванул к пропускнику.

— Слышь, боец, выходил сегодня кто в Зону? — атаковал я сходу срочника, скучающего у гермодвери.

— Ну, было двое. Сталкеры.

— Девка была?

— Не. Мужики. — Солдат кивнул на дверь.

— Будет девка — не пускай, — я облегчённо выдохнул. Не ушла. Чёрт, не ушла... ф-фууу...

Запоздало вспомнил про ПМК, нащёлкал номер Хип. Дурачина, надо было сразу так сделать, а то развёл панику. «Жжжк...жжжк...жжжк» — в широком боковом кармане «Кольчуги». Что за фигня? Почему?

Потом я долго, не понимая, смотрел на два ПМК. Один свой, другой Хип.

— Ещё вертушка ушла в Зону часа два назад. Мне Колян говорил, что вроде сталкерша там была, ничё так, симпатичная. На Агропром подались. Спроси на базе, они в курсе должны быть.

— Бояринов?

— Чем могу быть полезен? — невысокий сутулый «ботаник» открыл дверь и подслеповато уставился на меня сквозь толстые стёкла очков. — Игорь Станиславович, кстати.

— Что же ты, Игорь Станиславович, сука, делаешь, а? Мразь ты... гнида... — слова давались мне тяжело, но ненависти, тупой, холодной ненависти, что была минуту назад, я уже не чувствовал, остались только усталость и горечь.

— П-позвольте...

— Девочка... она же просто девочка, тварь ты, мясник очкастый, зачем ты её ТУДА отправил, а? Сердце есть у тебя, паскуда?

— Так я ведь... п-позвольте...

— Что тебе позволить, упырь? Чтоб ты дальше людской кровью диссертации свои кропал? — я ухватил «ботаника» за ворот.

— А кто тебя заставлял её в Зону таскать? — Тихо, но твёрдо спросил физик Бояринов, отведя взгляд в сторону. — Не для того ли ты готовил её, сталкер? Ты ведь не только своей шкурой рисковал, ты и девочку эту к смерти в гости водил. Так кто из нас упырь, сталкер Лунь? Ты, уголовник, довёл её до жизни такой, а теперь пришёл и начал истерику разводить. Наигрался в Зону, денег заработал, и свалить решил, знаю я, зачем «стажёров» берут...

Я разжал пальцы, выпустив свитер учёного. Он поправил воротник и даже не с презрением, а с каким-то интересом посмотрел на меня, как смотрят обычно на мелкого уродца Зоны, выкинувшего какой-нибудь любопытный номер.

— По крайней мере, я отправил её на Агропром знакомым ей маршрутом, — добавил он. — Не я, так кто-нибудь другой... в Припять, например. Или к Янтарию. До свидания, сталкер.

Дома я рассовал по карманам патроны, наскоро собрал рюкзак, да так и оставил его на полу. Что толку? До Агропрома всего тридцать километров, пустяк, вроде бы, но в Зоне прямых дорог не бывает, между мной и Хип Криволесье и Коржинские поля, там никто не выживет, нельзя там выжить, а в обход идти неделю. От осознания собственного бессилия захотелось выть, но я сдержался, только до крови рассадил кулак о стену. Откуда она узнала? «Всё будет, Лунь» — вспомнил. Вспомнил, как сидел в «тине» и лакал спиртное, а Барин что-то шептал на ухо моему стажёру. Вот спасибо, благодетель, едрёнать, кто тебя за язык тянул...

Бояринов отправил её на Агропром. Знакомым маршрутом, зараза, отправил, добряк, чума на него. Там же кикиморы каждую ночь, там же «тихая смерть» на западе и «злой морок» в зданиях старого института, а в бывшей лесополосе за радиоактивными холмами «мертвоцвет» переливается, гадина... Хип, зачем ты так?...

А ведь прав «ботаник». Скотина я, только о себе всегда думал, под себя грёб, и не доходило до меня, что в каждой ходке, каждой вылазке в Зону не я один жизнью своей никчёмной рисковал. Рядом всегда она, Хип, а вокруг «жарки», «выворотни», «статикки», кровососы, «мясорубки», цезий, мутанты и прочая дрянь... сколько раз могли гробануться? Десять? Двадцать? И зачем? Приручил, гадёныш, девчонку, куклу нашёл себе, дурак, игрался в сталкеров, в Зону её таскал. А ведь живая она, живая, и жить ей надо долго, хорошо жить, без этой гадости, подальше от смерти. Надо было сразу её от Зоны оградить, дурак ты безмозглый, в первый же день переговорить с Бариним и отправить за Периметр, денег дать или здесь, в городке пристроить. Я вспомнил, как два года назад наткнулся на кровососов в подвале припятской многоэтажки. Три крошечных детёныша и самка, а в магазине «Сайги» пять зарядов вязаной картечи. Мать замерла в пяти шагах от меня, но не нападала, а жалобно дребезжала, вытянув четырёхпалые руки и подняв щупальца. Кошмарная тварь, способная в секунду разорвать меня вместе с «Кольчугой» на пару-тройку Луней, не отрываясь, смотрела на свой выводок и на ружьё, направленное на детёныша, а те возились и пищали в груде прелых мешков. И надо мне было сначала грохнуть мамашу, а потом раздавить каблуком черепа мелких, ещё слепых детёнышей, уничтожить всех до одного. Не смог я выстрелить, хотя понимал, прекрасно понимал, что вырастет из этих розовато-коричневых комочков, и что ждёт сталкера, повстречавшего взрослого кровососа на узкой тропинке. Стыдно потом было так, что никому в этом слюнтяйстве до сих пор не признался. Не головой ты думаешь, сталкер Лунь, а каким-то совершенно другим местом. Из этого же бездумного слюнтяйства и девчонку загубил. Ещё на что-то надеешься, что выйдет, что справится... какая может быть надежда? Нет надежды за Периметром, а в Зоне и подавно, а всё равно надеешься, дурак...

А ведь дала мне судьба подарок, редкий, драгоценный дар. Был ты всю жизнь одинок, и никому на фиг не нужен, разве что «ботаникам» в качестве живого робота в Зону ходить.

Хип вот встретил, одна была радость в жизни, один просвет в бесконечных тучах, в дерьме этом, в Зоне. Она тебе верила, Лунь, согревала постель ночами, старалась сделать так, чтоб тебе хорошо было, из «тины» вытаскивала, о себе не думала... а ты? Много ты ей добрых слов сказал? Часто спрашивал, хорошо ли ей, что у неё в душе делается?

Горчайший ком задавил горло. Ну почему вот так всегда, задним умом понимаешь, что надо было сделать, чтоб не допустить беды, чтоб не потерять то, что раньше не умел ценить?

На компьютере просмотрел задания. На Агропром были, но только через неделю. Набрал адрес Снопа, но тот оказался заблокирован. Никак мне до Хип не добраться. Разве что... да, говорил Барин о группе новичков, точно, говорил. Можно выйти на связь через него, а там за деньгами я не постою, только нашли бы, и постарались вернуть.

— Это, Лунь... короче, гробанулись они ещё на подходах, — Барин пощёлкал клавиатурой, вздохнул. — Через ПМК детекторы передали, что влетела вся «зелень» в «давилку». Ума не приложу, как это вообще возможно — аномалия заметная, яркая. Головой они там, что ли, повредились?

— Слушай, Барин, а сколько стоит вертолёт в Зону отправить?

Барин посмотрел на меня со странным выражением.

— Ты что, сталкер? Забудь даже думать... в другое время, может быть, и попробовал бы договориться, и то с сомнительным успехом. Сейчас это вообще дохлый номер — инспекции понаехали, чума на них. И не хорони ты её, понял? Она год с тобой ходила, Лунь, чему-нибудь, да научилась, а насчёт Агропрома брешут, наверное, успокойся ты.

Держаться я уже не мог, и, попрощавшись с Бариним, вышел на улицу. С неба сыпал обложной дождь, и хотелось думать, что это дождевая вода течёт по лицу, только вода. Сталкеры не плачут.

Хип не вернулась на следующий день. Не вернулась она и на вторые сутки. И на третьи. Вертолёт, который должен был забрать её у той самой приметной цистерны, взял одни только самописцы и напрасно прождал Хип несколько часов. Пилоты, сволочи, наотрез отказались принять меня на борт без разрешения «ботаников». К исходу четвёртого дня я надрался в Баре и что-то там натворил, не помню, что именно, но ссадины на костяшках пальцев и обширный фонарь под правым глазом, а также два сломанных стола указывали на то, что в заведении велись боевые действия. Плевать. Окружающий мир потерял цвета, словно перед Выбросом, горло давило в невидимых тисках, и особенно невыносимо было возвращаться в пустую, холодную квартиру и лежать на пустой, холодной кровати, разглядывая одну и ту же трещинку в побелке.

Зажужжал ПМК, я пролистал сообщение. «Привет, сталкер. Слышал я, что случилось. Вертолёт к Янтарию направляется через пару часов, по пути выкинет тебя на Агропроме, я договорился. Поспеш, ждать не будут. Проф». Спасибо, профессор. Схватив рюкзак, я покидал в него консервы, аптечки, патроны, кинул на плечо «Сайгу» сгрёб в охапку «Кольчугу» и рванул из дома. Как же я сразу не допёр, что жива Хип, ждёт меня там, может, ранена или прячется от кикимор в старом схроне. А я сижу здесь, мерзавец, в потолок пялюсь. Бегом, бегом...

— Далеко собрался, сталкер? — Окликнул меня странно знакомый голос, когда я выбежал из подъезда и устремился к НИИ.

Я обернулся.

У крыльца стояла Хип. В обожжённой, грязной «Кольчуге», исхудавшая, бледная, с забинтованной рукой. Живая.

— С днём рождения, Лунь, — Хип протянула мне мятую файловую папку с паспортным бланком. — Подарок тебе.

— Пойдём домой, родная, — я посмотрел в небо, удивительно чистое, синее, какого давно уже не видел в Зоне, и растворился в нём от захлестнувшего душу счастья.

— Такие дела. Великий был сталкер. — Лихо опрокинул в себя стопку перцовки. — Жаль. Всё Зона, гадина, она довела.

— Девчонку жалко. Привыкла она к нему, до сих пор убивается. Сбрэндил то он всего за день до её возвращения, — добавил Фреон. — Отчего так, дружище, настоящие люди страдают, а всякая погань, — сталкер неприязненно покосился на Саранчу — живёт и здоровствует.

— Что врачи говорят?

— Не узнаёт никого, бормочет что-то и счастливо так улыбается, — вздохнул Лихо. — Радостно ему, глаза так и горят... всё что-то про Зону, Фугаса, земля ему пухом, а чаще с Хип разговаривает, по ночам особенно. Совсем плох.

— Я к нему в больничку заходил... фруктов там, и прочего передать, — Барин задумчиво покусал ус. — Узнал он меня, мужики.

— И чё сказал?

Барин невесело усмехнулся:

— Любит, говорит, тебя Зона, Барин. К чему бы это, а?

Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

Апокалипсис Иоанна

Звезда Полынь

Зоны больше не было.

Не было смерти. Остались только мы. Я и Хип. А там, где раньше была выжженная трава, где росли изуродованные радиацией деревья, где от воды поднимался ядовитый туман, и бродили чудовища Зоны, теперь раскинулся чудный, прекрасный сад...

Тёплый, сухой ветер блуждал в кронах стройных зелёных деревьев, сверкали быстрые, как вздох, прохладные ливни, нежное эхо отзывалось шуму падающей с неба чистой, вкусной воды. Мы любили сидеть на веранде, пережидая краткую непогоду под шиферной крышей, чтобы потом, огласив окрестности ликующим воплем, бежать к лесному озеру или, выпив настоящего на дикой мяте чая, неспешно прогуляться в тени старых аллей, послушать шёпот вековых деревьев.

Прошлое забывалось, как дурной, неприятный сон, остатки кошмара выветривались из памяти. Я уже не верил в то, что Зона существовала. Она ещё снилась мне иногда, и я боролся с ней, изгонял её из своей памяти. Зона уходила...

Но сны оставались. Они отравляли то счастье, которое я нашёл в тот день, когда Хип вернулась, когда исчезла в небе вечная хмарь и растворились в небытии серые дома, аномалии, монстры. Поэтому я был осторожен. Я сдерживал свои эмоции — крик радости, любое резкое движение и даже просто громко сказанное слово, и мир снова становился серым, невзрачным, а воздух — прогорклым. С лица Хип исчезала улыбка, и я видел её не в привычном ситцевом платье, а в сталкерском комбинезоне, и счастье в её глазах сменялось горечью и усталостью. Дом, наш чудесный маленький домик становился чужим, и вместо соснового бора и реки я видел за слепым окном бесконечное туманное болото.

— Он очнулся, доктор...

— Это временно, девочка... боюсь, всё слишком серьёзно...

Я ненавидел Доктора. Это он вызывал жуткое, бледное существо с деформированной рукой, которое вырывало, выцарапывало меня из обрётённого рая, проклятый монстр держал меня, не давая вернуться. Доктор и эта тварь всегда приходили вместе, и каждый раз кошмары становились всё более реалистичными и продолжительными. Подробными. Эти двое отбирали у меня мой радостный, солнечный мир.

Так случилось и на этот раз. Только что я лежал на густой траве лесного пригорка, жмурясь от солнечных лучей, и вот трава уже вовсе и не трава, а смятое одеяло, а вместо солнца в глаза светит маломощная лампа. Проклятье... опять...

— Убью... твари...

— Вот это лишнее, Лунь, — Доктор покачал головой. — Но определённый прогресс уже есть. Меня видишь?

Я не ответил, но Доктор удовлетворённо кивнул.

— Видит. Поговори с ним, Хип. Думается мне, вытащим мы твоего Луня.

Хип... они и тебя мучают. Какие глубокие тени под глазами, а сами глаза красные, плакала, наверно... значит, не одного меня посещают кошмары. Странно только, почему она не смотрит на белокожего, тощего монстра, сгорбившегося возле моей кровати, монстра с таким жутким, сверлящим взглядом единственного чёрного глаза.

— Прости меня, сталкер. Если бы я знала, что так всё обернётся...

— Ничего, прорвёмся, стажёр, — я криво улыбнулся. Какой реальный, осязаемый кошмар. Хип улыбнулась в ответ такой знакомой, усталой улыбкой. Я сжал ладонь девушки и закрыл глаза. Мне нужно было уснуть, чтобы проснуться уже там... но я просто уснул.

— Ты точно в курсе, куда идти? Слушай, если бы я знала, что эта твоя Зона такая гадость...

— Ага. Лучше по вокзалам шариться и на гармошке играть. Не, Хип, ты как хочешь, а я дальше пойду. Вот, вроде по карте всё правильно, холм, водонапорная... километра два осталось до базы.

Хип? Да, она... и ещё какая-то деваха. Странно. Я попытался окликнуть их, но ничего не получилось. Логично. Это ведь просто фильм... а я то дурень! Должно быть, кинооператор сейчас смеётся там, в своей камере над чудачком-зрителем, сидящим посреди Зоны и болтающим с экранными персонажами. Я обернулся. Никого. Кинотеатр в Припяти пуст и заброшен, рассыпаются гнилые сиденья, в прореху крыши смотрят звёзды, черным-черно в окошке «кинщика», там уже давно нет ничего кроме плесени и отсыревшего мебельного хлама...

— «Свобода» — это круто, Хип... — продолжала тем временем невысокая, щуплая девушка в жёлтой болоньевой куртке и такими же жёлтыми, как лимон, крашеными волосами. — Ни ментов, ни уродов всяких... воля! Никто над душой не стоит... Город-сказка, город-мечта, попадая в его сети... тата-тара-татата...

— Да. Супер. — Хип поморщилась. — Слышь, Килька, а вдруг придём, а там твоего кекса нет, и не было вообще? Во ништяк будет! Типа: «Привет, чуваки! Вы такого Колю Пегаса не знаете? Нет? Вот блин... ну, тогда ариведерчи. Пойдём мы».

— Да чё ты на измену подседа? Зануда... — экран погас, я услышал, как защёлкал кинопроектор — наверное, порвалась плёнка, но невидимая Килька продолжала: — Говорю тебе... ой, ма... мама... МАМОЧКА!!!

И страшный, истошный крик, внезапно оборвавшийся на самой высокой ноте, а потом глухой хруст и звук разрядившейся «воронки»...

Какой плохой, жуткий фильм... зачем вообще такое снимают? Дурак режиссёр, встретил бы, лично морду набил. Нельзя про такое кино снимать. Хорошо, что плёнку оборвало, не хочу смотреть, насмотрелся так, что на всю жизнь хватит. Насточертели уже эти боевики да ужастики, покажите доброе что-нибудь! Экран загорелся снова. Вот это другое дело. Здорово снято, не просто вижу, а как будто даже и чувствую героев...

Ага... Бар. Только темно очень, вроде и лампы светят, а по углам всё равно глубокие тени. Пусто, только Барин скучает у отдраенной до блеска стойки, ожидая посетителей и от нечего делать листая старый журнал в поисках кроссворда. «Мёртвое» время с шести утра где-то до половины восьмого: кто ещё дрыхнет после вчерашнего, кто в схроне сидит, ожидая поздний весенний рассвет, кто-то только собирается в Зону, и не до Бара ему...

Барин вздохнул. Заведение по причине «мёртвого» часа было ещё закрыто, но сегодня не спалось, мешало непонятное, тоскливое чувство, не скука даже, а какая-то маета, неуют, что ли... на простыню словно насыпали крошек, побаливала голова, настроение — оторви и выбрось. Помучившись до половины четвёртого и так и не заснув, Барин сварганил чашку крепчайшего кофе, плеснул в неё немного коньяка и уселся за кроссворды. Потом, не открывая Бар, врубил «иллюминацию» — авось занесёт кого на огонёк, всё не так скучно, — и начал попивать кофей. Постучатся, если свои...

Расчёт оправдался. В дверь негромко постучали, и вскоре у барной стойки усаживался на табурет Грызун, сталкер, ещё недавно числившийся в «зелёных». Молодой, но уже заросший до самых глаз редкой рыжей бородой, из которой торчали узкий нос и вечно оттопыренная верхняя губа. По этой причине собеседник Грызуна всегда мог видеть пару резцов, широких, квадратных, пожелтевших от постоянного курения и напоминающих картинку из учебника по зоологии. С именем Грызуна сталкеры определились сразу, в тот же день, как только новичок первый раз перешагнул порог Бара.

— Здорово, бездельник, — Барин закрыл журнал, кивнул в сторону «батарей» бутылок. — Будешь чего? Ах, я и забыл, что ты у нас трезвенник-язвенник.

— Не люблю я это дело... — вздохнул Грызун. — Пьянка есть добровольное упражнение в безумии. Если и выпивать, то поменьше и пореже. И только если нужда в этом есть.

— Ты б лучше курить бросил, чудик. И вообще у меня здесь не пьют, а лечатся.

— М-да... знаешь, Барин, если уж лечиться, то как у тебя насчёт перцовки? По ходу, просквозило меня конкретно. Всю ночь на кране в кабинке просидел, семь ветров, блин, и дождь этот долбаный. Заболел я, по ходу.

— Ну, ты талант, — Барин покрутил пальцем у виска. — Какого демона ты вообще туда полез? Подвала подходящего не было? А ежели Выброс? Не, Грызун, не хочу каркать, но нарвёшься ты как-нибудь в Зоне... экстремал хренов. Белкой тебя надо было назвать.

— Наверху оно безопаснее. Тварь никакая не залезет.

— Насчёт тварей это ты зря. Контролёру и лезть не надо, сам как миленький к нему спустишься, да и полтергейсты в последнее время расплодились. Лысого помнишь? Так вот, его именно на верхотуре и схарчили, тоже, небось, думал, что «наверху оно безопаснее».

Барин покачал головой, вздохнул и достал из шкафчика бутылку «особой с перцем», налил половину стакана. Грызун долго смотрел на выпивку, видимо, собираясь с силами, затем судорожно выдохнул и выпил в два больших глотка. После чего скривился и начал быстро щёлкать пальцами. Барин понял и пододвинул тарелку с маринованными огурцами.

— Ох... зар-раза...

— Привыкай, Грызун. Здесь как? Не пил — начнёшь... не курил — закуришь... в штаны не клал — будешь...

— Да ну тебя в баню, товарищ, — Грызун отдышался и жестом попросил повторить. — Шуточки у вас... лучше глянь, что я на Дикой нарыл. Такой штуки нигде больше нет, зуб даю. Артефакт.

И Грызун поставил на барную стойку стакан. Обычный советский «граненец» со странными серыми росчерками на боках и присохшей грязью на дне.

— Ты бы мне лучше пару тарелок припёр, — Барин скептически хмыкнул. — Побили недавно несколько штук, а купить руки не доходят. И что в нём такого интересного?

— Побили, говоришь? Ну, этот стаканчик уж точно не раскокают. Пятнышки видишь? Это я по нему дробью сажил. Свинец на стенках остался.

— Чем больше я с тобой общаюсь, Грызун, — Барин взял стакан, повертел в руках, — тем больше убеждаюсь, что ты раздолбай. Редкостный. Ты ствол с собой таскаешь, чтоб патроны жечь? Денег много?

— Да не... это я в порядке эксперимента. Вначале то я его ботинком вдарил, мимоходом, так, слеганца. Ну, он не разбился, я тогда об стену его. Ё-макля, целый! А с дробовика уже потом. Звенит только, и хоть бы трещинка.

— Где нашёл?

— На Дикой, говорю же... в столовке заводской бывшей. Точнее, не в самой столовой, в зал не совался, ну его на фиг, там на полу лохмотья какие-то чёрные, и воняет зверски, в общем, стрёмное местечко. Я его... это... на кухне взял. Через окно залез, мерцало там за котлами, думал, арт какой-нибудь, оказалось, просто «свет-плесень». Разрослась, зараза, что твой куст, так и сияет, а рядом стакан этот валяется. Ну... дальше знаешь.

— Интересная вещица. Сколько стоит, сказать не могу, — Барин постучал стаканом о край стойки. — Ботаникам передам, а там уж как повезёт. Может, просто десятка, а может, и десятка косарей. Не угадаешь. Завтра выясним. Да... того... не фонит он случаем?

— Чистый... только тепло от него идёт, если постучать. Даже сквозь рюкзак спину грел.

— Действительно, артефакт. Ну, ещё будешь?

— Не, хорош на сегодня. Пойду я, Барин. Совсем мне что-то хреново, — Грызун вытер тыльной стороной ладони пот со лба. — Колбасит не по-детски. Простыл, чёрт... отлежаться бы.

— Выздоровливай.

Грызун ушёл, а Барин снова взял стакан и начал его рассматривать. Хмыкнул. Вновь постучал о стойку. И вдруг отбросил инстинктивным движением, вздрогнул. Лицо на секунду скривилось в крайнем отвращении, но Барин тут же с удивлением поднял брови.

— Чего это я... странно. Странно...

И бармен начал тщательно вытирать руку полотенцем, не сводя глаз с закатившегося под столик стакана. А я слышал, как тоненько, хрустально позванивает воздух над гранёными боками, и видел, как вспыхивают на стекле почти невидимые паутинки малиновых разрядов...

До чего же паршиво... я сидел на кровати и вот уже минут пять ждал, когда же, наконец, перестанет кружиться голова. Состояние было похоже на знаменитый «вертолёт», знакомый всем, кто перебрал лишку и пытался после этого заснуть: закрываешь глаза — мутит, пялишься на потолок — он убегает куда-то в сторону, а кровать под тобой превращается в центрифугу, медленно набирающую обороты. Разница была в том, что я не пытался заснуть, а скорее, наоборот. Вот только получалось это не так быстро, как хотелось бы.

Первый раз я отрубился, как только открыл глаза — серая пелена застила свет при первой попытке занять вертикальное положение. Вторая была удачнее, но я всё равно потерял сознание, хорошо, хоть на пол не свалился. Сейчас я пробовал не вырубиться в третий раз, и на это уходили все силы. Точнее, то небольшое, что от них осталось.

Должно быть, я сейчас красавец. К зеркалу, ясное дело, подойти я пока не мог, но вид собственных рук, бледных, костлявых, с выступающими венами и трясущимися пальцами говорил о многом. Лицо на ощупь тоже было интересным — щетина, давно превратившаяся в бороду, и глубоко ввалившиеся щёки...

Мысли, вялые, густые, как патока, текли медленно и лениво. Кто я? Где я? Хорошие вопросы... мутная одурь не давала сосредоточиться ни на одном из них, и поэтому я просто осмотрелся, благо, комната закончила уже свою бешеную свистопляску.

Когда-то крашенная белой краской, но уже сильно облупившаяся дверь. Панцирная койка в углу, аккуратно заправленная, с шерстяным одеялом и плоской, «казённой» подушкой; на наволочке видна синяя, размытая после многочисленных стирок печать. Три застеклённых шкафа — два с книгами, третий занавешен изнутри белой тряпкой. Репродукция «Моны Лизы». Её мягкая, загадочная улыбка сейчас казалась ироничной: «что, сталкер, хреново?»

— Есть немного, — просипел я.

Интерьер, вроде, знакомый, где-то видел... вот и столик узнаваемый, с парой детективов в мягких цветастых обложках, плетёный, ветхий на вид стул, циновка на полу. А

вон там в прошлый раз сидела Хип, возле подслеповатого окошка. И запах знаком, болотом припахивает и ещё какой-то медициной. Больничка, похоже.

До двери я добирался как гордый лев. В смысле, на четвереньках. Занять вертикальное положение у меня не получилось — пол буквально выворачивался из-под ног, и я довольно чувствительно приложился об него после первых двух шагов. Три с половиной метра до двери превратились в марафонскую дистанцию — я окончательно обессилел и улёгся на бок. Доски пола приятно охладили кожу, в остальном же удовольствия было мало: сердце колотилось о рёбра, снова начала накатывать пелена, не хватало воздуха. Да-а... что же это со мной такое?...

— Ну, короче, случай был. Не поверишь! — Знакомый тенорок. Никак, Кося?

— Не поверю. — Согласился хриплый бас.

— Да погоди ты. На Свалке это было...

— А у тебя всё только на Свалке и происходит. Врёшь, так уж хотя бы ври интересно.

— Да правда, ей-богу! Слепых псов видал когда-нибудь?

— Не, не видел ни разу. Вчера родился...

— Невыносимый ты человек, право слово. Дослушай сначала, а потом тринди, чего хочешь. Короче, видел я слепыша одного. Аж мурашки по коже... две головы, представляешь!

— Удивил...

— Да не, не как обычно, спереди. Это бывает. А у того вторая башка вместо хвоста, чисто сзади торчит, маленькая такая, и с глазами, блин. И ещё твякает, представляешь! Хотел я в эту тварь шмальнуть, да патрон перекосило.

— Скажи уж, промазал. Я тоже мутанта одного встретил. У него наоборот всё — две задницы. Одна снизу, как полагается, а вторая вместо головы. Чисто сверху торчит. С глазами. Твякает без перерыва.

— Да ты гонишь!

— Чего мне гнать. Вон зеркало в прихожей, погляди на него, если раньше не видел.

— Иди ты к такой-то маме. Задолбал... — Кося обиделся, умолк, и из-за двери доносились только редкие шорохи. Я с трудом приподнялся и толкнул дверь. Она была не заперта.

Так и есть. Кося. Только вместо привычного заношенного комбеза он был облачён в синие кальсоны и затрапезного вида мятую футболку. Плотная повязка-чепец скрывала обширную лысину, а там, где тайные науки предполагают наличие «третьего» глаза, на повязке темнело бурое пятно. Довершала картину рука в гипсовом лубке. Его неблагодарный слушатель был мне незнаком, хотя отдалённо напоминал Сиониста и вполне мог бы быть его братом. Горбатый носище, смуглая, словно от длительного загара кожа, хотя какой, к чёрту, в Зоне может быть загар кроме лучевого, кудрявая, угольно-чёрная борода и совершенно лысый череп. М-да, колоритный персонажец. Оба молча воззрились на то, что раньше было сталкером Лунём.

— Лунь. Бывший. Я про него рассказывал. — Вздыхнул Кося после долгого молчания. — Полюбуйся, во что человек превратился. Зомби натуральный.

— По мне, лучше сразу гикнуться, чем вот так, овощем жить, — пробасил второй. — Ну что, Доктора покличем, или уж сами до кровати донесём?

— Да ну на фиг... ещё цапнет. Вроде не буйный, а там чёрт его знает. Я, знаешь, боюсь всяких психованных. Зови Доктора.

— Не дрейфь, Кося... кусаться не буду. Гадость всякую в рот тащить не приучен, — полушёпотом произнёс я. — А ты, мил человек... помог бы овощу подняться. Несolidно как-то... на четвереньках... люди смотрят.

— Никак, очухался. Ну, ё моё! — Промычал Кося. Его сосед без разговоров подал руку.

— Куда тебя?

— На воздух... я Лунь буду.

— Зови Скифом. Ты как?

— Бывало и лучше...

Скиф кивнул и без труда выволок меня на улицу, усадил на самодельную лавку. Я закрыл глаза и просто дышал напоенным запахом болота, но всё же свежим воздухом. Дурнота медленно, но верно отступала. Психованный, значит? Поганые, видать, мои дела...

— Как чувствуете себя, Лунь?

— Пациент скорее жив, чем мёртв. — Я вяло, через силу улыбнулся Доктору. Надо же, совсем не изменился. Только что очки носить перестал, и борода чуть подлиннее стала, а так всё, как и раньше. Даже, вроде, халат тот же самый, и трубка знакомая, шикарная, фарфоровая. Зачем она Доктору, было неясно, он принципиально не курил, однако не расставался с трубкой, постоянно крутя её в пальцах или задумчиво покусывая мундштук. Халат, снежно-белый, отглаженный, неизменно чистый, под цвет совершенно седых, коротко стриженных волос. Болотный Доктор. Приходи к нему лечиться и химера, и волчица... странный он человек. И это мягко сказано.

— Вот и чудненько. — Доктор улыбнулся. — Думается мне, что кризисов уже не будет. Кроме того, я более чем уверен, что психически вы, Лунь, почти здоровы.

— Почти?...

— Именно так. Совершенно здоровых на голову хомо в подлунном мире нет, знаете ли. И вряд ли когда такие особи существовали. — Доктор описал в воздухе трубкой замысловатый вензель. — Анамнез вполне благоприятный. Прогресс наметился ещё два месяца назад.

— Спасибо.

— Не по адресу, Лунь. Психиатрия — не мой конёк. Тебя Пенка вылечила, ее и благодари.

— Спасибо и за то, что правду не говорите. Не лечится такое, Доктор.

— Слушайте, Лунь, — Доктор взглянул мне прямо в глаза, а взгляд у него тот ещё, это видеть надо, до костей пробирает, — я вам когда-нибудь врал? Нет? Зато вы вот умнее меня в этом вопросе, так ведь получается? Книжек поменьше читайте медицинских, ибо без соответствующего образования они вам только во вред. Все болезни у себя найдёте, и в самом деле сляжете. Но... кое в чём вы правы, да... не лечится. За Периметром. А Зона, братец ты мой, не только калечит. Она и лечить умеет иногда.

— Хип...

— Да. Девочка эта... хм. Впечатлён, сталкер. Чем же вы её так покорили? Дневала и ночевала возле койки вашей. Кабы не она, так и сгнил бы Лунь в какой-нибудь психушке, а то и в канаве, что в этой стране более вероятно. На себе по болотам вас тащила. Сионисту спасибо, пособил, иначе б не справилась. Спит она сейчас, не тревожьте её пока. Да и вам поспать не мешало бы. Сон и хорошее обильное питание — вот и всё, что вам сейчас нужно. Ну, может, Пеночка вас ещё пару раз понаблюдает, на всякий случай.

— Монстр... с белой кожей. Помню. Кажется...

— И это говорит сталкер, который пожалел выводок кровососов в Припяти. И который не стал стрелять в раненого излома, а вместо этого оставил ему полбатона хлеба, кусок колбасы и перевязочные пакеты. Вас ли я слышу, уважаемый? Монстр... словечко-то какое. — Ох уж, этот взгляд Доктора. Не случайно многие сталкеры не считают его за человека.

— Слухами земля полнится. — С улыбкой ответил Доктор на мой ещё не высказанный вопрос, мягко хлопнул меня по плечу и ушёл в дом. Отвалившуюся челюсть я вернул на место только через пару минут. Откуда он знает?!

Ходка была не очень удачной. Да чего уж там, вообще никакой была эта ходка. Ни одного, даже самого захудалого артефакта не нашлось за целых три дня блуждания по Тёмной Долине. И Выброс вроде был, и места хорошие, «грибные» места, хабар пусть и не мешками раньше валялся, но из Долины я возвращался всегда с уловом. Не в этот раз, правда. Голяк полный...а если уж не везёт, так не везёт во всём: я сидел в подвале

разрушенного здания и ждал, пока рассосётся на лестнице блуждающий «трамплин». Когда он успел там появиться, как я прощёлкал первые признаки зарождающейся аномалии, просто ума не приложу. Нет, не прощёлкал. Не было этих признаков, ни одного! Пылищи здесь море, а она лучше всякого детектора на «трамплин» реагирует: за час-полтора до «рождения» начинается эта самая пыль разные фокусы выделявать. Может потечь, как вода, ручейками такими серыми, может вверх постреливать крошечными фонтанчиками, как будто лупит по ней невидимый ливень. Это ещё не страшно, можно и пройти по этому месту, почувствуешь только, как в подошву постукивают бессильные пока ещё гравитационные удары. А вот когда зашумит над будущей аномалией, ухнет тяжко воздух, и пыль взлетит клубами — всё, не ходи дальше, сталкер. Костей не соберёшь...

— Скотобаза ты, — с чувством сказал я «трамплину». — Нехороший человек. Редиска.

«Редиска» разлеглась во всю ширину лестничной площадки, выпустив длинный «язык» на саму лестницу, и, больше чем уверен, расположившись ещё и за дверным проёмом. Вот он, прямоугольник серого неба, пять шагов до него, переплюнуть можно, однако же, выход сейчас так же далеко, как и просвечивающая сквозь облачную пелену молодая луна. Обширный «трамплин», и не сказать, чтобы очень мощный, но чтоб по стенкам меня, грешного, расплескать силёнок у него хватит с избытком. Одна надежда, что рассосётся аномалия через энное количество часов, уж больно ретиво с пылью играет, дверь вон в труху перетёрла и даже кафель с пола повывергала. Постоянный «трамплин» так не делает, лежит себе спокойненько, только воздух над ним волнуется, да ещё, пожалуй, изредка может камешком пухнуть. О том, что энное количество часов может быть от трёх и до... ммм... сколько в месяце их, часов-то?... я старался не думать. Как, впрочем, и о том, что временный «трамплин» имеет неприятную привычку сползать пониже. К примеру, в подвал.

Я провёл ревизию запасов. Патроны все на месте, ни одного не сжёг. Тушёнки три банки. Два сублимированных батона в вакуумной упаковке. Колбаса — полкило варёной стерилизованной, тоже в вакууме, но употребить её всё-таки надо пораньше, и «Московская» с. к., грамм четыреста. С этой ничего не сделается, сухая до звона и прокопчена как следует. Сгущёнка, одна жестянка и три тубы. Полезнейшая вещь в Зоне, если подумать — энергетическая ценность такая, что лучше и не придумаешь, после нагрузок самое то, как и шоколад. Барин, помнится, посмеивался, «сластёной» называл, однако же, вскоре начал коробками заказывать «горький чёрный» и «молочный с орехами» — с моей лёгкой руки популярность этого продукта росла постоянно, и всё больше сталкеров в дальние ходки стали брать с собой пару-тройку плиток. С продуктами не ажур, но и не полный капец. Здесь беды не будет. Что с водой? Эх-х, за-ра-за...

Литра полтора всего. Дистиллятор с собой, да хрена ли в нём толку в этом подвале. Слышал я, хотя и не пробовал, что вроде можно пить то, что обычно за кустом выливают, но только первые два раза, дальше пойдёт чистая отравка. Ещё пару раз можно это дело через дистиллятор прогнать, прежде чем фильтры убьёшь. А дальше? Ладно, будем надеяться на лучшее.

Снаружи, совсем рядом, сухо и хлётко раскатилась автоматная очередь. По звуку выстрелов я узнал АКСУ. Стараясь не подшуметь, я быстро перебрался в угол подвала, так, чтоб меня не было видно с улицы. Мародёры в Тёмной Долине были обычным делом — шакальё часто устраивало засады на «чистых» тропинках, да и свой «брат» сталкер, неотягощённый совестью, вполне мог выстрелить в проходящего мимо одиночку или «ботаника». Может даже, и хорошо, что образовался «трамплин» на лестнице — расклады, получающиеся при встрече с мародёрами, всегда бывали гнилыми. При плохом раскладе ты запросто мог словить пулю — без комментариев. Или же твою пулю ловил вражина, а стрелять в человека, хотя бы даже урод, это, ребята, действительно страшное дело. Говорят, привычка нужна, да только стрелял я, и не раз, а вот привычки так и не заимел.

Через минут пять снова раздались выстрелы, короткая очередь, затем отчаянный вопль «Ах мать твою...» и звук, как будто об пол шмякнули кило маргарина. Глухой стон, шорох и затихающее бормотание. «хххшшшшшззззуУУУФ!» — подал голос «трамплин». Неужели сдох? Ну, точно — по лестнице с задорным цоканьем поскакала мелкая, ещё не

сформировавшаяся «медуза». Я подождал ещё минут двадцать, затем, пригнувшись, выбежал из подвала и спрятался в густом кустарнике. Осмотрелся.

Возле поваленного бетонного забора ярко выделялось большое оранжевое пятно. На асфальте застывали два длинных красных ручейка. Рядом распотрошённый рюкзак и ремень с контейнерами и пустой кобурой для «Макара». Ножом срезан, наискось, чтоб с пряжкой не возиться, она у «ботаников» мудрёная, с особым зажимом...эх, бедолага...

Второй труп лежал чуть дальше, у рассыпающейся подстанции. Именно труп — живой человек под таким углом вывернуть голову не может. Не говоря уже о том, что голова эта была буквально продавлена страшным ударом в лоб, таким ударом, что выскочили из орбит глаза, а на дорожке подсыхали жирно-блестящие, жёлтые шматки и кровавые брызги. АКСУ валялся рядом. О мёртвых плохо не говорят, но тварью ты был, парень. Поделом тебе. На «ботаника» руку поднял, сволочь, каким же отморозком быть надо, чтоб на такое решиться. В трансформаторной кто-то хрипел. Я подошёл ближе, держа под прицелом дверной проём. Мало ли, кто там сидит... тем более, что мародёр скончался явно не от огнестрела.

В полутьме трансформаторной будки лежал на боку излом, неловко подвернув гигантскую руку и подтянув колени к груди. На меня смотрели наполненные болью и обречённостью глаза. На свободном плаще влажно поблёскивало большое чёрное пятно.

— Нне... стреля-ай, сста-алкерр, — прохрипело существо, закрыло глаза, и губы на странном, вытянутом, но всё же почти человеческом лице зашевелились. Это было невозможно, но мне вдруг почудилось, что излом м-о-л-и-л-с-я...

— Как пользоваться этим, знаешь? — Неправильно я делаю, ох, неправильно, это же мутант, тварь, чудовище Зоны, но рука уже достаёт из кармана перевязочные пакеты. Надо стрелять, а не могу... слюняй...

— Даа-аа — эхом отозвался излом.

— Вот ещё... здесь оставлю, — уже презирая себя, я положил на асфальт батон и колбасу. — Слышал, регенерация у вас после еды вроде как веселее идёт.

— Да-ааа...

Я развернулся и успел отойти на несколько шагов, прежде чем услышал, или мне это просто померещилось.

— Спасибо...

Об этом я никому не говорил. Даже Хип. Может, выболтал в бреду? Может быть... на какие же слухи намекал Доктор? Я вдруг ясно представил себе Седого из «Долга», с перекошенным от гнева лицом, почти ощутил удар под дых, и услышал яростный, захлёбывающийся шёпот: «Ты что, сука, творишь?! Дебил долбанный, кого жалеешь? Он отлежится, а потом, может, тебя же в лоскуты порвёт и твою Хип заодно... гнида... спасатель хренов. Мутантам помогаешь? Повесить тебя за это, гад, мало, ты хуже предателя, хуже мрази последней...».

— Где Лунь?!

— На улице... да успокойся ты, девка, оклемался твой сталкер, сидит вон, загорает.

В серо-зелёной молнии, выскочившей из двери, я поначалу и не признал стажёра. Хип чуть не сшибла меня с ног, благо, теперь это сделать было совсем просто.

— Лунь!!!

— Задушишь, стажёр... отставить объятия. Да, и нюни тоже. Помнишь, я тебе коробочки выдал под них? Ну, чего разревелась?

— Вернулся... ты вернулся. Мне Доктор сказал... я ждала, верила, Лунь, что ты справишься. Как же... мне... п-плохо б-б-без т-т-те...

Хип попыталась сказать что-то ещё, но голос её не слушался, и она просто уткнулась лицом мне в плечо. Я погладил её волосы, вздрагивающие плечи...

— Ну, привет, Хип. Здравствуй, родная, — и так хорошо, светло стало на душе, словно зажглось в груди маленькое солнце и разогнало тяжёлые, серые тучи.

— И они воссоединились вновь! — Гаркнул выглянувший в окно Кося, но чья-то рука, наверно, Скифа, ухватив крикуна за шиворот, пару раз хорошенько встряхнула. Кося заткнулся.

— Даже и речи быть не может, уважаемый! Пока будете жить у меня, и точка! — Доктор хлопнул по столу ладонью. — Вы посмотрите на себя, Лунь. Вас же, извиняюсь, ветром качает! Ишь, чего придумал — идти... никуда не пойдёте. Как врач я вам запрещаю!

— Но ведь я здоров. Сами сказали.

— Да. Но вы предельно истощены! Идти в таком состоянии через болото — чистое самоубийство.

Доктор пододвинул мне ещё одну тарелку.

— Извольте съесть. Овсянка, сэр. Да, и не забывайте про белковые галеты. Режим дня повешу над кроватью. Будьте добры соблюдать.

Спорить с Доктором в таких случаях было бессмысленно. Я пожал плечами и послушно принялся за вторую порцию.

— Хорошая жратва, она кого угодно на ноги поставит, — глубокомысленно изрёк Кося. — Вот, помнится, случай был с одним моим знакомым. Пожирал мужик всякую хрень, лапшу китайскую, консервы, не готовил ни...

— Слушайте... — Доктор отвлёкся от чтения, взглянул на Косю. — Вы вроде не злобный, и не вредный человек. Нет у вас, кажется, ни одной по-настоящему гадкой черты. Но от выслушивания ваших сентенций у меня возникает стойкое к вам отвращение. Будьте так добры, помолчите, пожалуйста. Спасибо.

— А чего я такого сказал-то?

Доктор вздохнул и снова принялся за изучение толстого институтского журнала.

— Хм. Любопытно. Недавно открытые свойства артефакта «стеклянный шар» доказывают теорию существования торсионных полей. Вы не находите это, гм, несколько забавным, коллега?

— Насколько я помню, — Скиф помешал чай ложечкой, не торопясь, отхлебнул, — эта теория была ошельмована официальной наукой. Многие маститые профессора заявили, что никаких торсионных полей нет и быть не может. Соответственно, учёный, исследовавший этот самый «стеклянный шар», в очень скором времени получит по голове, и чем больше доказательств приведёт, тем больше получит. Маститые, как правило, очень не любят признаваться в том, что они оказались в положении «соврамши». В следующем номере ждите статью с опровержением.

— Боюсь, что так оно и будет, — Доктор печально вздохнул. — По-видимому, у вас там такое же болото, как и в тот день, когда я покинул кафедру экспериментальной медицины.

— И очень зря вы это сделали, профессор...

— Доктор!

— Простите, Доктор. Вы бы подумали над тем, чтобы вернуться. Ваши знания, опыт, они бесценны!

— Знания и опыт шамана? Да-да, именно так меня окрестил академик Смирнов, не удивляйтесь, статья в тридцать шестом номере «Докладов», почитайте на досуге. Да и что я там буду делать, скажите на милость? Научные методы, которые годились на Большой Земле, в Зоне просто неприменимы! А в чужой, да-да, теперь уже чужой для меня монастырь со своим уставом не ходят. С лестницы спустят в самом лучшем случае! В худшем на костёр, как еретика! У меня к вам встречное предложение, Скиф. Бросайте вы эту контору к чёртовой матери. Вы неплохой учёный, и одновременно опытный сталкер. Вы, в отличие от большинства кабинетчиков, ходите в Зону без сопровождения, часто и много. Рано или поздно вы всё равно придёте к выводам, за которые вас прибудут к позорному столбу. Тем более, что вы честный человек и молчать не станете.

— Я подумаю над этим, — кивнул Скиф. — Простите, Доктор, ещё один вопрос. Пусть наивный, но... Что такое Зона? Вы приблизились к разгадке?

Доктор достал из кармана трубку, покусал мундштук. Молчал он долго.

— Боюсь, что нет, коллега. До сих пор не знаю. Чем больше я изучаю... нет, не так, узнаю Зону, тем меньше её понимаю. Это сводит с ума. Иногда мне кажется, что мы задаёмся не теми вопросами. Что такое Зона, почему Зона, откуда Зона — это всё не то, не то... разве можно одному ребёнку ответить на вопрос другого такого же ребёнка — «А почему Солнце?» «А потому что светит». Знать бы правильный вопрос, друг мой...

— Да нужно ли пытаться это делать? — не удержался я от вопроса. — Доктор, вся проблема в том, что Зона, скорее всего, непознаваема в принципе. Нужно её просто принять, и научиться с ней жить. Честно говоря, я даже рад, что не удаётся разложить Зону по таблицам и графикам, объяснить её формулами и молекулами. Представьте, что какой-нибудь учёный доказал существование души, а потом взял, и перевёл её в двоичный код на компьютере. Не знаю, как вам, а мне бы было паршиво от такого открытия.

— Ну, ты, Лунь, ваще! — Кося усмехнулся. — Ты бы в Баре такое задвинул, момент по морде схлопотал.

— Слушай, Кося, — Хип нехорошо улыбнулась. — Ты человек, скажем так, словоохотливый, общительный. Историй много знаешь. А вот про то, как ты ранение получил, мы что-то пока не слышали. Расскажи, будь ласка!

— А... кгм, — промычал Кося, поскрёб вилкой остатки макарон с тушёнкой, откашлялся. — Чего там рассказывать. На Свалке ж это... бандюки попадают. Отстреливался от них, ну, и получил пулю. Рикошетом.

— И давно это бандиты гайками стрелять научились? — Поинтересовался Доктор.

— Какими гайками? — Кося покраснел.

— Обыкновенными. На двенадцать. Шаг резьбы полтора миллиметра.

— А... ммм... да...

— Ну, наш герой застеснялся. — Голос Хип был буквально напоен ядом. — Так и быть, я расскажу. Взял сталкер себе двух «туристов». Повёл их на Свалку. И у первого же «трамплина» начал показывать, как в аномалию гайки кидать нужно. Кидал, кидал, значит, хотя в «трамплин», к сведению, предметы кидать чревато. Ну, «трамплин», не будь дурак, сталкеру его же гайкой в лоб и засветил. Сталкер — брык, и валяется. С гайкой в черепе. Туристы перепугались, подхватили раненого, чтоб, значит, до поста донести, благо, рядом. Да, видно, сильно перепугались и пострадавшего уронили по дороге. Ручку бедный сломал.

— Ну, чего ты на человека налетела? — спросил я.

— А того, Лунь, что этот, с позволения сказать, человек в Баре про тебя такие истории сочинял, что и вспоминать противно.

— Пойду я, — Кося, красный как свежесваренный рак, поспешно встал из-за стола. — Чего-то голова разболелась. Полежу.

Доктор тоже встал и медленно подошёл к окну, отдёрнул занавеску и долго, молча смотрел на болото и темнеющее на глазах небо. Похоже, надвигалась гроза — молний видно ещё не было, но характерный свинцовый оттенок сплошных туч и ветер, уже посвистывающий в тростниках и поднимающий вихры сухих болотных кочек, говорили о том, что скоро грянет... Гроза в Зоне — это нечто. Сколько я их перевидал, а всё равно поражаюсь. Одни чёточные молнии чего стоят — вот, кстати, и первая протянулась серебристо-синим пунктиром между тучами, медленно, неохотно угасла, и тут же ей навстречу выстрелила широкая, ослепительно белая полоса, разветвившаяся целой кроной боковых разрядов. Не дай бог рядом с «электрикой» такую грозу пережить — и в полусотне метров может достать «дуговая» или даже привычная «электра», мокрого места не останется.

— Интересная точка зрения на Зону, Лунь, — сказал, наконец, Доктор. — Я должен над ней хорошенько подумать. Может, действительно так — привыкнуть можно, понять — увы. Все исследования НИИ касались частных: мутанты, аномалии, артефакты, Выбросы... сотни, если уже не тысячи удивительных, важных, любопытнейших, а всё равно частных открытий. В целостную, понятную систему сложить их ну никак не выходит. Стоит выделить закономерности, подтвердить их опытом, наблюдением, и тут — бабах! — Зона шутя ломает ещё вчера такую стройную и логичную теорию. А, ладно, потом...

Доктор махнул рукой, сунул в карман трубку и снова сел к столу.

— Что-то Пенка долго не возвращается...

— Может, случилось что? — Предположил Скиф.

— С ней? В Зоне? Да вы шутите, мой друг.

— Видел я тут недавно группу «Долга». Как бы не нарвалась.

— Э, нет... я её насчёт людей предупреждал неоднократно. Почует — и на километр не подпустит. Я-то её знаю. А она почует, не сомневайтесь. Ага... ага. Так. Идёт. — Доктор достал ещё одну чашку и пакет молока из холодильника. — Понятное дело. Под дождём-то мокнуть никому не охота.

Скрипнула входная дверь, словно от ветра, и к столу неслышно, как призрак, подошло странное существо. Отдалённо оно напоминало излома. Очень отдалённо — единственное сходство с этим небезызвестным обитателем Зоны заключалось в длинной правой руке, свисавшей почти до пола. Не настолько, конечно, мощной, но куда более изящной. Впрочем, чтоб хребет сломать или башку кому продавить и такой ручки хватит. Видел я раз, как встретились излом и молодой, по всему видать, неопытный кабанчик. Молодой то он был, это да, но не подросток — двести с лишним кило в нём точно маялось. Да хоть бы и триста — большой шкаф громче падает. Взрослые кабаны зверюги, конечно, страшные, но и те от изломов держались подальше, понимали, что смертью пахнет от сутулой фигуры в длиннополом плаще. Этот не понимал. Бедняга. Должно быть, даже удивиться не успел — излом бьёт так, что не уследишь за движением. Помню я этого кабанчика. Рыло ему набок свернуло. Красиво так. Набекрень.

На этом сходство с изломом заканчивалось. Белая, как свежая извёстка, кожа. Вполне человеческое, даже странно красивое лицо — только нос и подбородок маленькие, почти миниатюрные, и глаза необычные — один очень большой, без белка и радужки, чёрный, бездонный, второй поменьше, я его в бреду и не замечал — чуть раскосый, в синеву отдаёт. Волосы — густые, прямые, цвета слежавшейся золы. Если глаза меня не обманывают, аккуратно подстрижены на уровне плеч. Над висками выступают заметные бугорки. Контролёр? Да, что-то есть...

— Здравствуйте. Доктор. Здравствуй. Хип. Здравствуй. Лунь. Привет. Скиф. Кося? Где?

— Здравсьте... — я несколько опешил. Поразительный голос — чистый, красивый, звонкий. Закрой глаза — девчонка смешливая говорит. Только фразы рубленые, одно слово как предложение.

— Привет, Пеночка. Опять за старое? — Доктор нахмурился. — Сколько говорить тебе — связывай слова вместе, не повторяйся. Например, так: «Здравствуйте все» или «добрый вечер», «Где Кося? Куда он ушёл?». И когда к столу подходишь, верхнюю одежду снимать надо.

— Конечно, Доктор. Простите, я забыла. — С некоторым напряжением произнесла Пенка и сняла плащ. Я поразился ещё больше — стройная фигурка была затянута в изношенный, но вполне ещё приличный джинсовый костюм. Уши вдруг заложило мягким, ватным шумом — так бывает, когда зеваешь с закрытым ртом.

— Пеночка! Это, в конце концов, просто невежливо! — Доктор покачал головой. — Не все ведь понимают. Изволь говорить словами, уважаемая.

— Словами трудно. — Обиженно протянула Пенка.

— Учись! — Доктор строго нахмурил брови, но я успел заметить мимолётную улыбку.

— Вот, Лунь, познакомься. Пенка. Для своих Пеночка.

— Лунь, — Как-то несолидно вякнул я. — Кгм... сталкер. Это... приятно, в общем...

Ещё бы. Одно дело, встречаешь мутанта в Зоне, где он всегда, ну, или почти всегда враг, а тут вот он, за столом сидит напротив. Молоко пьёт из большой фаянсовой кружки. Печениной заедает. Офонареть...

В ответ на моё вяканье Пенка церемонно поклонилась.

— Мне тоже очень приятно с вами познакомиться, сталкер Лунь.

— Ну вот! — Доктор потёр ладони. — Можем ведь, когда захотим!

— Я старалась.

На пару секунд опять заложило уши, а Доктор кивнул.

— Молодец! Говоришь, «жгучий пух» виноват в появлении этой штуки? Ну-ка, покажи!

Пенка, не вставая со стула, дотянулась правой рукой до замызганного и в нескольких местах прожжённого рюкзака. О том, что когда-то он был школьным, приходилось только догадываться. Из рюкзака на стол перекочевал невиданный мною раньше артефакт. Сгусток черноты с размытыми, словно дымящимися контурами завис в воздухе над столешницей. От него ощутимо тянуло холодом.

— Да. Любопытно. Ты точно уверена, что «жгучий пух»...

— Точно. В него молнией попало. Синяя зелень пустила короткие и очень горячие лучи. Этот холод оторвался от них и упал в две стороны — вверх и вниз. А синяя зелень всю молнию съела. Потому что холода уже не было в ней.

— Спасибо, Пеночка. Понять бы ещё, что ты сказала. Этот... холод. Он не опасен?

— Он не опасен. А синюю зелень я там оставила. Она очень опасная ещё три дня. Потом принесу. Ты, Лунь, хороший. Ты мне нравишься, сталкер Лунь. От тебя хорошо.

— Эй! — Хип придвинулась поближе и очень недружелюбно глянула на Пенку.

— Нет, Хип. Не так, как ты и он. Не то. Сердиться не нужно совсем.

— Хип, — Доктор улыбнулся в усы. — Она это всем говорит, кто ей приятен. И знаешь, это не часто случается. Первый раз она это мне сказала... ну, точнее, подумала, говорить она не умела тогда. Во второй раз Сионисту. Третий вот Луню.

— Доктор меня из очень плохо нашёл. — Заявила Пенка.

— Нет, Пеночка. Нужно говорить: «Доктор забрал меня из очень плохого места».

— Какого же? — Полюбопытствовал я.

— «Долг». Арена. — Обронил Доктор, и лицо его помрачнело. — Не люблю я, и не уважаю эту организацию, Лунь. «Свобода», на мой личный взгляд, куда лучше и честнее этих... да что уж там, сектантов. Вроде и цели у них благородные — защищать нас, неразумных, от Зоны, людей спасать, прочее в том же духе. Но запомни, сталкер — люди, одержимые «священной» идеей, зачастую страшнее любых мерзавцев. И вреда от них в конечном итоге получается всегда неизмеримо больше. Я ещё могу понять сталкера, вступающего в поединки с кровососом — тут всё честно, понятно. Один твёрдо намеревается покушать, другой активно не желает быть съеденным. Аналогия не очень, но пусть будут волк и кабан. Либо волчара набьёт брюхо свининой, либо окончит дни свои с пропоротой шкурой. Эти отношения складывались миллионами лет, и не нашей цивилизации с ними спорить, тем более, что в обществе людей это тоже всегда было, увы, есть, и, к моему сожалению, будет. Я не принимаю этого, но, по крайней мере, могу понять и оправдать элементарной, почти по Дарвину, борьбой за существование. Но когда из убийства устраивают зрелище, когда уничтожают всех вне зависимости от того, опасны они или нет, убивают только за то, что мутант? Увольте, уважаемый. Это мерзость и ещё раз мерзость. Я не говорю, что в «Долге» нет достойных людей, они есть, не поймите меня превратно. Но их идеология отвратительна, безобразна. Представляете, Пеночка ни на кого не хотела нападать на их мерзкой Арене. Тогда её решили облить серной кислотой. На потеху почтенной публике. Не успели, хвала небесам...

Доктор сверкнул глазами, встал и быстро прошёлся до окна и обратно. В руках у него опять была неизменная трубка.

— Вот все «Свободу» хаот почём зря. И придурки они, и отморозки, чуть ли не бандиты. А я вам вот что скажу — пропаганда могучая штука. И у «Долга» с пропагандой всё в порядке, на широкую ногу поставлено. Из молодёжи уже мало кто знает, что именно «Долг» развязал войну со «Свободой». Именно «Долг» первым напал на «Монолит», растревожил это осиное гнездо. Сидели бы они там, молились Монолиту и никого не трогали. Не лезут неверные — и хорошо. Во все то дела долговцы вмешиваются, неймётся им, понимаешь! И ведь действительно считают, что отбрасываемая ими тень длиннее и красивее, чем у остальных.

— И какой в этом смысл? — спросила Хип.

— Всё просто. Пока существуют «вражеские» группировки, у «Долга» есть власть. Вот скажите мне, Хип. Вы ведь, если не ошибаюсь, долгое время были в «Свободе»... был хоть один случай, чтобы «Свобода» сама нападала на «Долг»?

— Нет, — уверенно заявила Хип. — Наши только защищались.

— Не вспомните заодно, какие принципы исповедует «Свобода»?

— Да, конечно... живи сам и давай жить другим. Зону нужно изучать, она может принести людям много пользы. Каждый свободен в своём выборе.

— И что, Лунь, вы скажете, что это плохо?

Вопрос был риторическим и Доктор не ждал ответа. Он ещё раз быстрым шагом прошёл по комнате, встряхнул головой.

— Что-то я разошёлся на ночь глядя... вам, Лунь, отдыхать нужно, а я на вас такую гору информации. Непростительно с моей стороны так сбивать ваш режим. Спать, и немедленно!

Спать-то оно надо. Доктор плохого не посоветует. Да попробуй тут засни, когда лезут разные мысли, а Хип сидит рядом, на краешке койки, и такими глазами на тебя смотрит, что чувствуешь себя последней сволочью. Нет, взгляд её тёплый, ласковый, даже преданный, и улыбается, за руку меня держит. И от этого ещё невыносимее становится. Попробуй ты теперь, отвадь её от Зоны, выгони. Как нужные слова найти? Сталкеры от старости не умирают, ты ведь это знаешь, Лунь. И сама мысль о том, что может случиться с Хип в Зоне, резала хуже ножа. Знаем, проходили. Я всё же решился на этот разговор, хотя и не мог подобрать подходящих слов.

— Вот что, красавица. Ты уж не обижайся... но либо сама с Зоной завяжешь, либо я тебя в мешок упакую и на Большую землю отправлю. По почте, ценной бандеролью. И это не обсуждается.

Я ожидал резкой, даже взрывной реакции. Хип вместо этого чуть сильнее сжала мою ладонь и мягко улыбнулась.

— Опасная вещь Зона, так ведь, Лунь?

— Да, стажёр. Очень. — Какой странный вопрос. К чему она клонит?

— И в Зону ты меня больше непустишь?

— Нет.

— Так знай, что для меня Зона теперь там, за Периметром. Дикая, страшная, отвратительная. А здесь у меня родина, Лунь. Здесь я жить начала, в этой Зоне настоящего человека встретила, да, и полюбила его. И он меня тоже. Молчи, Лунь, не слепая, вижу всё. Неужели ты думаешь, что я теперь отсюда уйду? Никогда этого не будет. И ты не уйдёшь, сталкер, даже вместе со мной. Слышал, слово такое есть — любовь? Страшное слово, когда за ним ничего нет. Я поэтому и не верила раньше, что такая штука существует на свете, Лунь. Теперь знаю — да, существует. Это счастье. Ради этого мы живём. Здесь, в Зоне, на краю смерти, наше счастье будет острым и сильным, оно не умрёт в серых буднях, грязных сковородках и любопытных соседях. На словах ты меня гонишь, сталкер, но ведь глаза не врут...

— Что же ты со мной делаешь, девочка... — я откинулся на подушку. Вот и поговорили.

— Мама, а я сталкера люблю... Мама, а я в Зону с ним уйду! — Полушутливо, на мотив почти забытой песенки пропела Хип. — Поправляйся, Лунь. Твой стажёр уже заждался продолжения практики.

Да, не ожидал я такого оборота. Ко всему готовился — и к слезам, и протестам, и себя настроил так, чтоб стоять на своём и ни в какую с Хип не соглашаться. Полное фиаско: яснее ясного мне стало, что стажёр сталкерскую дорожку уже не бросит, всё, поздно пить «боржоми». Зона такая штука, что прикипаешь к ней всей душой, и к серости «обычной»

жизни вернуться уже просто не можешь. Да не в одной только Зоне дело... в глубине души я даже обрадовался тому, что Хип останется со мной. А дальше будь что будет. Успокоенный этой мыслью, я быстро заснул крепким сном. Без сновидений.

Потянулись дни... восстанавливался я быстрее, чем того ожидал Доктор, но к исходу второй недели всё ещё ходил с палочкой, как старик. Аппетит проснулся просто зверский, истощённый долгой лёжкой организм жадно требовал пищи и движения. И того и другого я давал ему в избытке, было даже немного стыдно перед Доктором за то, что фактически всё это время я сидел у него на шее, уничтожая недешёвые продукты и не принося никакой пользы. Про себя я решил, что первый же редкий артефакт из своей добычи непременно передам Доктору. Я исподволь, окольными путями разузнавал, что именно из хабара нужно для операций, заживления ран, исцеления болезней. Даже блокнотик завёл. Напрямую спрашивать избегал — разобидится Доктор так, что, может, и разговаривать не станет. Станный он всё-таки человек...

Определённый вклад вносила и Хип. Не то, чтобы это было лечением в прямом смысле этого слова, но её компания, улыбка, слово действовали на сталкера Луня, как порция «жизни» на облучённый в «горячем пятне» организм. Пару раз к Доктору приходили группы сталкеров-одиночек с плотно набитыми рюкзаками, приносили припасы, медикаменты и свежие новости. От них я узнал, что пока был в «отключке», а это ни много, ни мало почти шесть месяцев, случилось в мире едва ли не больше, чем за предыдущие два года. К примеру, я пропустил Четвёртую катастрофу, прозванную «Тихой» — Выброса, как в две тысячи седьмом, не случилось, но в сотне километров от границы Зоны, уже на территории Белоруссии, обнаружили несколько аномалий-«жарок» и стали поступать сведения о редких случаях мутаций домашнего скота. Территорию, названную Зоной-2, немедленно оцепили и эвакуировали всех жителей. Власть там сработала чётко: жертв ни среди гражданских, ни среди военных не было. «Монолит» и «Свобода» заключили пусть шаткое, но всё же перемирие — обе группировки почти развалились и ослабели настолько, что выяснять отношения между собой для них уже было самоубийством. И, объединившись, крепко всыпали «Долгу». Тот выслал несколько карательных отрядов, но толку от этого не было. Военные, как ни странно, на этот раз помогать должовцам не стали. Что касалось самих военных, то их вмешательство в жизнь сталкеров стало минимальным — одну из частей, охранявших Периметр, перебросили на Урал, туда же были откомандированы восемь из четырнадцати ведущих учёных НИИ и большая группа лаборантов. Среди сталкеров поползли странные слухи, в которых упоминался Челябинск, какой-то «Маяк» и местечко с диковинным названием Кыштым. Что, вроде бы, и в Кыштыме, и на этом самом «Маяке» странные дела начали твориться, нехорошие. Новичок, на днях прибывший в Бар с Большой земли, болтал про Воронежскую АЗ, и про америкосов, которые что-то у себя в Неваде нашли и очень здорово при этом перестрелялись. Новичок этот, по общему мнению бывалых, был великим треплом, но то, что в НИИ приехала большая группа американских «ботаников» с очень нехилым грантом в комплекте, а цены на хабар пусть не сильно, но подскочили, наводило на интересные мысли.

Доктору эти новости не понравились. А после того, как он на персоналке просмотрел информацию, которую с оказией передал его старый знакомый Зотов, и вовсе помрачнел. Доктора с тех пор я видел редко — он теперь постоянно сидел в своём кабинете, а при встрече коротко кивал и говорил пару-тройку односложных фраз. Кося вскоре ушёл, Скиф тоже побыл у Доктора недолго. Пенка сутками пропадала в Зоне, и мне ничего не оставалось, как «соблюдать режим» и в компании Хип «гулять» вокруг бывшей базы отдыха, а ныне резиденции Доктора. База, построенная в восемьдесят пятом году, весьма неплохо сохранилась, хотя два лодочных сарая и домик сторожа давно сгнили в труху, наверное, ещё до того, как многочисленные заводы и протоки Припяти превратились в гигантское зловонное болото. Во время своих прогулок я видел остовы плоскодонных лодок в изжелта-бурых трясинах, ржавое решето катера рыбинспекции, облепленное какой-то странной красной шерстью, остатки дощатой пристани, так нелепо выглядевшей посреди мокрого кочкарника. Северный ветер иногда приносил смрадное дыхание теперь уже далёкой реки —

смесь запахов плесени, прелой тины и гнилой воды. Что было там, за болотистыми пустошами и трясинами, что творилось на берегах Припяти, не знал никто. Сталкеры оттуда не возвращались. Даже Пенка никогда не ходила к реке, а ведь, казалось бы, для неё Зона — дом родной. Дурной славой пользовалось то место, хотя аномалия на Болоте — вещь редкая, и опасного зверья не то, чтобы много. Мутанты были, конечно, как без них, но большей частью мелкие, и при этом поразительно уродливые. Видел тут одного, псевдозмей рядом с ним красавцем покажется. Может быть, в предках этой твари птица числилась, по крайней мере, две костлявых ноги были как у аиста, и перья редкими грязными пучками торчали. И то ли шкура прозрачная, то ли этой шкуры и вовсе не было, но потроха разноцветные все наружу, петлями висели, бахромой. Идёт, курлыкает, кишкой, до земли свисающей, что-то в грязи ищет — потом уже разглядел, что это шея: на конце кишки голова безглазая и что-то, отдалённо клюв напоминающее. Пропал тогда ужин, так ничего и не съел, одного чаю только нахлестался. Берёшь бутерброд — а перед глазами сизо-красно-коричневое, кусты перьев и по перьям этим какая-то пакость ползает. Нет, Доктор, спасибо, что-то не хочется. Чайку вот разве что...

А Зона уже манила. Бередила душу сталкера, охота ведь, как известно, пуще неволи. Понимал я теперь, очень хорошо понимал ветеранов сталкерской тропы. Не отпускает просто так человека Зона, и не потому даже, что держит железной хваткой, не даёт выйти за Периметр. Сказки это всё — аномалия, внезапно под ногами возникающая, кровосос, специально поджидающий сталкера, решившего завязать с Зоной. Спрашивают бывалого, чего, мол, не уедешь на безбедное житьё, денег срубил, Зону потоптал вволю, зачем и дальше шкурой рискуешь? Покряхтит бывалый, затылок почешет — а действительно, зачем? Вроде и пора бы завязать, да мысль эта, чтоб бросить ремесло и пожить «по-человечески», горше полыни. И кажется в такой момент убийца, стерва, гадина Зона желанней любого райского уголка. И соврёт бывалый, не столько даже вопрошающему, сколько самому себе: «Э, братец, Зона сталкера не отпустит. Прибьёт по дороге. Ну, чего вылупился? Давай живенько к Барину, не видишь, пиво кончается...»

Были, конечно, и те, кто уходил. Сионист вот, например. Полтора года на Большой земле жил. Вроде бы, даже в Израиле. Ровно на эти полтора года его и хватило — вернулся наш Сионист. А на вопрос, как там, за Периметром, скривился слегка и отмахнулся: «фигня». И если учесть, что это первое ругательное слово, которое мы услышали от Сиониста, то, значит, и в самом деле фигня...

В первый день весны, ровно через три недели после того, как пришел в себя, я вышел на прогулку без надоевшей уже палки. Шатало и швыряло, конечно, во все стороны, но ведь ходил! Километров, наверное, пять накрутил вокруг дома Доктора, замутило даже, однако ни разу не приложился и отдыхать не останавливался. Истончившиеся, вялые мышцы потихоньку наливались силой, мутные, запавшие глаза снова заблестели, только вот седина, наверное, уже не сойдёт. А на следующий день вместе с Хип сделал «ходку»: ушёл через жёлтый, корявый ельник к дальним холмам, побродил по выработкам песка в затопленном карьере, и нашёл-таки пару «чёрных искр». Пустяк, я раньше их за хабар не считал, теперь же было несказанно приятно держать в руке глянцеви́то-чёрные колючие зёрна, чувствовать, как щёлкают по пальцам слабые электрические разряды...

Доктор, конечно, сделал выволочку недисциплинированному пациенту, а я сидел, дурак дураком, вытянув гудящие ноги и блаженно улыбаясь. Ходка! Чёрт меня побери, настоящая ходка! Потопчем ещё тропинки Зоны, стажёр...

— Сто двадцать на восемьдесят. — Доктор снял стетоскоп и освободил мою руку от тугой манжеты тонометра. — Недурно, сталкер Лунь. А теперь извольте посмотреть на карандаш. Головой не крутите. Следите за движением.

Доктор поводил перед моим лицом огрызком карандаша, кивнул, что-то записал в блокнот.

— В норме... голова не кружится? Тошнота? Мушки перед глазами? Может, плохо засыпаете?

— Нет, Доктор. Чувствую себя прекрасно.

— Ага... да... это хорошо. Про аппетит не спрашиваю, обедали вместе. Ну, что ж, в космонавты вы ещё пока не годитесь, а в остальном всё в порядке.

— Здоров?

— Здоровых, сталкер, нет. Есть плохо обследованные. Я же, в силу своих скромных возможностей, недугов никаких у вас не нашёл. Одна рекомендация — курите как можно меньше, в идеале бросьте это дело совсем. Так. Ещё одно наблюдение, и медосмотр можно считать законченным. Пеночка! Будь добра, подойди сюда на минутку...

«Ффффф-ухххххх... шшшсссс» — мягко зашумело в ушах, навалилась сонливость, комната вдруг поплыла, контуры предметов смазались, а воздух показался густым и мутным. Огромный чёрный глаз Пеночки, сидящей напротив меня, как будто стал ещё больше и потерял блеск — этаким колодец космической пустоты, манящий и одновременно пугающий. В голове роились обрывки мыслей, какие-то образы, мелькающие так быстро, что разобрать что-либо было невозможно.

— Плохой ум пропал. Совсем. Сломанные мысли их нет. Лунь думает хорошо, больше не болеет. В памяти дырки есть большие, давно, когда в небе был Большой Огонь. Там ничего совсем нет, пустота.

— Н-да. Не пощадил вас Выброс две тысячи седьмого, — Доктор вздохнул. — Здесь уж извините. Индуцированная пси-импульсом амнезия, к сожалению, неизлечима. А в остальном, полагаю, можно смело закончить вашу историю болезни на самой приятной ноте.

Доктор принялся записывать что-то в медицинской карте. Удивительное дело — на каждого сталкера, когда-либо обращавшегося к Доктору, аккуратно заводилась самая настоящая медицинская карточка, с бланками анализов, подробными записями осмотров, даже с печатями на желтоватых казённых листках. Зачем нужны были эти печати, я не представлял, но Доктор относился к таким мелочам со всей серьёзностью. Вот и сейчас в карточке с надписью «Сталкер Лунь. ФИО — 1979, III, резус отриц., одиночка» появился ещё один синий треугольник.

— Пеночка, отнеси это в регистратуру, будь так добра... на полку синего цвета. Да, и поставь чайку, если не сложно. — Доктор откинулся на стуле и посмотрел на меня. Затем достал из ящика стола заклеенный в прозрачную плёнку конверт и долго, молча глядел на него, словно силясь разобрать на чистой белой бумаге невидимые миру письмена.

— Вот что, Лунь... — голос Доктора вдруг охрип и прозвучал так тихо, что я едва его услышал. — Сейчас ты можешь послать меня к нехорошей матери. И, в принципе, будешь тысячу раз прав. Погоди, не перебивай... я ещё не всё сказал.

Это было неожиданно. Доктор раньше всегда обращался ко мне на «вы», как, впрочем, и ко всем сталкерам, что бывали в его доме. Но не это поразило меня. Его взгляд, обычно пронзительный, ироничный, острый, сейчас был потухшим и бесконечно усталым. Доктор словно постарел у меня на глазах сразу на десять лет.

— Сталкер... я понимаю, какую дичь тебе сейчас предстоит выслушать. Возможно, ты даже решишь, что старик окончательно свихнулся. И, надеюсь, опять окажешься прав. Ты должен... нет, я прошу тебя... дойти до Монолита. И там уже вскрыть этот конверт.

— Доктор, но ведь его на самом деле не... — я от удивления не сразу пришёл в себя.

— Монолит существует, сталкер. Я и сам бы отправился к нему, но, боюсь, повторной аудиенции не состоится. К Монолиту можно придти всего один раз. — Доктор пододвинул мне конверт.

— Не знаю, существует ли надежда на то, что найдётся в мире человек, способный отказаться от своей заветной мечты. Не знаю, выполнит ли Монолит чужое желание. Но Звезда Полынь уже упала на третью часть вод, сталкер. И очень скоро они станут горьки.

Действительно, дичь... бред какой-то. Не оборачиваясь, я вышел из кабинета Доктора. Какая такая ещё полынь? При чём здесь Монолит? Что за воды? Белиберда... чушь... но в душе занозой засели странные, даже страшные слова. Вот спасибо тебе, Доктор. Удружил,

что называется. Ну, понимаю там, попросил бы найти редкость какую-нибудь в Зоне. В доску бы расшибся, но сделал. Любую штуку добыл бы, даже «глаз смерти», и тот бы припёр, постаравшись при этом не гробануться по дороге. Когда Доктор просит, святое дело в лучшем виде эту просьбу выполнить. Но такое?!

Надо было отказаться. Пожать плечами, буркнуть: «Не, Доктор, это дело мне не осилить. Не по Сеньке шапка... куда мне, сирому да убогому, к самому Саркофагу идти. Просто не смогу. Что угодно просите, но только не это»

Надо было.

Но руку уже жёг прохладный пластик конверта. Дурак, как говорится, это навсегда... Нужно ли говорить, что эту ночь я не спал, и от тяжёлых мыслей под утро заболела голова. Я уже просчитывал примерные маршруты к ЧАЭС, да как их просчитаешь, когда ни разу даже и не приближался к станции, самые дальние вылазки ограничивались Припятью, и то воспоминания о них, вылазках этих, не сказать чтобы самые приятные. После Третьей Катастрофы в Припять совались только самые отчаянные, или, как в случае со мной, дурные сталкеры. Даже «Монолит» был вынужден перебазироваться, потому как выжить теперь в Припяти было не то, что сложно, а просто нереально. Там был ад... а о том, что творилось у самой ЧАЭС, мне не хотелось даже и думать. После Третьей к Монолиту ходил Живчик с группой матёрых сталкеров, восемь человек ушли, двое вернулись. Сам Живчик и ещё один, Шкворень. Да, тот самый, что у Бара побирается. Этого Шкворня совестливый сталкер перед ходкой стажёру показывает, вот, мол, что Зона с человеком сделать может, посмотри и хорошенько подумай, надо ли оно тебе. И, может быть, от Шкворня пользы больше было, чем от всего «Долга» вместе взятого — много жизней спас бывший сталкер. Живчик ни одной царапины не получил, но вот головой малость повредился — днём ещё ничего, вроде нормальный, заикаться только начал, а по ночам ревел во сне, выл так, что жутко становилось. Он и сказал, что нет в четвёртом энергоблоке Монолита. Нет. Ни за нюх табака ребят положил... а Шкворень только ворчал и посапывал, может, тоже чего сказать хотел, да только ни языка, ни челюстей как таковых у него уже не было. Живчик вскоре застрелился, Шкворень живёт до сих пор, ползает на корточках около Бара, руку правую тянет, а остатком левой в пыли солнышки рисует и каракули какие-то...

Нет, сталкер Лунь. На фиг всё. Как взял конвертик, так и верну. Пусть потом стыдно будет, да и чёрт с ним, от стыда никто ещё не помирал, переживём такое горе. Не прав Доктор. Не по-человечески такое просить. Решено. Я потушил скверную, кислую «Приму» о порог, выбросил пустую красную пачку, что оставил по доброте душевной один из приходивших к Доктору сталкеров. Встал, посмотрел на посветлевшее предутреннее небо. Собрался. Так, мол, и так, Доктор, извините, но...

Доктор спал в кресле, укрывшись бежевым пледом и низко опустив седую голову. У кресла, подогнув ноги, неподвижно сидела Пеночка. Гигантская её правая рука лежала на ладонях Доктора, странно желтоватых, словно восковых...

— Ладно, зайду позже... не буду будить, — прошептал я, поворачиваясь к двери.

— Доктор не спит, сталкер. Он окончил свою работу и ушёл. Лунь теперь должен покинуть это место. Скоро придут друзья. Те, кто думает разумом. Будут прощаться с Доктором. Тебе опасно тут. Даже тебе. — Пенка встала, поправила на покойном плед, нежно коснулась седых волос. — Доктор сказал отдать.

Я принял из рук Пенки маленькую картонную коробку, заклеенную скотчем.

И когда дом Доктора уже скрылся в густом утреннем тумане, и мы с Хип миновали расшатанный, заросший лишайником мостик над топью, над болотом далеко разнёсся протяжный, звенящий вой...

В нескольких километрах от дома Доктора тихонько зажужжал мой ПМК, уведомляя о том, что нашёл сигнал. И через пару минут начал принимать сообщения:

«Подтвердите личность. Ввод личного пароля и кода. Пароли приняты. Вышлите фотографию... принято. Идентификация завершена. Ваш ПМК разблокирован»

«Полный спектр услуг в связи с неуплатой отключён. Ваш компьютер автоматически переведён в режим приёма бесплатных сообщений: (сигналы бедствия, сводка погоды, общий чат, уведомление о Выбросах, интерактивная карта)»

«Лунь, БВП, стаж семь лет, переведён 136–110 из акта № 143 ЕГ от 11.08.2012, в акт № 349КС от 24.03.2013. Сигнал обнаружен в квадрате RF 78, урочище Степаншино».

«Необходимо зарядить аккумулятор. Ваш ПМК временно подключён к резервному источнику питания. Расчётное время работы резервного источника питания 5 ч.»

«Отправить уведомление об изменении акта о Вашем текущем состоянии (110, 136, 200; нужно отметить) в общий чат?».

Я выбрал «110» и «отправить без уведомления о месте обнаружения». Идиотизм, если подумать. Интересно, как это «двухсотый» может уведомить о своём текущем состоянии? Может, у серверов НИИ такой своеобразный чёрный юмор? А ведь были затейники, отправлявшие «200» на запрос институтского компьютера. И что бы вы думали? Да, кранты, из Зоны эти «юмористы» уже не возвращались. С такими вещами здесь не шутят.

— Слушай, Лунь. — Хип вертела в руках свой ПМК. — Мне тут какая-то фигня пришла... типа, подтвердите, фотография какая-то...

— Это потому, стажёр, что у дома Доктора любой сигнал глушится намертво. Мы с тобой БВП были. Теперь нашлись. — Упоминание о Докторе болезненно сжало сердце. Как же мы теперь без тебя? Досада, злость, печаль — странный коктейль чувств. Задал ты мне задачку. Под капитальный монастырь подвёл. И всё равно я буду скучать по тебе, Болотный Доктор, последний святой Зоны...

— Он хороший был. — Хип вздохнула, закусил губу. — Плакать хочется, а не могу почему-то. Он мне тебя вернул. Я у него навечно в должниках теперь, Лунь. И просьбу его, клянусь, выполню.

— Он тебе задание дал?

— Да... просил тебя беречь и ни на шаг не отходить, — Хип печально улыбнулась. — Сама бы не догадалась как будто. Что-то про просьбу говорил, про тебя, но, мол, Лунь скажет, сама пока не спрашивай.

— Присядем. — Я уселся на поваленный ствол дерева, Хип пристроилась рядом. Интересная, наверно, будет реакция.

— Про Монолит слышала?

— Ну, да. Сказка такая среди сталкеров ходит, что, мол, существует штука, желания исполняющая. Но дойти до него нельзя.

— В свете последних событий выяснилось, что не совсем сказка это, Хип, — я хлопнул по карманам в поисках сигарет. Потом вспомнил, что пустую пачку выкинул пару часов назад. Хреново. Курить вдруг захотелось зверски. А ещё лучше — выпить. В идеале — нажраться до положения риз.

— Дойти до него нельзя. Это уж точно не выдумки, — продолжил я. — И самое гнусное в этой истории то, что я на это подписался. Чудак. Который на букву «м».

— Не парься, Лунь, дойдём, — Хип ободряюще улыбнулась.

Эх, стажёр... сказал бы я, да уж ладно, промолчу. Оставлю, так сказать, в счастливом неведении, не буду пугать девчонку. А там, может, и удастся мне плюнуть на это чёртово задание. Просил Доктор... да, просил, и что с того? А если бы он тебе повеситься сказал на потолочной балке, ты что, за верёвкой и мылом сразу побежал бы? Да и не имею я права так рисковать, со мной ведь Хип, а её на мякине не проведёшь, на ключ в квартире не закроешь... нет, не пойду я туда.

И чем больше я себя оправдывал, чем больше находил причин не идти к Монолиту, тем яснее мне становилось, что пойдёт-таки Лунь к Саркофагу. С другой стороны, Доктор невыполнимой работы не дал бы. И если просил добраться до Монолита, значит, очень надо. Понять бы, зачем...

Я достал конверт Доктора. Просил он вскрыть его у Монолита, но... да, чёрт с ним, всё равно ведь пойду.

В конверте лежал листок фотобумаги. Чистый, точнее, пустой, чистым его назвать было сложно: тёмно-серый, в размытых пятнах, с желтизной по краям. Не засвеченный, но, похоже, испорченный — он никак не отреагировал на дневной свет. Час от часу не легче. Я вложил листок обратно в конверт. А вдруг действительно рехнулся Доктор? Может такое быть? Попробуй теперь, разберись...

— Не нравится тебе это, Лунь.

Чего у стажёра не отнять, так это наблюдательности. Но, думается, здесь она не потребовалась — эмоции на моём лице наверняка были более чем красноречивы. Не нравится, значит? Мне это охренеть как не нравилось...

— Ничего, прорвёмся, стажёр. — Фальшиво как-то получилось, ненатурально. Скривив лицо в том, что с большой натяжкой можно было назвать улыбкой, я убрал конверт в нагрудный карман. Чёрт, как же курить хочется.

— Всё так плохо, да, Лунь?

— Честно?

— Да.

— Плохо, Хип. Хуже не придумаешь. Ладно, пошли, нечего рассиживаться. К вечеру нужно успеть если не до нейтралки, то хотя бы до Петеличей. Хуторок там есть, гнилой, правда, но погреб хороший. Пересидим, если что, ночку.

До Бара мы добрались на следующий день. Нас довольно долго мурыжили на проходной: оказывается, ни Хип, ни сталкера Луня в списках НИИ уже не значилось, попытка доказать военным, что мы не верблюды, удалась только после того, как был выслан запрос в Институт и сам Зотов лично позвонил на КПП. Молодой краснощёкий лейтенант выписал нам временные пропуска, пожал плечами, мол, служба такая, не сердчайте, и сказал зайти за новыми корочками через два дня. Книжечки старого образца уже не годились, и нам предстояло обзавестись электронными картами.

— Старший лаборант НИИ Лунев и его помощник Хипеева, — с ходу определил нашу будущую профессию лейтенант. — Да, кто спросит, вы теперь не сталкеры. На территории НИИ забудьте вообще это слово. Порядки такие сейчас, что долбанёшься... инспекции чуть не каждый день, — добавил он доверительным шёпотом.

Да... не был я в Чернобыле-7 каких-то полгода, а городок преобразился так, что и не узнаешь. Сразу за пропускником велось строительство — грохал копер, забивая бетонную сваю, урча и посвистывая дизелем, разравнивал горку песка бульдозер, в длинную линию выстроились зелёные вагончики бытовок, строители подтаскивали к бетономешалкам бумажные мешки с цементом. Вдали, у корпусов НИИ, тоже что-то строили, и уже возвели два этажа по всей видимости немаленького здания. У самого Бара стояли бок о бок полтора десятка автобусов, возле них строились солдаты, похоже, контрактники. Время от времени в сопровождении гражданских к колонне подходили офицеры, по спискам набирали взводы, и те, печатая шаг, уходили в сторону казарм. Настолько оживлённым и многолюдным Чернобыль-7 я ещё не видел — город напоминал разворошённый муравейник. Купив в ближайшем ларьке сигарет — надо же, и ларьки уже появились, — я направился к Бару.

Там тоже было многолюдно, но ни одного знакомого лица я не увидел: военные, человек десять, какие-то невнятные личности в мятых серых костюмах за крайним столиком, у стойки пяток «зелёных». Вместо Барина за стойкой суеился начавший лысеть мужчина с мелкими, невыразительными чертами лица. Его я тоже не знал. Где же Барин? Хотелось бы с ним побеседовать...

— Не знаешь? — Бармен коротко кивнул в сторону. — Завтра девять дней будет. Приходи, помянешь...

На журнальном столике у стойки, за которым Барин любил сидеть в ожидании посетителей, стояла рюмка, накрытая зачерствевшим ломтиком чёрного хлеба. И рядом с ней маленькая фотография в картонной рамке-подставке. Барин... не может быть...

— Как... это?...

— Думали, отравился чем. Врачи сказали — инсульт. — Бармен смешал напиток, передал заказчику. — Двое умерли. Сталкер тут такой был, Грызуном звали. Его около Бара нашли, утром, уже холодный был, пена изо рта. И десяти шагов от двери не отошёл. Барин ещё хрипел. По дороге в больничку скончался.

— Водки. — Я закрыл глаза. Барин... эх, Барин...

— Сколько?

— Бутылку. С собой.

— Двести пятьдесят.

— На счёт.

— Какой, на фиг, счёт?... наличные или карто...

Я посмотрел на бармена. И, должно быть, взгляд у меня очень нехорош был, потому как отшатнулся самозванец, и даже слегка побледнел.

— На счёт сталкера Луня, понял? Сталкера! Луня! Могу для тупых повторить ещё раз!

Невнятные личности за соседним столиком начали оглядываться. Какого чёрта они здесь делают? Что за шушера в Баре?

— И ещё. Если ты, друг ситный, из Бара пивнушку решил сделать, то мой тебе хороший совет: собирай манатки и дуй отсюда вприпрыжку. Не срами заведение.

— Да кто ты такой вообще? — Бармен поднял брови и изобразил на лице презрительное недоумение. Зря ты это сделал, парень...

— Так, мужики, на выход. — Усатый офицер допил пиво, махнул рукой остальным. Молодец, правильно оценил ситуацию. Оно, может, и хотелось ему поучаствовать в назревающем веселье, да вот беда, начальство по голове за это не погладит. Военные, искренне вздыхая и скорбно покачивая головами, оперативно покинули Бар.

«Зелень» у стойки заулыбалась.

— Ништяк бывалый сказал. Точно. — Кивнул долговязый новичок. — Мы ведь тебе говорили, Куцый. Не место тебе тут.

— Константин. — Сквозь зубы процедил бармен.

— Куцый. — Усмехнулся долговязый. — Намакали — сдавай дела Бивню. Много раз намакали. Ну, вот и не обижайся.

И новичок красиво выписал бармену в челюсть, я и моргнуть не успел. И понеслась... серые личности попробовали было махать кулаками, но куда там, вынесли мы их за дверь, как и одного из мордovorотов, выскочивших на выручку бармену. Второй оказался поумнее — в драку не полез, а стоял, привалившись спиной к косяку и погогатывал, хлопая ладонями по бёдрам. Я его признал — Сенька Матерщина, неудавшийся сталкер, подрабатывавший вышибалой у Барина. Хоть и далеко не академик Сенька, но, видать, понял, что вступаться за Куцего в свете последних событий не стоит.

Я залез в карман. Да, ровно двести пятьдесят и осталось. Надо будет с карточки снять немного, надеюсь, счёт мой не обнулили.

— Как скажешь. Наличные, значит, наличные, — и я положил на стол две сотни и несколько мятых десятков.

Бармен, утирая кровь, злобно покосился на меня, но деньги взял и поставил на стол бутылку.

— И чтоб я тебя здесь, сталкер Лунь, больше не видел.

— Нет, парень. Гораздо лучше будет, если я тебя тут больше не увижу. А если встречу в следующий раз, пеняй на себя.

— Чмо, — буркнула Хип. — набрали, блин, по объявлению.

— И чё вам не так?! — вспылil вдруг Куцый. — Один пришёл — морду воротит, другой припёрся — то не так делаешь, это не эдак. Какого рожна вам надо? Нормальный бар, везде такие же!

— Вот именно, что везде. Тут ты прав. А какого рожна нам надо, не поймёшь. Даже если очень постараться. Поэтому собирай манатки. Чужой ты здесь.

Ах, как нехорошо получилось. Прости ты меня, Барин. Плохо вот так, мордобоем поминки по тебе справлять, но, думаю, ты бы меня понял. Заведение твоё домом для меня

было, и не только для меня одного. Особое это для сталкера место, сакральное, а из него дешёвый кабак сделали, забегаловку, каких много. Светлая тебе память, Барин. Хороший ты был мужик.

— Пойдём, стажёр. Нечего нам здесь делать.

Уже на улице я обернулся. «Иллюминацию», что в своё время повесил Барин, сменила большая вывеска из крашеной фанеры. Странно, что я сразу не обратил на неё внимание — кричаще яркая, с бездарно намалёванной красоткой в бикини и тремя пальмами на стилизованном островке. И девяти дней ещё не прошло, а уже повесили картинку, уроды. Бар «Южная ночь». Вот ведь пошлятина... гадость такая. И так тоскливо мне стало, что хоть вой. Эх, Барин... хорошо, что ты этого не видишь. Я искал глазами подходящий снаряд. Да, это подойдёт, в самый раз. Получай, фашист, гранату.

— Х-ха! — и недопитая кем-то бутылка пива, крутясь и разбрасывая веера брызг, полетела в белозубый оскал нарисованной мулатки.

К вечеру я напился. С одной бутылки скверной водки меня не развезло, а словно оглушило, и я сидел в своей квартире, тупо уставившись на сбитые в драке костяшки пальцев. Меня тревожили странные воспоминания. Смутные, бредовые образы, какие-то полузабытые сны. Были там и Барин, и Грызун, стакан какой-то, Хип, девчонка в жёлтой куртке. Здорово всё это смахивало на паранойю. Может, не долечился Лунь? Или Выброс тот всё ещё даёт о себе знать? Ох, чую, укатают ещё Сивку крутые горки Зоны. Если уже не укатали...

И всё-таки прелесть ты у меня, стажёр. Красавица. Смотрю на тебя, и все плохие мысли долой, тепло становится, хорошо, век бы так сидел и любовался. Глаза синие, васильковые, взгляд когда серьёзный, когда смешливый, и всё-то в глазах этих написано, как в книге с интересным, за душу берущим романом. Заметила. Улыбнулась чуть, но виду не показывает, ресницами взмахнула и нарочито небрежным жестом светло-русую прядь за ушко отбросила. Знает ведь, что оттаивает сталкер и от ресниц этих, и жеста, и веснушек едва заметных на носике. Берёзка ты моя, Зоной подаренная. Хип. Жаль, что «я старый солдат и не знаю слов любви». Все красивые, добрые слова из меня Зона выжгла, вытравила, нет места таким словам на её мёртвых полях, но ничего, вспомню, и все-все тебе скажу, радость моя.

По болотам к Доктору на себе тащила, через смерть, через Зону, откуда столько силы в тебе нашлось, девочка. Не бросила страшного, бормочущего безумца, ждала, верила, и спасла, любовью своей спасла меня Хип. Слово-то какое, любовь. Измызгали тебя за Периметром в грязи пошлых песен и дешёвых сериалов. Утопили в помоях кухонных сплетен. Изгадили так, что дальше некуда. Кто знает, может, и убежала любовь в Зону от всей этой мерзости, в сталкеры записалась и свои артефакты ищет. Парочку нашла уже, это точно.

— Спасибо тебе, стажёр.

— Хабаром отплатишь, сталкер. — Нарочито «страшным» голосом ответила Хип, нахмурилась, даже челюсть выдвинула, но не выдержала, расхохоталась и свалила меня с кресла на пол. Попыталась завернуть мне руку за спину, не получилось, и Хип просто приложила к моему виску палец, который, видимо, должен был изображать пистолет.

— Артефакты? Бабло? Тайники?

— Всё отдам, тётяшка. Не стреляйте, пожалуйста. — Я подпустил в голос побольше дрожи. — Всё отдам за кружечку горячего кофе, красивая. Пожалейте сиротинку...

— Намёк понятен. Ну, гляди, Лунь, обещался. И вообще, магазины новые открылись, надо бы поискать кофе в зёрнах, а заодно и кофеварку, или хотя бы джезву. Растворимый, конечно, хорошо, но с настоящим кофе не сравнить. Ммм, вещь... один аромат чего стоит. — И Хип упорхнула на кухню.

Так, Лунь. Пора бы и посмотреть, что там, в коробке Доктора. Вон она, стоит на столе, наклейка белеет — «Вата нестерильная. 10 уп.». Скотчем прозрачным крест-накрест

перехваченная, и не сказать, чтоб тяжёлая, но набита плотно. Ладно, чего уж там, открывать надо, смотреть, что внутри, хотя и жуть как не хочется это делать. Было бы так — хоп! — и ни конверта этого, ни коробки, ни просьбы Докторской, померещилось мне, приснилось всё. Ага, как же, померещилось... мечтать не вредно. Но и не полезно ни хрена, как подметил в своё время Фреон. Я достал из ящика стола свой «Обсидиан» и осторожно разрезал ленты скотча.

Несколько общих тетрадей в клеёнчатых обложках. DVD-диски в миниатюрном, но прочном пластиковом кофре, штук двадцать, наверное, не меньше, каждый аккуратно подписан: «Зотову, лично в руки», «Луню», «Мелихову, но можно и ассистентам», «для Скифа», «Барину». Карты Зоны в файловой папке. Упаковка с надписью «новокаин», ампулы в ней лежат, двенадцать штук, ваткой переложены. С «Жизнью». Одной из самых редких вещей в Зоне. Не один год я Зону топчу, а всего-то и нашёл этой синенькой воды на две крошечных скляночки, как зеницу ока их берегу. И как не беречь? Если хватанёшь радиации из «горячего пятна», то только эта штука тебя спасти и может. Видел на заре карьеры, как один сталкер от лучевой кончался, кожа лоскутами слезала, кровью его рвало, просто помирал мужик на глазах. Ввели ему всего один кубик, в вену. Действительно, чудо это было, кто бы мне рассказал, не поверил. Заснул сталкер через минуту. Двое суток спал. А когда проснулся, дозиметр даже фоновой радиации рядом с ним не нашёл, все язвы зажили, выздоровел. Хвалился он потом, что зуб с дуплом выпал, а на его месте здоровый вырос. Чёрт его знает, насчёт зуба и соврать можно, но что и в самых безнадежных случаях «Жизнь» выручить может, сам видел. Дорого, кстати, та синяя капелька сталкеру обошлась, год с лишним он должок по частям выплачивал, на одной вермишели сидел...

Вырезки из «Докладов» и газет, приличная кipa, пестреют заметками Доктора на полях, отдельные листки так и вовсе целиком исписаны карандашом или цветными чернилами. Сверху лежала статья «Зона — территория ужаса», вырезанная из газеты. Через весь текст наискосок тянулась надпись: «очередной собачий бред! По рукам бы этого журналюгу, по рукам!» Я улыбнулся. Рядом с заголовком моя фотография, под ней имя и фамилия, давно ставшие для меня чужими. Надо же, в упор не помню, когда писал статью, про что... и фото уже почти чужое, и не признаешь сразу: скалится симпатяга, до ушей улыбается будущий Лунь, и ни седины нет ещё, ни взгляда тяжёлого, даже сумрачного, и так вот лыбиться я давно уже разучился. Говорил как-то Лихо — «балабол ты, Лунь. Не в том смысле, что трепло, а так, веселее с тобой. Хохмишь ты нормально, но вот, блин, глаза у тебя не смеются. Никогда. Словно и не твой взгляд. Знаешь, жутко иногда от этого делается». Отложив в сторону вырезки — потом почитаю, особенно свою статью, интересно, чего же я там написал такого, — я достал из коробки последний листок, вырванный из какой-то книги. Текст сразу привлёк моё внимание. «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „попынь“; и третья часть вод сделалась попынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки». И страничка личного дневника, приколотая степлером: «Апокалипсис от Иоанна. Притащила мне эту книжечку из Зоны Пеночка, хотя зачем, не понимаю. Книга в очень скверном состоянии, рассыпается в руках, но несколько листов в принципе читабельны. Этот, например. Пенка отмалчивается на все вопросы. Её мышление до сих пор остаётся для меня загадкой, не меньшей, чем сама Зона. Читать она не умеет, и научиться не сможет, для неё любой текст лишь грязь на бумаге. Почему книга, и почему именно эта? Богословие мне, мягко говоря, неинтересно. Может, подсказка? Через столько лет? Вряд ли... Монолит, похоже, не всегда исполняет желания. Знание или не числится в списке его даров, или это уж слишком дорогой товар. Но, как бы то ни было, у меня и в самом деле появилась пара интересных мыслей».

«Очень сильно надеюсь на то, что эта моя теория окажется таким же пшиком, как и все предыдущие. Теперь только ждать. И бояться. Так страшно мне не было уже давно. Может ли быть Зона своеобразной иммунной реакцией, местным воспалением? Как врач, я вполне могу допустить такую мысль. Предполагаемые районы инициации вторичных очагов:

Челябинская область в первую очередь, очень может быть Семипалатинск или Новая Земля. Участки крупных экологических катастроф также в группе риска»

— Кофе, Лунь. — Хип поставила две чашки на стол и присела рядом. — Что-то не так?

— Жить становится всё интереснее, стажёр. — Я отхлебнул кофе, взял диск с надписью «Луню» и вставил в дисковод.

Короткая видеозапись. Несколько десятков папок: файлы для ПМК, тексты, фотографии. Я навёл курсор на значок фильма и щёлкнул «Воспроизвести».

На мониторе появилось изображение комнаты Доктора. Оно пару раз качнулось, что-то громко зашуршало, пока камера устанавливалась на столе, в кадре мелькнул белый халат.

— Ну вот, вроде нормально, — услышал я голос Доктора. — Приступим.

Доктор подошёл к креслу, уселся в него, достал трубку. Затем положил в неё большую щепоть табака, примял пальцем и прикурил от спички. По комнате поплыл сизоватый клуб дыма.

— Здравствуй, сталкер Лунь. Если ты сейчас смотришь эту запись, то, значит, в силу некоторых причин я уже не смогу поговорить с тобой лично. И, вероятно, у нас уже состоялся с тобой один разговор. Тот, на который я пока не могу решиться. Уверен, что ты сейчас разозлён, и я могу это понять. Догадываюсь, что у тебя возникло множество вопросов и сомнений относительно моей... гм... просьбы. Откажешься ли ты? Скорее всего, да. Уверен ли я в том, что Монолит тебя примет? Нет, не уверен. Изменится что-нибудь после того, как ты доберешься до ЧАЭС, и доберешься ли вообще? Не знаю. Услышит Монолит чужую просьбу, оставшись глухим по отношению к твоей заветной мечте? Вряд ли. Наконец, есть ли шансы на то, что, даже услышав, он её выполнит? Один из тысячи.

И даже этот ничтожный шанс не оставляет нам выбора. Буду с тобой откровенен. Сталкер Лунь... да, я понимаю, как это сейчас прозвучит. Человечество вскоре прекратит своё существование. В лучшем случае, нам осталось пять лет. В худшем — меньше двух. Я ни в коем случае не пытаюсь записать тебя в спасители мира, но... возможно, от тебя зависит, будем ли мы ликвидированы под корень, до последнего человека, или же некоторым из нас будет дана возможность выжить.

И ещё. Я гарантирую вам, тебе и Хип, что если вы доберетесь до Монолита, то, по крайней мере, вы выживете. Гарантирую, сталкер. Не спрашивай, откуда я это знаю. Я уже привык к тому, что некоторые знания сами приходят ко мне из Зоны, и, хотя они не предоставляли мне ответа на главный вопрос, они всегда были истинными. Пусть это тоже будет причиной, по которой вам следует туда идти.

Одни вы не доберетесь до Саркофага. У вас будет проводник. Думаю, один из лучших проводников, которые когда-либо существовали в Зоне. Но будь с ней осторожен, Лунь. Какой бы человеческой она тебе не казалась, знай, что это не человек и никогда им не станет. Она разумна, да, но разум существ Зоны построен по совершенно иным законам, нежели у нас. Я пытался привить ей человеческое. Бесполезная это была затея. Я словно пытался написать картину на окне. Краски ложатся легко, рисунок получается правильным, красивым, но стекло останется стеклом, оно не впитает красителей, и солнечный свет со временем уничтожит всю работу.

Пеночка разыщет тебя, когда наступит подходящее время. Думаю, что это случится примерно через месяц, может, два. Мне остаётся только надеяться, что за этот месяц свет солнца не будет слишком ярким, а краски, которыми я рисовал, окажутся качественными и стойкими. Видишь, Лунь, сколько «надеюсь», «если» и «может быть» я разбросал на твоём пути. Ты уж прости старика.

Последнее. Передай диски указанным на них адресатам. Это важно. К тому же, это снимет с тебя подозрения в причастности к... ну, думаю, ты понял, к чему. У меня, пожалуй, всё... да, ты уже возвращаешься из своей самовольной ходки. Что же, пойду, устрою тебе выволочку за нарушение больничного режима. Сохрани себя, сталкер. «Обязательно сохрани».

Доктор встал, подошёл к камере, и пару секунд я видел только белую ткань его халата. Изображение погасло.

— Ведь этого же не может быть, Лунь? — Прошептала Хип. — Доктор ошибается, правда? Он и раньше говорил, что его выводы бывали ошибочны, так ведь, Лунь? Скажи, что это неправда! Не молчи!!!

Я не смог ничего сказать. Просто обнял Хип, прижал к груди, и она страшно, взхлёб разрыдалась, вздрагивая в моих объятиях.

Странно устроен человек. Особенно если этот человек — сталкер. Удивительное дело, но после того, как я утешил Хип, и «переварил» эти действительно страшные новости сам, я успокоился. Всё стало понятно — зачем идти к Монолиту, о каких «водах» говорил Доктор, и даже окружающих людей, знакомых и незнакомых, я начал воспринимать с какой-то отстранённостью. Почти равнодушием. Последние сомнения относительно похода к Монолиту отпали. Ну да, скоро кирдык всему. Да, Доктор, скорее всего, прав. Два года? Пять лет? Ну что ж, бывает, мы люди привычные — для сталкера каждый выход в Зону этаким маленьким личным Армагеддон. А на человечество нормальному, здоровому сталкеру обычно начхать — мы от него сюда и ушли, отгородились от социума стеной Периметра, где-то там оно, далеко, да и существует ли вообще оно для нас, или просто мерещится?...

Да, уходили туда артефакты, шкуры и головы мутантов, чтобы там превратиться в различное, полезное сталкеру барахло, продукты, патроны. Оттуда приходили новички, наивные, напуганные, амбициозные — одним словом, новички, которых вскоре перетрут жернова Зоны, сделав из одних муку, из других — отруби, а из третьих и вовсе мёртвую придорожную пыль, без имени, без памяти, без следа. Действительно, странно устроен сталкер: одной из первых связных мыслей после, мягко говоря, оглушительной новости, была следующая: «Вот, блин... ежели человечество накроется, то где же снарягу и патроны брать? Без консервов тоже как-то грустно будет. И... чёрт! Кому же тогда хабар продавать!?» Нормальная такая мысль. Сталкерская.

Подлинный ужас всей ситуации приходил постепенно. Слишком свежи были ещё в моей памяти подвалы и бомбоубежища с «группами БВП». Ржавые, шелушащиеся двери, часто запертые изнутри, и когда видишь эти засовы, когда корябаешь их ножом, просунутым в дверную щель, то уже знаешь, что увидишь там, во мраке подвалов, ставших могильниками. Нет, не кости, хотя и кости тоже есть, но не они сразу привлекают внимание. Вначале ты видишь тряпье. Грязные, покоробившиеся, пёстрые тряпки, лежащие неопрятными горками, холмиками, пластами. Пальто, пиджаки, брюки, платица. Сумочки. Ботинки с приставшей к протекторам грязью. А кости в этих холмиках различаешь уже потом, когда приглядишься. Нет, не выбеленные редким в Зоне солнцем, не такие, как на поверхности, к виду которых давно привык. Красно-коричневые, тёмно-серые, рыжие черепа, позвонки, кисти рук, суставы, погрызенные крысами. Делаешь снимок. Второй. Третий. А потом, когда сняты страшные кадры, собираешь все документы, какие сможешь найти. Слипшийся, почерневший паспорт. Ещё один, испорченный «свет-плесенью», его надо брать осторожно, ядовитая теперь эта книжечка, ожог от спор может быть нешуточный. Свидетельство о рождении. Студенческий билет, на фото молодой улыбчивый парень с непослушной, вихром, чёлкой. Откуда ему было знать, что у берегов реки Тетерев нельзя, ни в коем случае нельзя прятаться от Выброса под землю, что там самая смерть, напротив, забираться нужно вверх, на деревья, крыши, хотя бы на остовы легковушек, но только чтоб от земли подальше. Да и знал ли он вообще, что такое Выброс? В «Потери гражданского населения в результате локальной, невыясненного характера катастрофы 2007 года» добавится и твоя фамилия, парень. «Обнаружил Лунь в с. Степное, в квадрате... сектор... номер акта... Обнаружил Сионист в ПГТ Иловище, в квадрате... сектор... номер акта...». А теперь, сталкер, представь, какие горы тряпья и костей будут лежать на улицах многомиллионных городов. Сколько его будет там, где сейчас смеются и плачут, дружат и ссорятся, рожают детей, где ещё не знают о том, что очень скоро по их солнечным улочкам прогуляется смерть. Пожелтеет листва в скверах и парках, обычная детская площадка с

песочницей, качелями и забытой на лавочке куклой станет смертельно опасной, а на клумбах под ослепшими окнами вместо астр и физалиса вырастут красные стрелы «снорчьего чеснока» и тонкие, острые ленты «пальцереза». Представь это, сталкер. И попробуй спокойно заснуть.

Хип, видимо, поняла это гораздо раньше меня. Или, может быть, просто почувствовала своим девичьим, тонким чутьём. Она теперь часто плакала по ночам, а днём не отходила ни на шаг, и я по мере сил старался хоть как-то её утешить.

Отвлекалась от своих тяжёлых мыслей Хип только во время рейдов в Зону. Там плохие думки отбрасывать надо, Зона их не терпит, и стажёр буквально оживал на глазах, а между ходками постоянно нудил: «Ну, Лунь, когда опять пойдём?».

«Скоро» — отвечал я. Ходить в Зону теперь нужно было часто: поганцы из администрации НИИ, узнав о плачевном состоянии сталкера Луны, ничтоже сумняшеся запустили лапу в его электронную сокровищницу. Выгребли с моего счёта почти всё — значилась в «договоре» такая статейка, согласно которой деньги сгинувшего сталкера переходили на «нужды НИИ». С условием, правда, что оный сталкер наследника не имел. Но, как показала практика, наследников у «уголовных элементов» никогда не находилось, а при попытке качать права сталкер, претендующий на роль оного, получал ответ, который можно кратко передать как «да кто ты такой, ваще?». Под шумок, как оказалось, своих, пока ещё скромных сбережений лишилась и Хип. При Барине такого бы не произошло. Умел он и «ботаников» построить, и сталкеров объединить. Осиротели мы без тебя, Барин.

Впрочем, тайник, в котором я хранил наличные, оказался цел. Под Коржино я забрал несколько редких артефактов из другого тайного схрона, оборудованного на «чёрный день». Ещё одним приятным обстоятельством стало то, что хабар здорово подскочил в цене — за «шаровую молнию» удалось стясти с «ботаников» аж пять с половиной тысяч в американских президентах, когда как раньше она стоила в лучшем случае три. Порадоваться бы, да времена изменились — зарабатывал сталкер Лунь на новые усиленные «Кольчуги», аптечки, специально для условий Зоны разработанные, штучного исполнения детектор, и он, зараза, в немалую копейку влетал. По-хорошему, надо бы приобрести пару «Абсолютов», мощная одёжа. Говорят, этому скафандру даже «кисель» нипочём, и не всякая «электра» его пробьёт. Радиацию тоже замечательно держит. Одна беда — тяжёл «Абсолют» непомерно, семнадцать кило вместе с гермошлемом, попробуй, потаскай его на себе денёк, света белого не увидишь. С другой стороны, возле Саркофага такой фон, что «Кольчуга» тебя ну никак не спасёт. Не зря, ох, не зря Доктор посылочку с «Жизнью» передал...

С погодой сегодня не ладилось: с самого утра зарядил мелкий, похожий на водяную пыль дождь. Сыпал он, тем не менее, настолько густо, что в ста метрах от развалин столовой бывшего пионерлагеря пейзаж терялся в мутной серой пелене. Отсюда были видны жёлтые глиняные откосы глубокого оврага, покосившиеся кирпичные столбики ограды, чёрные рёбра догнивающего штакетника. За ними — только серое, ватное покрывало холодной мороси. Сквозь дырявую, как решето, крышу на пол падали крупные капли воды, звонко шлёпали по сопревшему линолеуму, собирались в мелкие прозрачные лужицы. Многолика Зона, много у неё голосов, и одним из них, узнаваемым, привычным был звук падающих капель. Цок... цок... шлёп. Дзинь... цок... чок-чок... и тихое «сссссс» мелкой мороси по ржавым подоконникам и лохмотьям рубероида, свисающим с крыши.

— Мойте руки перед едой. Когда я ем, я глух и нем, — вслух зачитала Хип выложенные на белой кафельной стенке слова. — Прикинь, Лунь, у нас в школе то же самое было. В таком же порядке. Ну, ни капли воображения...

— Пионеру не к лицу пить, курить, и есть мацу. — Выдал я альтернативу. Странно... всплыло откуда-то из позабытой, прошлой жизни... да, верно, оттуда. И что такое маца?

Хип рассмеялась.

— Класс! Надо будет Сионисту рассказать.

— А при чём тут Сионист?

— Ну как... маца это типа хлеб такой еврейский, они его на праздник едят — просветила меня Хип. — Два часа уже, Лунь. Долго что-то «гарь» плывёт, как бы до вечера ждать не пришлось.

— До вечера это вряд ли. А что долго — это хорошо. После «гари» в этом овражке всегда «скорлупы» на пару-тройку контейнеров мается. Сегодня, глядишь, и пять наберём.

«Скорлупа» артефакт пусть и не особо дорогой, зато массовый. «Ботаники» его на килограммы покупают, а кило, между прочим, двести пятьдесят раньше стоило. Теперь, конечно, дороже. Внешне он ничем особо не примечателен — натурально, скорлупа, как от грецких орехов, очень похоже, только эта потяжелее будет, цвет другой и трещит, если пальцами потереть. Что в ней такого «ботаники» нашли, мне было неясно, однако в каждом номере «Докладов» обязательно мудрёная статья про эту самую «скорлупу» с кучей графиков и формул на пол листа. Зарождался этот артефакт исключительно в потоках «гари», пардон, «тяжёлого коллоидного газа невыясненного происхождения». В отличие от «скорлупы» «гарь» действительно впечатляющая вещь — и не жидкость, и газом не назовёшь, ползёт себе такая чёрная полоса по дну оврага, через камешки переваливает, на дым чем-то похоже, только очень густой и тяжёлый. Урчит, шипит, струйками плюётся — значит, ветка на пути попалась, или тушкан дохлый: любую органику эта самая «гарь» сожрёт, в самую себя превратит, и дальше по низинкам тихой сапой. По этой причине дорожки «гари» легко видны — чистые, словно вылизанные камешки и добела отмытый песок, ни щепки, ни травинки. А ежели какой новичок по недомыслию руку сунет — то и пуговицы, если металлические, гвозди от ботинок, пряжка в светло-серой такой золе. И зубы. Одни только зубы и оставляет от человека «гарь». Я посмотрел в окно. Чёрная ленточка всё ещё летела в овраг по плитам дорожки, значит, на дне этого самого оврага «гари» сейчас по колено. Ну что ж, подождём, благо, до темноты времени более чем достаточно.

Я достал сигарету, долго чиркал подмокшими спичками. Толку ноль. Плюнув на эту затею, я убрал курево во внутренний карман. Погодка, итить её, колотить... По небу медленно ползли сплошные тёмно-серые тучи, морось уверенно превращалась в обложной дождь. В разбитые окна столовой начал задувать холодный ветер. Не хотелось бы возвращаться по такой погоде — глинистые откосы под дождём превращались в настоящий каток, и съехать с тропы в аномалию было проще простого, тем более, что этого добра здесь было навалом. Прямо, метрах в трёхстах, разлеглась парочка мощных «дуговых», и соваться туда по такой погоде я бы не стал. Слева овраг с «гарью». Справа какая-то непонятная бяка, на «радугу» немного похоже, но не она, это точно — воздух над «радугой» так не дрожит и не светится, а тут натурально светомузыка, со звуком даже. Громыкает, жужжит под дождём, вспышки разноцветные, красиво, но то, что красота эта для здоровья бесполезная, к гадалке не ходи. Нашёл же Доктор местечко для встречи...

Согласно записям Доктора, Пенка должна придти именно сюда. Здесь либо состоится randevu, либо в самой столовой, в уголке, появится условный знак, пирамидка камней. Как-то это всё ненадёжно, расплывчато... слишком много «если». А ну как забыла Пенка, кто ж её знает? Или просто ушла в Зону, какое ей дело до людей, Доктор сам говорил, что она не человек. На сталкера навалась? Второй месяц на исходе, в пятый раз уже сюда приходим, и ничего. Как бы не пришлось топать к Монолиту без проводника. Тогда дело совсем дрянь...

А и поганое же здесь местечко, если подумать. Есть в Зоне мрачные, неприятные уголки, Коржино вот, например, или тот же Агропром, станция там есть железнодорожная, памятная станция, до сих пор снится, сволочь. Но с пионерлагерем «Звёздочка» даже её, заразу, сравнить нельзя. Гнобило меня здесь нешуточно, причём по совершенно дурацкой причине. Сказать кому, на смех поднимут... пионеры, блин. Статуи эти чёртовы. Насмотрелся я в Зоне всякого, врагу не пожелаешь, всё видел — и человечину, по стенкам размазанную, и что «жарка» со сталкером делает, и зомби с полными черепушками опарышей, и как эти самые опарыши из носов сыплются, тоже вряд ли забуду. Тошнило поначалу от всего этого, ох, как тошнило, желчью, до спазмов пустого желудка, до боли в глазах, а потом по привычке. И после всего этого — парочка пионеров гипсовых меня просто в

натуральную депрессию вгоняет. И вроде ничего такого нет в них, подумаешь, горнист да барабанщик, ну, понятное дело, уделал их климат Зоны здорово, зеленью да пятнами чёрными покрылись, гипс потрескался, заплесневел. Но вот улыбки остались. Улыбки, чёрт бы их подрал. Хотел я по ним с «Сайги» карточью дать, да Хип не поймёт, напугаю ещё девочку — с чего это, интересно, Лунь по статуям патроны жжёт? Не началось ли опять? Про себя я решил, что обязательно снесу эту гадость — сколько не отводи взгляд от слепых гипсовых глаз и улыбочек этих, мерзких, бессмысленных, а всё равно потом посмотришь. Притягивает. Страшное что-то есть, безобразное в их грязно-белом цвете, в пятнах этих, оспинах чёрных, руках, в вечном салюте вздёрнутых, и всё это на фоне хмари и кустов почерневших.

Хип порылась в карманах и выудила сделанную под «Зиппо» потёртую зажигалку, пощёлкала клавишей.

— Надо же, ещё горит... держи, Лунь.

— Спасибо... — я прикурил от крошечного, похожего на синий шарик огонька, вернул зажигалку. Хип тут же убрала её в карман.

— Слушай... хотел спросить, да всё забывал. Зачем ты её таскаешь? Вроде сигарет я у тебя не видел...

— На память. Килька курила. — Хип заметно погрузтелась, отвернулась к окну. Ляпнул, дурак... чтобы отвлечь девушку от невесёлых мыслей, я нарочито бодро встал, одёрнул ремень и махнул рукой в сторону бывшей спортивной площадки.

— Вот что, стажёр. Давай-ка прошвырнёмся вон до тех домиков, думается мне, без трофеев не останемся. Аномалий там нет, но арты частенько попадают. Ну, двинули...

Трое суток в Зоне не то, чтобы много, бывало и больше, но вымотались мы здорово. Две ночёвки в полузатопленном подвале котельной, спать пришлось на гнилых и насквозь мокрых досках. «Кольчуга-М» костюм непромокаемый, но из-за пробиравшегося сквозь многослойную ткань холода создавалось полное впечатление, что мы вымокли до нитки. Третья ночёвка состоялась в ржавом гараже, и выспаться также не получилось — мы поочередно дежурили, держа под прицелом дырявую дверь с хлипким засовом, а вокруг гаража кто-то всю ночь шуршал жухлой травой и изредка пищал почти на ультразвуке. Хотелось думать, что это была не «кикимора». Впрочем, ходку эту неудачной никак не назовёшь — одной «скорлупы» набрали столько, что пришлось высыпать её из контейнеров прямо в рюкзаки — арт этот не радиоактивный и для здоровья не вредный, но тащить почти девять кило тоже было непросто. Контейнеры нам нужны были под другие артефакты — Хип надыбала крошечную, но достаточно мощную «золотую рыбку» и пару штук «чёртовой крови», я нашёл «радужное кольцо» и приличный ком «рыжего воска», не считая пяти «трутовиков» и двух великолепных «острых плёнок». На обратном пути, уже недалеко от Периметра, я снял с куста «узел», довольно редкую вещь даже в глубине Зоны. Удивительно невзрачный на вид, этот артефакт напоминал пучок тонкого серого шпагата, скрученный в тугую жгут. И не скажешь, что пучок этот десять тысяч в зелёных деньгах стоит. Не скажешь, пока в руки не возьмёшь. Твёрдый, как камень, весит он меньше, чем тополиный пух — на землю бросаешь, и он медленно так, плавно опускается, ветерком его колышет. Чудная, ей богу, штука, и пользы от неё никакой вроде нет, но физики НИИ за неё чёрту душу продать готовы. Я не я буду, если с них пятнашку за «узел» не стрясу. А ещё лучше — сразу бартерную сделку: «ботаники» списывают две новейшие «Кольчуги-2М» и «теряют» в Зоне модернизированный детектор, взамен находя «узел», «острые плёнки» и, да ладно, чего уж там, всю «скорлупу» и «золотую рыбку».

На пропускнике никаких проблем не возникло. Нам даже не пришлось использовать новенькие идентификационные карты — я лучезарно улыбнулся сытому (кило этак на сто тридцать) сержанту с ословелым взглядом, военнотружаший что-то глухо буркнул и махнул рукой. Мол, проходите, не задерживайтесь...

На Бар я даже не посмотрел. Туда теперь ни ногой, как бы ни хотелось после Зоны пропустить каплю горячительного в организм. Сходим сначала в НИИ, сольём хабар, потом домой отсыпаться...

— Лунь, чертяка! Ты, что ль?

Я обернулся. Из пропускника выходил Лихо.

— Ё-моё! Точно! А мы с ребятами всё думаем, где тебя носит? Чего не заходишь?

— Здоров будь, Лихо. — Я пожал жёсткую ладонь, хлопнул сталкера по плечу. — А куда заходить? В эту, как её, «Южную ночь»?

— Лунь...

— Ну?

— Есть такая штука на свете. ПМК называется. Ценная, я тебе скажу, вещь. Про погоду там, карту, про Выбросы, хабар разный написано. Буковки знакомые посмотреть можно хотя бы даже в новостях. Ну, а если читать совсем не любим, то...

Лихо кивнул в сторону Бара. Ё-моё! Вывески с красоткой уже не было. Вместо неё мигала зелёными и красными огоньками незамысловатая «иллюминация» вокруг куска крашеной жести с надписью «БАР».

— А в НИИ не ходи, не пустят. Куда нам, с суконным рылом, да в калашный ряд. Айда, по маленькой после ходки. Бивень там теперь заправляет, Куцего уволили. Сам увольнял. — Лихо ухмыльнулся и продемонстрировал здоровенный кулак.

— В таком случае идём. По маленькой и в самом деле не помешает, — согласился я.

— В натуре, мужики, кукла это была. Я, блин, чуть в штаны не наделал. Жуть, ё!

— Гы...

— Трепло...

— Слышь, Бушмен, да ты, видать, с Армейских возвращался.

— Ну так, с Армейских. Откуда знаешь? От блин, мужики, стрёмно в этой деревеньке. Иду, значит, иду, а она, сволочь, на подоконнике скачет. Кукла, ё! Такая, знаете, советская, которые ещё глаза закрывают. Ё, мужики! Охренеть! Прыг, блин, скок, руками машет, и зенки её в башке перекатываются, гремят, ё! Ё! Я, блин, уже чуть в штаны...

— Ну, говорю же, с Армейских Бушмен топал. Слышал я, что там местные мутантный сорт конопли вывели. Псевдошмаль называется. Говорят, башню на раз сносит, страшная штука. Слышь, друг, завязывал бы ты с этой дрянью... а то в штаны и в самом деле нафигачишь, сиди потом с тобой за одним столом.

— Га-ааа...

— Гыы...

— Да чё вы, блин? Во, глядите, ё...

Бушмен рванул тесёмки рюкзака, достал из него большой контейнер, отвернул крышку. На пол Бара вывалилась обгоревшая кукла.

— Итить твою налево... — выдохнул кто-то.

Кукла зашевелилась. Медленно поднялись и опустились руки, заскрипел песок в пластмассовых суставах, повернулась голова — кукла словно осматривала помещение.

— Слышь, Бушмен, ты ваще офигел? Ты чё, блин, творишь? Жить надоело, на?

— А чё такое?

— Нахрена ты её вообще трогал? Знаешь, что с такими чудилами в Зоне бывает? Да ещё и сюда припёр, дебил...

— А она чё? Тово?

— Хрен её знает. Это, блин, Зона! От дебил, а... в следующий раз «кикимору» потрогай, идиот.

— Слышь, мужики, а, может, это типа артефакт? Мой кореш намерен дверную ручку ботанам за три с половиной тыщи продал...

Бивень отложил в сторону полотенце, которым только что насухо вытирал стаканы, поскрипывая протезами, вышел из-за стойки.

— Ну, артефакт это. Темпоральная складка, ботаники её так называют. А ты, парень, натурально в рубашке родился. Гадостная это штука. Непредсказуемая. — Бармен осторожно пододвинул куклу к контейнеру ручкой от швабры. — Забирай её отсюда, и побыстрее. Дома не храни.

— Лунь, а чего она шевелится? — Тихонько спросила Хип.

— Кто ж её знает... — я пожал плечами. — Вроде, читал про такое в «Докладах». Кажется, там что-то со временем не так. Тридцать лет назад с ней девчушка какая-нибудь игралась, ну, а кукла теперь повторяет все движения. Складка времени, пограничный объект, всё такое. Ну, помнишь, школа бывшая, к которой подходить вообще нельзя?

— Ага... — Хип поёжилась. — До сих пор звонки слышны... бррр...

— Ну вот, из той же оперы. Правда, насчёт времени это не доказано, так, гипотеза.

— Зона... — прошептала Хип.

— Вот это точно ты сказала. Зона, — кивнул Лихо. — Да только сдаётся мне, что фигня это насчёт времени. Не, здесь другое... совсем другое. Дома вот, например. Идёшь мимо них, особенно если ночью, и кажется, что они как будто стонут, что ли, тоскуют, наверное. В Коржино квартира одна есть, ночевал там. И всю ночь на кухне кто-то тихонько так, жалобно плакал, словно ребёнок. Я пару раз заглядывал туда — пусто, конечно, и плач сразу смолкал, а потом опять еле слышно. Как во сне дети плачут, похоже очень. Ох, и жутко мне там было. И, сдаётся мне, это сам дом плакал. Не только людям в Зоне страшно бывает.

— Э, Лихо, да ты, похоже, перегораешь. Ишь, чего выдумал — дома стонут. Такого даже здесь не случается. — Прохрипел с соседнего столика незнакомый мне сталкер в залатанном комбинезоне. — Ты это... тово... фантазёр.

— Типун тебе на язык, Батл. — Огрызнулся Лихо. — Смотри сам не перегори, блин. А не веришь, вон, сходи к Мешковской восьмилетке утречком, послушай, а потом уже тринди. Звонки там до сих пор по расписанию, часы сверять можно. В саму школу только не суйся, а то ума хватит.

— Да, Батл, в натуре, сам слышал. — Кивнул Гопстоп. — Восьмилетка эта вообще стрёмная. Мячик там во дворе лежит, под турниками. Со Второй лежит под солнышком да дождичком, а как будто только вчера его там забыли, как новенький, блестит даже. Рядом с ним сталкер какой-то гробанулся, так уже и костей не видать, а мячику хоть бы что.

— Не какой-то, а Герасим. Мировой был мужик. — Лихо разлил остатки водки по четырём пластиковым стаканчикам. — Ну, братья и сёстры, давайте за тех, кто не вернулся из Зоны.

— Слышь, Бивень, а водка-то палёная. — Скривился Гопстоп. — Не бери её больше.

Водка действительно была дрянная. Да и колбаса тоже далеко не фонтан, одна соя и перемолотые хрящи. Плохо всё-таки без Барина.

— Найди хорошую. Буду благодарен. — С раздражением в голосе ответил Бивень. — Зажрались вы, как я погляжу. О, опять...

В Бар зашли двое. Один, с одутловатым бледным лицом, сутулый и какой-то незаметный, сразу прошёл за крайний столик, медленно сел и обвёл Бар острым, внимательным взглядом. Второй, молодой дылдоватый сержант с тяжёлой нижней челюстью и редкой щетиной под носом, которая, видимо, должна была изображать усы, подошёл к стойке.

— Как обычно, — буркнул он, и бармен налил две рюмки коньяка.

— Безнадёжное это дело. Зря только время тратите. — Сказал Бивень.

— Сами разберемся. Объявление зачем снял?

— Ага. Сталкеры там такую похабень нацарапали, смотреть стыдно. Дохлый номер, ребята.

— Разберемся. — Повторил сержант. — Так, значит. Внимание всем! Граждане, имеющие опыт выживания в Зоне! Приглашаем вас поработать на благо родной страны.

Оклад от тридцати до пятидесяти тысяч рублей в месяц плюс премиальные и оплачиваемый отпуск. Жильё бесплатно. Кгм... вакансии: старший лаборант и инструктор.

— А иди ты...

— Вы, что ль, бумажку тут повесили?...

— Какая Зона? Э, братец, ты чего-то попутал. Здесь таких нет.

— Замануха...

— Ну, Василий Андреевич, что я вам говорил? — Сержант картинно развёл руками. — Бесплезно с этими разговаривать. Кодла.

— А в зуб? — поинтересовался Бушмен.

— Рискни здоровьем. — Окрысился сержант. — Щас взвод ОМОНа пришлю, устроят вам маски-шоу...

— Помолчи, Коля. — Бледный досадливо махнул рукой. — Нельзя так. К людям подход нужен, уважение. Мужики! Такое дело... не от хорошей жизни мы к вам пришли. Люди у нас гибнут. Учёные, солдаты, лаборанты. Только вы и можете помочь. Не я вас прошу, страна просит.

— А что такое? — Спросил Фреон.

— А такое, мужики, что Зон теперь аж целых три.

— Василий Андреевич, секретно же... — зашептал сержант

— Фиг с ним. Тоже мне, секрет. Все уж знают. Ну, что скажете?

Фреон помолчал, допил пиво и с хрустом смял пустую банку.

— Расскажу я вам историю, ребята. Жил-был на белом свете дядя Гриша. Были у дяди Гриши жена и дочка, и работа была интересная, нужная — ковал Гриша оружие для родной страны. Гордился он и страной своей, и работой тоже гордился, потому как был дядя Гриша патриот. А вот жена у него патриотом не была. Достали её пустые макароны да сырые коммуналки, надоело ей платя свои старые штопать. Ушла от дяди Гриши жена к москвичу с квартирой. Осталась у него дочка умница. Ничего, сказал дядя Гриша, переживём. И дальше стал работать на родную страну и пустые макароны есть, потому что он был патриот. Город, где жил дядя Гриша, был закрытый, а в городе этом был завод секретный, и так случилось, что и город этот, и завод стране вдруг не нужны стали. Остался Гриша без работы. Ничего, сказал он, и это переживём, хоть и макарон не стало. Тогда стал дядя Гриша фермером. Землю вспахал, свинок, курочек завёл на кредит банковский. Коптильню построил даже, окорока, колбасы хорошие делал, люди хвалили. И начала родная страна всяких разных чиновников да инспекторов к дяде Грише посылать, и кормились они с Гриши не хило. Ладно, пережил и это многострадальный дядя. Братков вот не пережил. Не поверили братки, что всё до них уже чиновники скушали, и запылала ферма ясным пламенем вместе со свинками и курочками, а банк забрал у него квартирку. Пошёл дядя Гриша в милицию, которая его берегла. И послали там дядю в короткое путешествие, и пошёл Гриша, и поселился в подвальчике, и грузчиком на складе работал, а дочка его в восьмой класс пошла, когда врачи у неё болезнь нашли. Завод секретный, оказывается, для здоровья совсем не полезный был, особенно детского. И побежал дядя Гриша по инстанциям дочкину жизнь вымалывать, и вторично послала его родная страна. Схоронил Гриша дочь свою, посмотрел на все эти дела и исчез. А вместо него сталкер Фреон появился, и Фреон этот патриотом не был. Всё тебе ясно, Василий Андреевич? Так что канай отсюда вместе со своей страной и больше здесь не появляйся.

— Ладно. Чёрт с ней, со страной. — Неожиданно легко согласился бледный. — О людях подумайте. Они же умирают там. И у них семьи есть. Жёны, дети. От вас только требуется научить, или проводниками поработать... Деньгами не обидим. — С каким-то презрительным пониманием добавил он.

— А вы, наверное, на работу приглашаете? Ну, там, объявления, горы золотые, милости просим? — Спросил Гопстоп.

— Ну, да...

— Ну и дурачьё. Никто к вам не пойдёт. А вы бы колючкой Зону оградили, таблички повесили «Не влезай — убьёт», вышек с солдатнёй понатыкали. У нас как — раз страна

просит, значит, это хрень и замануха, и ничего хорошего там не будет. А вот ежели забор и охрана, да «вход запрещён!», значит, что-то ценное от народа прячут. Скажите только солдатне своей, чтоб в людей не стреляли. — Глаза Гопстопа на секунду потемнели. — Пусть для вида только маячат. И через месяц-два бар откройте, и будут вам и проводники, и хабар, и всяческая благодать. Всё вас учить надо, как дети, честное слово...

— Гааа...

— Гы-ыыы... точно, мужики, Гопстоп сказал, всё так.

— Хм. — Бледный махнул рюмку коньяка, кивнул сержанту и они вышли из Бара.

— Брехло... три Зоны. — Бушмен проводил взглядом сержанта. — Это только у нас их три. У америкосов тоже есть, и, говорят, не хилая. Половина Невады.

— На Новой Земле точно...

— И в Семипалатинске.

— Это что же, мужики, получается? Плодятся они, что ли?

— Под Челябинском уже арты находят. Медузы, выверты, по мелочи, в общем. Может, махнуть туда?

— Флаг в руки. Давай, вон тот мордатый тебя дожидается, всё думает, как же мы там, в Челябинске, без Шкета? Кто ж нам «капли» со Свалки носить будет?

— Да там и Свалки, наверно, нет...

— Зато «капли» есть. На большее-то рассчитывать не приходится. Так ведь, великий сталкер Шкет?

— Да пошёл ты...

— Кого послал?!

— Начинается, — буркнула Хип. — Детский сад, блин. Спокойно посидеть не дают.

— А, ладно... поорут, да успокоятся. Первый раз, что ли? — Я подобрал с пола рюкзак, кивнул Бивню. — Принимай товар, хозяин.

«Кольчуга-2М» порадовала. Действительно порадовала. Эх, такой костюм, да пораньше бы... молодцы разработчики, ничего не скажешь. Такое ощущение, что прислушались они к чаяниям сталкера Луня: на что хороша была предыдущая модель, но эта вот... мда... просто здорово.

Лёгкая керамическая броня, и уже не в виде мелкой чешуи, как раньше, а аккуратными пластиночками внахлест, и сами пластинки хороши, солидные такие, широкие, и, если верить Бивню, пистолетную пулю держат без проблем. Сверху несколько слоёв нетканого материала с какой-то хитрой добавкой, «изолитекс», что ли... а, неважно, как называется, главное, прочный как кевлар и очень стойкий, ни кислота, ни «красный дождь» не возьмут. Радиация... да, вот с радиацией такая же беда, что и в старой модели, слабенько, что уж тут. Спасибо хоть, от разрядов немного заизолировали. В остальном — всё та же старая добрая «Кольчуга-М», здорово, что ни берцы, ни разгрузку никакими нововведениями не напичкали — лучшее, как известно, иногда враг хорошего.

— Чего мне стоило эти костюмчики для вас выцыганить... — буркнул Бивень. — Упёрлись эти ботанические жлобы, и ни в какую. У самих, мол, на складе всего дюжина, бери, Бивень, «Ксеноны». Со скидкой. А на фиг они мне нужны? Зелёным, разве что, продавать, так и они уже плюются. Ты, Лунь, это... не говори, что я тебе «Кольчуги» добыл. Всю плешь сталкеры проедят.

— Спасибо, дружище. За такие жертвы в качестве компенсации забирай старые. Состояние у них отменное, продашь без проблем.

— А вот за это вам от меня благодарность. — Бивень охотно забрал наши «Кольчуги-М», сноровисто спрятал в шкаф. — Ну и список тут у вас. Далече собрались?

— Далече. — Вдохнул я, и бармен, поскрипывая протезами, начал ходить вдоль стеллажей, набирая консервы, патроны, фильтры.

И стало мне вдруг страшно. Смотрел я на то, как ложатся на стол банки с тушёной, пачки патронов, галеты, бинты, и нехорошо мне было от этого зрелища. Всё. И костюмы есть, и детектор новый, и рюкзаки под завязку набиты... теперь только идти. И в первый раз я действительно, всерьёз пожалел, что толкнула меня нелёгкая на сталкерскую дорожку. Было, конечно, и раньше, часто было так, что зарекался сталкер Лунь в Зону ходить. Но Выбросы утихали, мутанты уходили, заживали раны, отлёживался Лунь и усмеялся потом: «надо же, какой пустяк, а сколько дурных мыслей в голову пришло...» И в «тине» сидел, люто ненавидя Зону и заодно весь белый свет, и «окончательно и бесповоротно» завязывал с Зоной не раз, а всё равно потом уходил. Но такого, чтоб инстинкт настойчиво не шептал даже, а буквально орал — «не ходи!», ещё не было. Ни разу.

— Как-то мне не по себе, Лунь. — Хип поёжилась и зачем-то стала царапать ногтем наклейку на консервной банке.

— Прорвёмся, стажёр...

А что я мог ещё сказать?

«В своей рецензии на статью профессора Зотова В. И. я, пожалуй, впервые за много лет не удержусь от резкой критики. Засилье псевдонаучного бреда, уважаемый коллега, ни в коей мере не должно касаться людей, смеющих называть себя учёными. Тем более обидно то, что в предыдущих своих работах вы приятно поражали меня смелостью научной мысли, строгими, выверенными умозаключениями и прекрасной экспериментальной практикой. Право, не ожидал я такого от вас, коллега. С подобными заявлениями уместно было бы выступать на собраниях каких-нибудь сектантов, но уж никак не на научном совете! Что вы себе позволяете?

Самое интересное, что никто из учёного совета не отреагировал должным образом ни на само выступление Зотова В. И., ни на то, что статья, практически полностью повторяющая данное, с позволения сказать, выступление, была опубликована в «Докладах». Это форменное безобразие! Мне стыдно даже разбирать подобное в рецензии, просто повторять некоторые тезисы доклада вне моих сил. Скажу лишь, что для учёного безнравственно и в высшей степени безответственно заниматься предсказаниями «конца света» «иммунных реакций планеты» и прочего НЕ научно-фантастического бреда. Этот упрёк с моей стороны и вам, уважаемые члены научного совета. Действительный член РАН, академик Смирнов Д.Я.».

— О как... — Хип закончила чтение вслух и отложила последний номер «Докладов». — Вот сволочь. За такие вещи в приличном обществе морду бьют. Когда выходим, Лунь? — Совсем тихо спросила она.

— Завтра, стажёр. Дойдём до пионерлагеря, подождём ещё немного, и вперед, спасать человечество. — Я подавил нервное хихиканье, прикрепил к шомполу свежий кусок ветоши и начал доводить ствол «Сайги» до зеркального блеска. — Пистолеты почистила?

— Вчера ещё... — Вздохнула Хип. — Как думаешь, Лунь, дойдём мы без Пенки?

Замечательный вопрос. Хотелось бы мне знать на него ответ.

— Обязательно дойдём, стажёр.

— А почему шёпотом?

— Чтоб Зона не услышала. — Подмигнул я. — Ну, что у нас там дальше по плану?

А дальше у нас был праздник. На деньги, оставшиеся после покупки необходимого снаряжения, затоварились мы с Хип бутылкой хорошего вина, какими-то разносолами из недавно открывшегося в Чернобыле-7 минимаркета и сервировали вполне приличный ужин при свечах. Я запустил на персоналке диск с музыкой, и мы провели этот вечер так, словно он был последним в нашей жизни. Как знать, может, и в самом деле последним...

— Всё, привал. — Скомандовал я, сбрасывая рюкзак. Отмахали мы сегодня прилично, но до бывшего пионерлагеря оставался ещё, по меньшей мере, десяток километров. До темноты точно не дойдём, тем более, что после полудня на землю лёг густой туман, а в

тумане уважающий себя сталкер ходить не станет. Звуки искажаются, аномалию проморгать можно на раз, в общем, для ходки погода неудачная. Зато для ночёвки место очень хорошее — старый Кордон, брошенный сталкерами после Третьей. Глухо здесь теперь: аномалий почти нет, но и хабара тоже не найдёшь, поэтому посещался сталкерами бывший Кордон редко и неохотно. Но в качестве укрытия на ночь лучше места и не найти — глубокий бетонный бункер какого-то давным-давно сгинувшего торговца был, как мне кажется, самым безопасным местом в Зоне, если таковое вообще возможно представить.

— Деревня какая-то. — Хип осмотрела проваленные крыши, горки ржавых консервных банок в бурьяне, остов «Нивы». — Но, по ходу, жили здесь. Вон, кострищ сколько осталось.

— Это, стажёр, в некотором роде знаменитое место. Кордон, он же деревня новичков. Многие нынешние ветераны здесь начинали. Тут был большой лагерь сталкеров, пока Третья не шарахнула. А вон там, за холмами, раньше армейский блокпост был, ворота Зоны. Мало что от него осталось, «кислотной колючкой» всё заросло да «жгучим пухом».

Шорох. Протяжный стон, и не поймёшь, где — туман. «Помоги-ите... кто-нибудь...».

— Тихо, Хип.

Я прислушался. Стон повторился, коротко, сухо треснула веточка.

— Подожди здесь. — Я кивнул на ближайший дом. — Похоже, вляпался какой-то дурак в «присоску». Я сейчас.

Хоть и небогат Кордон на аномалии, но «глухари» и «присоски» всё же встречаются. Не смертельные эти штуки сами по себе: первые оглушают минимум на сутки, только звон в ушах стоит, вторые, подлюги, «приковыывают» — если влез, то как муха на липкой бумаге барахтаться будешь. Крепко схватывает «присоска», одному нипочём не выбраться. Правда, чтобы влезть в неё, особый талант нужен — хорошо видна аномалия, даже зелёный новичок за десять шагов разглядит и спросит, что это там, мол, в траве серебрится?

Я ошибся. Не в «присоске» было дело. Молодой парень в сильно изношенном, явно с чужого плеча комбинезоне лежал на боку, держась обеими руками за живот и негромко, протяжно стонал.

— Что случилось?

— С-снорк... зараза... помощи.

— Потерпи. Сейчас полегче станет. — Я достал из бокового кармана аптечку, выковырнул из неё шприц с анестетином. Снорк, значит? Ох, и скверные раны после этой твари остаются, лёгкими их никак не назовёшь. Без мощных антибиотиков пиши пропало — нагноится, гангрена пойдёт, а если проникающее, то дело совсем дрянь.

— Спокойно. Не дёргайся, это обезболивающее. — Я склонился над раненым. — Сильно он тебя?

— Не. — Паренёк вдруг улыбнулся, а мир исчез в короткой ослепительной вспышке.

Ох, чёрт... вся правая сторона головы раскалывалась от тупой, пульсирующей боли, глаза отказывались открываться, во рту стоял солёный привкус. В ушах шумел прибой, ныли связанные, начинающие затекать руки.

— Ты, придурок... а ну как сдохнет? Нахрена ты его так долбанул? У жмура про тайники спрашивать будешь?

— Ништяк. Очухается. Я ж слеганца.

— Видел я, как слеганца. Если очочурится, я тебя, падла, самого за хабаром в Зону пошлю.

— Э, Бугор, ты базар-то фильтруй. А то как бы чего не вышло. Случайно так. Слеганца, гы...

— Ну, ты оборзел, в натуре... кому диктуешь, сявка?

— Прав Зуб. Хоть ты и босс, а пацанов огорчать не надо... гляди, очухался. Эй, олень, глазки-то открой!

Чьи-то руки грубо дёрнули меня за шиворот, подняли.

— Сидеть, на... Муха, сметнись за сюрпризом.

Мне, наконец, удалось разлепить опухшие веки.

— Здорово, Лунь. Давненько не виделись.

— Саранча. Прав был Барин. — Прохрипел я.

— Это в чём же прав был покойничек? — Поинтересовался Саранча, здоровенный, под два метра ростом, детина с тупым взглядом, и похожим на полную луну угреватым лицом. Старый знакомый, угораздило меня как-то раз даже в ходку с ним отправиться. Мой крестник — ночью сожрал бывший стажёр свой трёхдневный рацион и половину моего, после чего смотался по-английски. Говорил потом, что страшно в Зоне стало, вот и ушёл, а я как дурак его двое суток по холмам да буеракам искал. Набил я ему потом морду, и до Хип стажёров у меня больше не было.

— А в том, что сволочь ты. — Я поискал глазами Хип. От сердца отлегло — в подвале, кроме меня, Саранчи, и ещё четырёх молодчиков бандитского вида, никого больше не было. Ушла. Умница, Хип. И даже жестокий удар армейского ботинка по рёбрам не смог стереть с моего лица улыбку.

— Хамите, парниша. — Сказал Саранча. — Нехорошо, Лунь, так со старыми друзьями.

— О, ништяк у тебя, Рыло, погоняла была. В натуре, саранча. Жрать ты горазд. — Заметил один из бандитов.

— Ну дык.

— Вы чё сюда, базарить пришли? — Захрипел прокуренным басом ещё один, деловито копающийся в моём рюкзаке. — Рыло, урод, ты чё фуфло нам толкнул насчёт этого оленя? Он пустой, на! Аптечки да консервы, ни одного арта! Нахрена мы его столько времени пасли?

— Не кипишись, Бугор. Он и без артов не хило упакован. Волына недешёвая, костюмчик тоже богатый. — Саранча поднял руки. — И схроны у него есть.

— Так он тебе и расколется, на.

— Расколется... когда мы шмару его сначала по кругу пустим, а потом глазки ей малость поцарапаем этой вот иголочкой. — Саранча, ухмыляясь, продемонстрировал шприц-тюбик с обезболивающим. Тот самый, из моей аптечки.

— Ах ты, мразь... — я рванул из пут, но скрутили меня крепко, похоже, проволокой.

— Видали. Проняло землю... ра-асколется. Слышь, Муха, заноси.

Муха, тощий, совсем ещё молодой парень с бегающим взглядом и узким, хищным лицом затащил в подвал связанную Хип.

— Укусила, падла... слышь, Бугор, чур, я после тебя.

— А морда не треснет? — Поинтересовался тот, кого, видимо, звали Зубом. — Ты, баклан, чуть всё дело не запорол. Где должен был торчать?

— Ну, возле забора...

— А какого хрена ты, урод, сюда попёрся?

— Муха, захлопни пасть... — захрипел Бугор. — И ты, Зуб, тоже не воняй. С тобой вообще отдельный базар будет, падла оборзевшая. Забыл, сука, где я тебя подобрал? Напомнить? Ну, чё, олень... — Бандит обращался уже ко мне. — Перетрём без понтов?

— Развяжи — поговорим.

— Ага. Щас. — Ухмыльнулся Бугор. — Учти, сталкерюга, пацаны мои голодные, а Муха ещё и мясник. Даже мне смотреть противно, что он с бабой вытворяет.

Я изо всех сил попытался разорвать путы. Проволока врезалась в кожу, по запястьям поползли тёплые капли.

— Нехорошей смертью ты сдохнешь, мразь.

— Все мы смертные. — Бугор пожал плечами. — Но сначала ты, а потом я. Ну, ребята, готовьте невесту. Жениться будем.

Никогда не мог представить, что обрадуюсь этому звуку. Тихий писк в ушах обычно означал одну из самых паршивых ситуаций, которые могли случиться в Зоне. Тихонько, едва слышно пищит, и если кто не знает, что это, даже внимания не обратит. Бугор знал.

— Контролёр... твою мать! — С неподдельным ужасом захрипел он, окончание фразы я не расслышал — писк в ушах превратился в сверлящий, пронзительный свист, сквозь который с трудом пробился крик Саранчи. Свалившись со стула и обхватив голову руками, словно это могло спасти его от пси-атаки, Саранча звонко, по-бабьи визжал, пытаясь

забраться под гнилую кровать, что при его комплекции было очень непросто. Бугор молотил из автомата в проём двери, жёг патроны в белый свет, как в копеечку, остальные бандиты бестолково метались по подвалу. Первым сдался Муха.

Всего один раз в жизни я видел, как меняется взгляд человека, разум которого сжигает контролёр. Сначала зрачки сжимаются в точку, затем, через пару секунд, глаза начинают смотреть в разные стороны, как у хамелеона. Правый может глядеть вниз, левый поворачивается к переносице. Агония перегорающего мозга длится недолго, всего секунд десять, и взгляд вдруг становится ясным, бессмысленным, а из приоткрывшегося рта начинает стекать струйка обильно выделяющейся слюны.

Муха медленно достал из кармана «Макаров», оттянул затвор, и выстрелы в замкнутом пространстве подвала прозвучали громко и резко даже сквозь жестокий, сверлящий свист в ушах. Первая пуля вошла в затылок Бугра и вышла через глаз, вынеся за собой розовое облачко. Вторая вырвала лохмотья синтепона из старой засаленной куртки. Бугор отвесил земной поклон, словно встречая свою смерть, затем рухнул на колени и медленно завалился на бок. Муха тем временем в упор расстрелял ещё одного бандита и направил пистолет на Саранчу. Стрелять он не стал, потому что Саранча уже поднимался с пола, и достаточно было лишь взглянуть в его лицо, чтобы понять, что свита контролёра увеличилась ещё на одного участника.

— Хип! — Крикнул я изо всех сил. — Вода! Думай о воде!

Хип услышала, кивнула, зажмурила глаза. Река. Широкая, чистая, с прохладной водой и заросшими сосновым лесом берегами... журчат родники, плещет о песчаный берег волна от пронёсшейся по плёсу моторки. Нет Зоны, нет меня, нет подвала. Река, широкая чистая река, только она существует на всём белом свете. Представляй её, сталкер, ясно представляй, иначе случится с тобой нечто хуже смерти.

Писк в ушах прекратился внезапно, словно его оборвали. Двое зомби, мыча и пуская слюны, топтались посреди подвала, третий, с простреленными ногами, безуспешно пытался встать. В воздухе пахло пороховой гарью. В наступившей тишине послышалось цоканье когтей — в подвал осторожно спускался слепой пёс. Крупный, с хорошего дога, он водил по сторонам безглазой мордой, сипло втягивал воздух, глухо ворчал, учуяв ненавистные запахи людей и пороха, но, подчиняясь чужой воле, шёл дальше. За ним в подвал спустились ещё две собаки-мутанта помельче, с лысеющими шкурами, покрытыми палевой клочковатой шерстью. Наконец, послышались тихие шаги. В подвал спускался контролёр. «Вот и всё. Как глупо получилось» — мелькнула мысль. Сталкеры от старости не умирают, и ты хорошо это знаешь, Лунь.

— Прости, если что не так, стажёр.

Сгорбленная фигура в грязном плаще мягко сошла с лестницы, приблизилась к раненому зомби и долго, словно в раздумье, стояла возле него.

— Плохо. Не годится. Не пойдёт дальше. Убить. — Проворчал знакомый голос. Пенка?

Длинная белая рука выстрелила из складок плаща со скоростью молнии, сочно хрустнул проломленный череп.

— Эй. — Тихонько окликнул я.

В существе, которое обернулось на мой зов, от прежней Пенки мало что оставалось. От известково-белого лика веяло настолько чужим, диким дыханием Зоны, что по коже пробежали мурашки. Мутант по-собачьи наклонил голову, изучая меня, оскалился. Надо же, раньше и не замечал, насколько у неё хищные, острые зубы...

— Лунь... Хип... искать. Тебя. Тебя. — Да, голос её, девичий, звонкий, но ничего человеческого в нём уже не было. От картины, что рисовал Доктор, на стекле остался лишь бледный призрак. — Идешь Монолит. Доктор. Надо. Время. ХРА-Гррр...

От громкого утробного рыка зомби словно очнулись, подобрали рюкзаки и оружие, дёргаясь, будто испорченные заводные куклы, начали подниматься по лестнице. Один из слепых псов приступил к трапезе, обгладывая руку мёртвого Бугра. Словно получив сигнал, остальные собаки присоединились к нему, пяток тушканов, азартно визжа, запрыгнули в подвал. Запахло кровью и трбухой. Под рвущие звуки, хруст, чавканье я услышал рёв не

пролезшего в дверной проём голодного псевдогиганта. Пенка, не обращая внимания на свою свиту, уселась в углу и замерла, ожидая, пока мы избавимся от пут — мне и в голову не пришло попросить её развязать проволоку. Пускай уж там сидит, не подходит...

— Время. Идти. — Повторила она.

Они шли по Зоне. Не старый ещё, но совершенно седой сталкер с сумрачным взглядом, юная девушка и мутант в длиннополом тёмном плаще. Шли, чтобы выполнить последнее желание Доктора, и разорвало в аномалиях двух зомби и всех слепых собак, и их гибель показала им безопасный путь. И уступил им дорогу матёрый контролёр, увидев оскал мутанта в тёмном плаще, и не посмела напасть химера, сама смерть, урча от злости, следила за ними из пустых окон Припятских домов. Они шли, потому что впереди их ждал лазоревый свет гигантского кристалла в отравленном радиацией воздухе Саркофага, потому что мысль Доктора, записанная на кусочке испорченной фотобумаги, должна была дойти до Монолита. И они дошли, и услышал Монолит: «ПОСМОТРИ НА ТЕХ, КТО ПРИШЁЛ К ТЕБЕ. ЗАГЛЯНИ В ИХ ДУШИ И ДАЙ НАМ ЕЩЁ ОДИН ШАНС» И никто, кроме странного белокожего мутанта, не видел, как, взявшись за руки, шагнули вперёд и растворились в мягком сиянии Монолита два человека, и никому не известно, в каких мирах теперь лежат их дороги...

Заключение

«Замеры аномальной активности, проведённые на территории Чернобыльской АЗ, показали серьёзное снижение интенсивности пси-поля, деградацию гравиконцентратных аномалий, полное либо частичное исчезновение локальных участков послонных напряжений в структуре электромагнитного поля. Частота появления новых мутаций также заметно снизилась, а в некоторых квадратах (DD-44, DE-44, DE-45, DF-45-46, и TR-12) отмечено вымирание аномально измененной флоры. Цикл аномальных энергетических вспышек нарушен и имеет тенденцию к сглаживанию, что видно на представленном в приложениях графике. Зафиксированные изменения проходят тщательный анализ, но и теперь понятно, что Чернобыльская АЗ по каким-то причинам теряет энергетическую подпитку. Заведующая лабораторией физики АЗ профессор Михайлова С.Г.».

«Понимая возросший интерес наших граждан к проблеме Невадской Бездны, считаем своим долгом в последующих выпусках «Нью-Йорк таймс» знакомить читателей со всеми новостями, поступающими как от наших учёных, так и от тех, кто занимается частным исследованием Зоны, людей, называющих себя сталкерами. На сегодняшний день все наши респонденты утверждают, что Невадская Бездна, по всем признакам, сдаёт завоёванные территории...».

«Здравствуйте! Здравствуйте, уважаемые радиослушатели, и спасибо за то, что выбрали нашу волну! Сегодня ночью мы будем транслировать для вас лучшие композиции английских рок-музыкантов, а в качестве великолепной декорации к музыке вы сможете наблюдать самое настоящее северное сияние! Откройте окна, взгляните на небо! Уже пылают в небе складки одежд древних богов, а ночь сегодня безоблачна и тиха. Загадочный свет уже озаряет нашу студию. Советуем и вам насладиться этим зрелищем под следующую нашу музыкальную композицию...».

Сталкер

Ветер, холодный сырой ветер пробежал по серым метёлкам тростника, вздохнул в ветвях искореженной, битой молниями липы и тихонько застонал, насквозь продувая подвал

древнего, практически полностью разрушившегося здания. За долгие годы бетон потемнел, растрескался, морозы и дожди сгладили углы выступающих из земли плит, в трещинах буйно разросся ядовито-зелёный бархатный мох. Весна только началась, было ещё холодно, а накидки из шкур слепых собак согревали плохо. Ветер и не думал униматься.

— Подождём здесь. — Сказал одноглазый, высохший от прожитых лет и постоянного недоедания старик. У него болели простуженные суставы, кружилась голова, но до стойбища племени идти было ещё очень далеко. Старику хотелось отдохнуть возле костра, просушить накидку и заново перемотать вокруг поясницы ленту из мягких и тёплых, но таких непрочных шкур тушканов. Старик очень устал от короткого перехода, а ведь когда-то лучшего, чем он, охотника не было ни в племени Трёх Костей, ни во враждебной им шайке дикаря Лютака.

Его спутник, подросток лет тринадцати, сноровисто собрал охапку прошлогодних стеблей полыни, высек огонь, закрывая ладонями слабый язычок пламени от порывов холодного ветра.

— Есть хочешь, дед?

Взгляд старика потеплел. Злой дух Зонаа забрал у него сына и внуков, сгинул сын в Порченных Землях, а внуки не пережили голодную зиму. Кориш, которого он взял на воспитание, заменил ему потерянную семью. Способный малец этот Кориш. В десять лет паренёк уже добывал тушканов с мягкими шкурками и вкусным мясом, умел выследить одинокого слепыша и даже уйти от Того, Кто Бродит Невидимым. Знатный охотник из него вырастет, и всё благодаря знаниям Каа-Чей. Не зря, ох, не зря взял старый Каа-Чей на воспитание этого парнишку.

— Попозже. — Старик потрепал паренька по непослушным вихрам. — Отдохнём сначала, погреемся.

— Это тоже строили Древние?

— Да, Кориш. — Старик отложил посох с примотанной к древку «ночной звездой». — Здесь были высокие каменные шалаши, и в них жило столько людей, сколько звёзд на небе.

— Много... как же Зонаа их всех победил?

— Он испортил всю землю. Сотворил Больших, Кто Бродит На Двух Ногах, Тех, Кто Бродит Невидимым и Тех, Кто Ворует Разум.

— Как наша Белая Жрица?

«Внимательный паренёк» — подумал Каа-Чей.

— Пен-Каа может воровать разум, верно. Но она добрая, она враг Зонаа, и бережёт наше племя. Она берегла его, когда ещё мой прадед не появился на свет. Говорят, она даже знала Сталакеров.

Глаза паренька загорелись.

— Дед! Расскажи мне ещё про них... ну, пожалуйста...

Каа-Чей протянул к огню худые, узловатые руки, задумался.

— Сталакеры были великие охотники. Они одни могли сражаться с Зонаа. Это были смелые, сильные люди, и в руках у них были Огненные Копья с Дюжиной Жал.

— Вот бы мне такое копьё... — мечтательно прошептал Кориш.

— Они приносили в свое племя много мяса и шкур. — Продолжал Каа-Чей. — И ещё они добывали священные камни. Даже Те, Кто Ходит Невидимым, боялись Сталакеров, защищавших мир от Зонаа. Мы верим, что однажды Сталакеры вернуться, потому что Порченные Земли уходят на север. Наверное, Зонаа чувствует их приближение. Ну, всё, ложись спать. Завтра нам предстоит долгий переход...

Но Кориш долго не мог заснуть. Ему грезились Огненные Копья, высокие, сильные Сталакеры, приглашающие его, Кориша, к своему костру как равного, как брата по оружию, и что он, новый Сталакер, принесёт в свое племя много шкур, мяса и священных камней. «Я обязательно стану Сталакером» — думал он, засыпая. — «Я смогу защитить мир от Зонаа...».

Порыв холодного ветра зашумел в бетонных плитах, в костре громко щёлкнул уголёк. Кориш спал. Старик, задумавшись, смотрел на огонь.